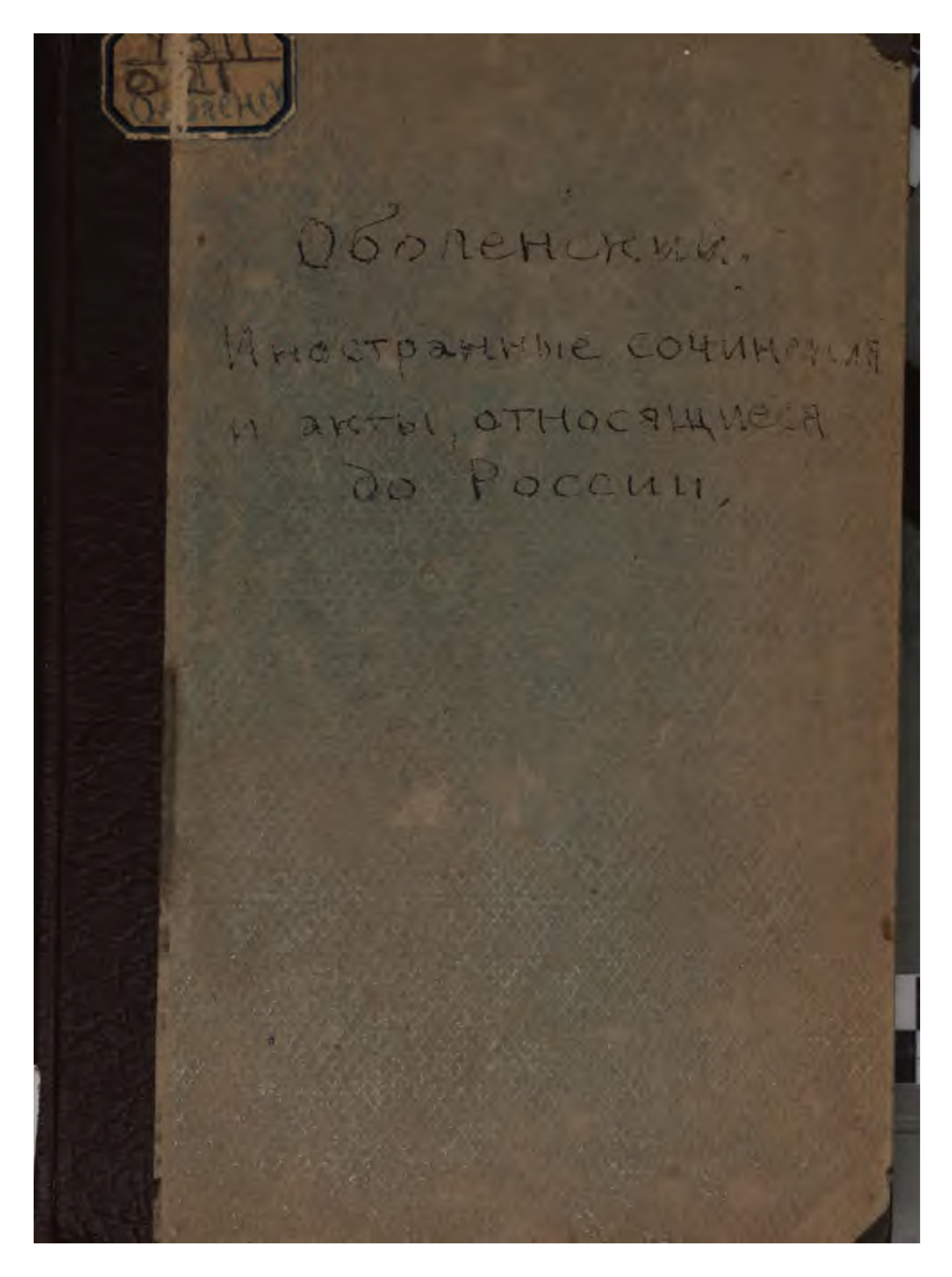
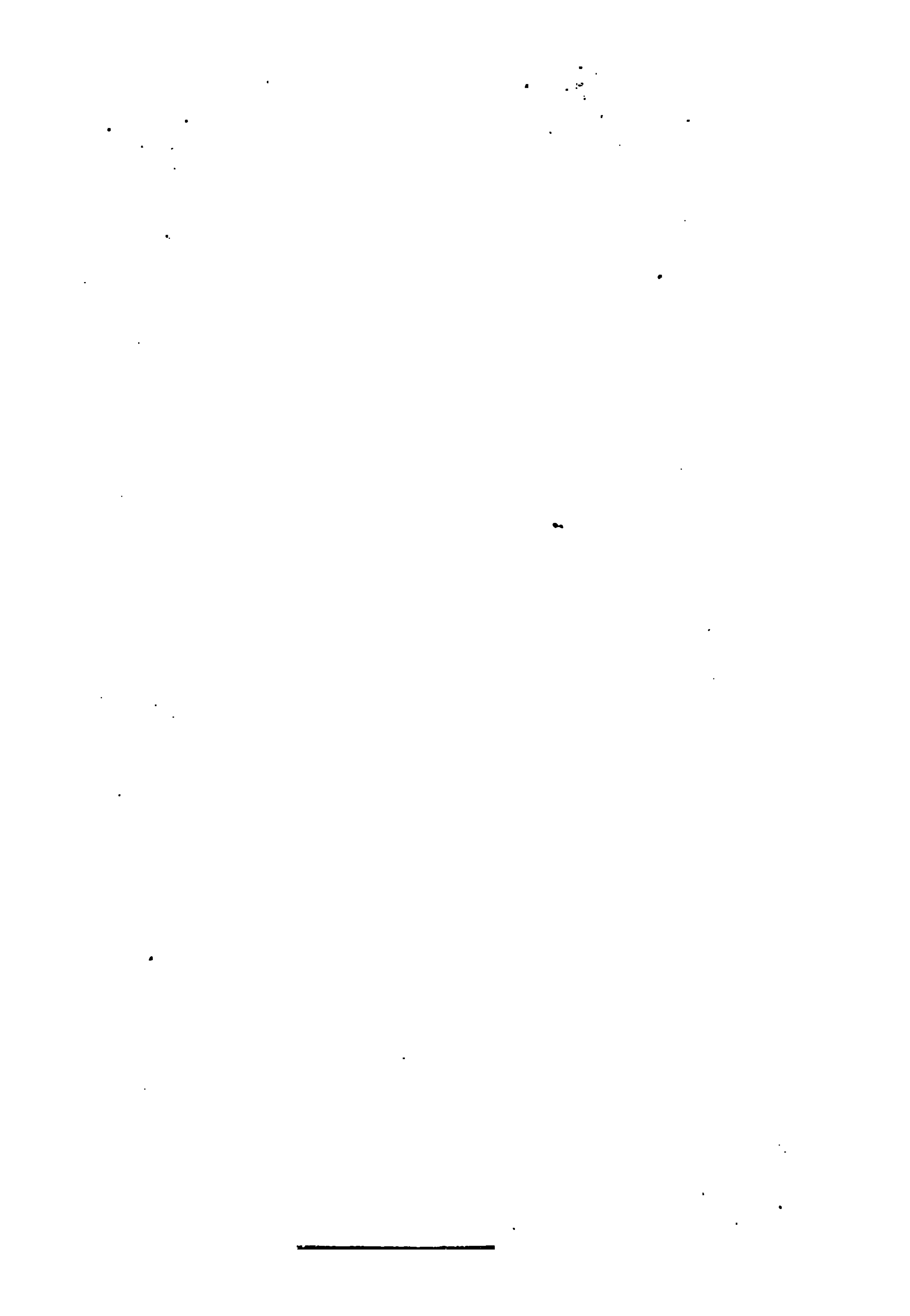

Оболенский.
Иностранные сочинения
и акты, относящиеся
до России.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

1.

ШАУМЪ.

ИНОСТРАННЫЕ СОЧИНЕНІЯ и АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО РОССІИ,

собранные

К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, сентября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

РАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Занимаясь уже нѣсколько лѣтъ собираніемъ иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи, я успѣлъ составить богатый запасъ не только печатныхъ матеріаловъ этого рода, притомъ, бо́льшею частію, въ экземплярахъ весьма древнихъ и рѣдкихъ, но и рукописей, изъ коихъ многія оставались еще доселѣ неизвѣстными ученому міру. Такой обильный запасъ и важное мѣсто, принадлежащее вообще иностраннымъ источникамъ отечественной исторіи, налагаютъ на меня обязанность приступить, безъ дальнѣйшаго замедленія, къ изданію ихъ въ свѣтъ.

Если, однако, цѣль моего настоящаго предпріятія не требуетъ никакого дальнѣйшаго объясненія, тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, какъ лучше всего достигнуть этой цѣли, остается еще нерѣшенымъ. Чтобы отвѣчать на него, я предложу здѣсь мои мысли, во первыхъ, въ отношеніи къ иностраннымъ писателямъ и актамъ, назначаемымъ къ изданію; во вторыхъ, касательно формы, въ какой должны быть передаваемы сочиненіе или документъ, для того, чтобы сдѣлать ихъ, по возможности, наиболѣе доступными.

Извѣстно, что иностранные матеріалы нашей исторіи, при ихъ безчисленномъ множествѣ, весьма различны между собою, какъ по содержанію, такъ и по своей важности. Съ

одной стороны, писатели, очевидно, не всѣ равно занимательны, даже не всѣ полезны. Поставивъ на первомъ планѣ Герберштейна, Флетчера, Рейтенфельса, Олеарія и еще нѣсколькихъ другихъ, которые заключаютъ въ себѣ столь много любопытныхъ данныхъ и, сравнительно, вѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ, мы, конечно, вовсе не въ правѣ лишить всякаго вниманія прочихъ писателей, но и не считаемъ себя обязанными перепечатывать каждаго изъ нихъ безъ предварительнаго разбора. Съ другой стороны, акты — этотъ еще болѣе богатый и несравненно болѣе надежный отдѣлъ, чѣмъ предыдущій — далеко не всѣ относятся исключительно до Россіи, а напротивъ весьма часто только мимоходомъ предлагаютъ извѣстія, имѣющія какое либо значеніе для нашей исторіи. И такъ, какіе изъ этихъ разнообразныхъ матеріаловъ заслуживаютъ по преимуществу названіе источниковъ и какіе изъ нихъ должны, слѣдовательно, подлежать изданію? Прежде всего несомнѣнно тѣ, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, основанныя на собственныхъ наблюденіяхъ автора, или, по крайней мѣрѣ, на извѣстіяхъ, сообщенныхъ ему другими, но не заимствованныхъ изъ источниковъ, и безъ того всякому знакомыхъ и доступныхъ. Вотъ почему нерѣдко одинъ какой либо фактъ, одно какое либо замѣчаніе, сообщенные писателемъ, или встрѣчающіеся въ актѣ мимоходомъ, но бросающіе свѣтъ на бытъ древней Россіи, могутъ поставить ихъ выше многихъ другихъ матеріаловъ, хотя гораздо болѣе общихъ, но предлагающихъ одинъ выборъ изъ прежнихъ сочиненій! Въ особенности нельзя не дорожить свидѣтельствомъ очевидцевъ писателей, ибо, не смотря на всѣ кривыя и ложныя сужденія, на которыя иностранцы всегда бывали столь щедры относительно нашихъ предковъ, иногда лучь истины невольно пробивается сквозь эти пристрастные толки, и какъ часто удается намъ встрѣтить вѣрный фактъ, представленный только въ дурномъ ви-

дѣ или указанный не съ надлежащей точки зрѣнія! Пусть, слѣдовательно, матеріалъ такого рода относится до цѣлой Россіи, или, напротивъ, объясняетъ только спеціальное событіе въ ея исторіи, дополняетъ характеристику какого либо знаменитаго лица, или, наконецъ, замѣчаетъ какой нибудь случай, по видимому, совершенно ничтожный, но на самомъ дѣлѣ рѣзко обозначающій свойства и обычаи древнихъ Русскихъ—во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ матеріаломъ драгоцѣннымъ, хотя въ бо́льшей или меньшей степени важнымъ въ значеніи источника вообще. Вотъ что можно сказать касательно выбора иностранныхъ сочиненій, назначаемыхъ къ изданію. Другое значеніе, относительно содержанія, представляютъ акты, заключающіе въ себѣ извѣстія о древней Россіи. Если для насъ любопытно и полезно знать тѣ отношенія, въ коихъ находились къ нашимъ предкамъ иностранныя Государства въ разное время, ихъ сужденія объ насъ, ихъ цѣли и политику въ примѣненіи къ разнымъ событіямъ въ нашемъ отечествѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что къ этому источнику должны мы особенно обратиться во всѣхъ такихъ вопросахъ, ибо хотя подобныя свѣдѣнія и встрѣчаются у нѣкоторыхъ писателей, но они бо́льшею частію предлагаютъ ихъ только мимоходомъ и вообще невѣрно. Впрочемъ, степень важности того или другаго акта, по нашему мнѣнію, опредѣляется опять не столько количествомъ находящихся въ нихъ извѣстій, сколько значеніемъ и свойствомъ данныхъ, относящихся прямо къ нашему предмету, и потому чѣмъ достовѣрнѣе матеріалы, сообщаемые актомъ, тѣмъ стоитъ онъ выше, тѣмъ драгоцѣннѣе въ значеніи источника. И такъ, вотъ основанія, коими мы намѣрены руководствоваться при выборѣ сочиненій и актовъ, которые будутъ нами издаваемы. Для того же, чтобъ нашъ выборъ не могъ казаться читателямъ дѣломъ личнаго убѣжденія, мы поставимъ себѣ въ обязанность относительно каждаго изда-

ваемаго сочиненія и документа излагать въ предисловіи и особыхъ примѣчаніяхъ тѣ причины, по которымъ мы считаемъ ихъ заслуживающими бо́льшее или меньшее вниманіе.

Другой вопросъ о томъ, какъ издавать избранный уже матеріалъ для того, чтобъ сдѣлать его доступнымъ наибольшему кругу читателей, опредѣляется, безъ сомнѣнія, тѣмъ главнымъ условіемъ, чтобы, съ одной стороны, имъ могъ пользоваться всякой Русскій, любящій отечественную исторію, все равно знакомъ ли ему языкъ подлинника или нѣтъ, слѣдовательно, чтобъ предлагать матеріалъ въ переводѣ на нашъ языкъ; а съ другой, чтобы читатель не былъ поставленъ въ необходимость руководствоваться исключительно переводомъ и, въ случаѣ сомнѣнія, незнанія Русскаго языка, или по какимъ либо причинамъ, могъ обратиться къ самому подлиннику, слѣдовательно, чтобъ вмѣстѣ съ переводомъ перепечатывать и то изданіе, съ котораго онъ сдѣланъ. Сверхъ того библіографъ имѣетъ полное право требовать, чтобъ ему сообщены были всѣ доступныя свѣдѣнія касательно издаваемаго памятника, какъ-то: подробное описаніе рукописи или книги, съ которыхъ онъ печатается, отчетъ объ разныхъ извѣстныхъ его изданіяхъ (если онъ уже прежде того выходилъ въ свѣтъ) какъ на языкѣ подлинника, такъ и въ переводахъ, равно какъ всѣ сколько нибудь замѣчательные варіанты въ этихъ изданіяхъ. Напротивъ, не льзя вмѣнять въ обязанность издателю, чтобы онъ указывалъ на всякое невѣрное мѣсто въ подлинникѣ, объяснялъ его и т. под.; довольно и того, если онъ приметъ за правило дѣлать, по возможности, понятнымъ для читателя то, что предлагается темно или двусмысленно въ издаваемомъ сочиненіи или актѣ.

—выйй опытъ соблюденія всѣхъ этихъ правилъ можно въ 1-мъ томѣ „Библіотеки иностранныхъ писателей

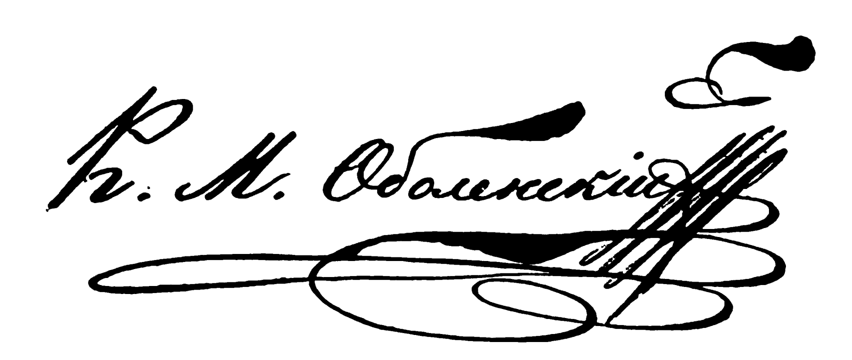
о Россіи“ (иждивеніемъ М. Калистратова, трудами В. Семенова), отд. первое, С. П. Б., 1830 г. На томъ же основаніи будемъ и мы предлагать каждый матеріалъ сначала въ переводѣ, а потомъ въ подлинникѣ (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ сочиненій или актовъ, коихъ подлинники намъ неизвѣстны), въ предисловіяхъ же давать о послѣднемъ подробный библіографическій отчетъ; притомъ, имѣя въ рукахъ многіе отечественные матеріалы, служащіе къ поясненію и дополненію разныхъ иностранныхъ писателей и документовъ, но еще не изданные въ свѣтъ, будемъ помѣщать ихъ въ концѣ, въ видѣ приложеній. Относительно примѣчаній мы ограничимся только самыми необходимыми, или имѣющими какой либо особый интересъ, на пр., сообщающими новые историческіе факты, библіографическія извѣстія, и т. д.

Познакомивъ читателей съ правилами нашего изданія, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ касательно тѣхъ сочиненій и актовъ, которые мы намѣрены прежде всего предложить вниманію публики. Тѣмъ, кому извѣстенъ превосходный трудъ незабвеннаго Ѳ. П. Аделунга объ иностранныхъ путешественникахъ по Россіи до 1700 г., конечно, пріятно будетъ узнать, что мы имѣемъ въ виду не только нѣсколько именъ, но и сочиненій, не означенныхъ въ этомъ обозрѣніи, какъ въ печатныхъ изданіяхъ, такъ и въ рукописяхъ. Таковы, на пр., сочиненіе Шаума подъ заглавіемъ „Tragoedia Demetrio-Moscovitica,“ который былъ извѣстенъ Аделунгу только по одному имени, почему самому мы предпосылаемъ изданіе этого сочиненія всѣмъ прочимъ; далѣе въ высшей степени любопытный отдѣлъ въ изданіи Лазицкаго „De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione“, etc. (Spirae, 1582), подъ названіемъ: „Colloquium de religione M. Ducis Moschorum cum Rohita, Ministro ecclesiae fratrum Bohemorum; it. Responsio Iohannis B., M. Ducis Moschorum, ad hanc Rohitae confessionem fidei,

data an. 1570, Kalend. Maij"; сочиненіе Крёлля (Crull, Iohn): „The present condition of the Muscovite Empire, till the year 1699, in two letters, London, 1699"; весьма рѣдкая брошюра о Лжедимитріи придворнаго медика его, Петриція, и проч. Мы можемъ привести также нѣкоторыя изданія разныхъ писателей, не упомянутыя въ книгѣ Аделунга, какъ-то: изданіе 1605 г. довольно извѣстнаго сочиненія Смита „Voyage and entertainment in Russia, with the tragical ends of two Emperors and one Empress"; нѣсколько изданій Одерборновой „Epistola ad Davidum Chytraeum, de Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu", etc., и друг. Такимъ образомъ, по изданіи въ свѣтъ писателей, заслуживающихъ, по своей важности, особеннаго вниманія, мы не замедлимъ печатаніемъ тѣхъ изъ менѣе значительныхъ сочиненій, которыя по чему либо не должны быть оставленными въ неизвѣстности. Что касается до наиболѣе замѣчательныхъ писателей, то мы, на первый разъ, избираемъ только тѣхъ, которые еще не были вовсе, или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ знакомы читателямъ по Русскимъ переводамъ. Съ этою цѣлью у насъ уже приготовлены къ изданію знаменитое сочиненіе Флетчера: „Of the Russe common wealth", извѣстное донесеніе Таубе и Крузе объ Іоаннѣ Грозномъ, Принца Бухавскаго „Moscoviae ortus et progressus", изданіе Бареццо Барецци „о Лжедимитріи", и переводятся сочиненія: Михайлона Литвана „de moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum", Рейтенфельса „de rebus Moscoviticis", Павла Юстена „Acta legationis Moscoviticae", 1569—1572, и проч. Изъ втораго разряда писателей уже поступили въ печать рукописный дневникъ Самуила Бѣльскаго, 1609 г., разныя Нѣмецкія брошюры, относящіяся до войны Іоанна Грознаго въ Ливоніи, и переводятся донесенія Дженкинсона о Россіи. Но еще важнѣе надѣемся мы сдѣлать отдѣлъ другихъ иностранныхъ сочиненій (кромѣ путешествій) и актовъ, ибо ихъ мы будемъ давать преимущественно на основаніи рукописей, часто

вовсе неизвѣстныхъ. Изъ первыхъ стоитъ здѣсь упомянуть о географическомъ сочиненіи Зиммерна (Cosmus Simmern von Simmerscampo): „Allgemeine Weltbeschreibung", коего восьмая часть заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ; о Рейфенберговомъ „Politia Regia", 1620 г., объ описаніи Гофмана, подъ заглавіемъ: Kurtze und neueste Moscowitische Zeit,-Land,-Staats- und Kirchen-Beschreibung, Nürnberg, 1687", и проч. Касательно вторыхъ замѣтимъ только, что изъ множества матеріаловъ этого рода мы будемъ предлагать особенно тѣ, которые заключаютъ въ себѣ вѣрныя и современныя указанія на отношенія иностранныхъ Государствъ къ Россіи. Такова, на пр., инструкція, данная Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III Самуилу Грушецкому, отправленному посланникомъ въ Испанію въ 1612 году, которую мы надѣемся въ самомъ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы, съ одной стороны, познакомить читателей съ матеріалами, которые мы имѣемъ въ виду при нашемъ изданіи, а съ другой доставить нѣкоторое пособіе занимающимся Русской исторіей, мы уже приступили къ составленію подробнаго каталога извѣстныхъ намъ доселѣ иностранныхъ сочиненій и актовъ, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ, съ отмѣткою, гдѣ можно ихъ видѣть (если экземпляръ очень рѣдокъ), означеніемъ разныхъ изданій каждаго и другими библіографическими примѣчаніями. Въ связи съ этимъ каталогомъ мы изготовляемъ также отчетливый указатель въ алфавитномъ порядкѣ тѣхъ иностранныхъ писателей, которые уже извѣстны въ Русскомъ переводѣ, съ объясненіемъ, гдѣ и когда былъ каждый изъ нихъ напечатанъ: для тѣхъ, кто намѣренъ пользоваться нашимъ собраніемъ, такой перечень будетъ тѣмъ болѣе нуженъ, что изданіе всѣхъ, принадлежащихъ сюда матеріаловъ мы, по необходимости, предполагаемъ отложить на нѣкоторое время.

Наконецъ, намъ пріятно также довести до свѣдѣнія читателей, что наше предпріятіе удостоилось одобренія Гг. Членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что, для доставленія издаваемымъ нами иностраннымъ сочиненіямъ и актамъ бóльшей извѣстности, мы будемъ помѣщать ихъ сначала въ „Чтеніяхъ", (которыя, благодаря неусыпной ревности Г. Секретаря Общества, Осипа Максимовича Бодянскаго, сдѣлались настольною книгою всякаго, занимающагося Русской исторіей), а потомъ выдавать отдѣльно, по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ; что нѣкоторые изъ молодыхъ ученыхъ, основательно знающіе иностранные языки, согласились принять участіе въ нашемъ изданіи переводами съ находящихся у насъ подъ руками подлинниковъ, и что окончательнымъ приготовленіемъ статей къ печати и ихъ редакціей будетъ завѣдывать Николай Васильевичь Калачовъ.

TRAGOEDIA
DEMETRIO-MOSCOVITICA.

ИСТОРІЯ
ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ,

случившихся

со

ЛЖЕ-ДИМИТРІЕМЪ

и

о взятіи Шведами

Великаго Новгорода.

сочиненіе

Матвея Шаума,

1614 года.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, Сентября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ имя Матвѣя Шаума, такъ и сочиненіе его „Tragoedia Demetrio-Moscovitica" извѣстны, безъ сомнѣнія, весьма немногимъ изъ занимающихся Русскою Исторіею; самое названіе этого сочиненія встрѣчается очень рѣдко, а изъ новыхъ писателей, сколько намъ извѣстно, никто имъ еще не пользовался. Аделунгъ, такъ долго и ревностно изучавшій иностранные источники нашей Исторіи, зналъ одно имя Матвѣя Шаума, о сочиненіяхъ же его не могъ найти никакихъ свѣдѣній (1). Такимъ образомъ „Tragoedia Demetrio-Moscovitica" могла остаться надолго или навсегда неизвѣстною. Но по какому-то счастливому случаю о существованіи книги подъ этимъ заглавіемъ узналъ нашъ безсмертный Канцлеръ, Графъ Н. П. Румянцевъ. Для него сдѣланъ былъ переводъ ея, хранящійся нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ (2). Сверхъ того вѣрная копія съ перевода была доставлена въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ: по всей вѣроятности, она прислана сюда еще при жизни Графа Румянцева и по его волѣ. „Tragoedia Demetrio-Moscovitica" извѣстна намъ только по этой копіи, и ее-то предлагаемъ мы теперь во всеобщее извѣстіе.

Нѣсколько подробностей о жизни Матвѣя Шаума можно найти въ самомъ сочиненіи его. Матвѣй Шаумъ былъ Нѣмецъ, служившій въ Шведскомъ войскѣ до конца 1613

(1) См. Uebersicht der Reisenden in Rußland bis 1700 (Band II, S. 296).

(2) См. въ Опис. ркпс. Румянцевскаго Музеума, составленномъ А. Востоковымъ, № CCCCLXIX, стр. 794.

По опредѣленію Общества, Сентября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ имя Матвѣя Шаума, такъ и сочиненіе его „Tragoedia Demetrio-Moscovitica“ извѣстны, безъ сомнѣнія, весьма немногимъ изъ занимающихся Русскою Исторіею; самое названіе этого сочиненія встрѣчается очень рѣдко, а изъ новыхъ писателей, сколько намъ извѣстно, никто имъ еще не пользовался. Аделунгъ, такъ долго и ревностно изучавшій иностранные источники нашей Исторіи, зналъ одно имя Матвѣя Шаума, о сочиненіяхъ же его не могъ найти никакихъ свѣдѣній (1). Такимъ образомъ „Tragoedia Demetrio-Moscovitica“ могла остаться надолго или навсегда неизвѣстною. Но по какому-то счастливому случаю о существованіи книги подъ этимъ заглавіемъ узналъ нашъ безсмертный Канцлеръ, Графъ Н. П. Румянцевъ. Для него сдѣланъ былъ переводъ ея, хранящійся нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ (2). Сверхъ того вѣрная копія съ перевода была доставлена въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ: по всей вѣроятности, она прислана сюда еще при жизни Графа Румянцева и по его волѣ. „Tragoedia Demetrio-Moscovitica“ извѣстна намъ только по этой копіи, и ее-то предлагаемъ мы теперь во всеобщее извѣстіе.

Нѣсколько подробностей о жизни Матвѣя Шаума можно найти въ самомъ сочиненіи его. Матвѣй Шаумъ былъ Нѣмецъ, служившій въ Шведскомъ войскѣ до конца 1613

---

(1) См. Uebersicht der Reisenden in Rußland bis 1700 (Band II, S. 296).

(2) См. въ Опис. ркпс. Румянцевскаго Музеума, составленномъ А. Востоковымъ, № CCCCLXIX, стр. 794.

года. Онъ участвовалъ въ походахъ Шведовъ въ Россію. Это видно изъ того, что Шведское Правительство поручало ему написать трактатъ „о Русскомъ войскѣ.“ Поэтому Шаумъ, описывая Россію, говоритъ обо всемъ какъ очевидецъ, — и въ этомъ отношеніи его сочиненіе весьма замѣчательно, не смотря на то, что онъ смотритъ на все съ явнымъ предубѣжденіемъ и не отдаетъ Русскимъ должной справедливости. — Получивши увольненіе изъ Швеціи, Шаумъ тотчасъ же возвратился въ свое отечество; здѣсь онъ вскорѣ издалъ свою „Трагедію“, которая посвящена имъ Наслѣдному Принцу Шведскому, Густаву Адольфу. О дальнѣйшихъ происшествіяхъ жизни Шаума мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

„Tragoedia Demetrio-Moscovitica“ писана на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ примѣчаній и поправокъ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланныхъ на поляхъ списка, хранящагося въ Архивѣ. Она напечатана въ 1614 году, въ Ростокѣ, въ типографіи Іоакима Фусса. Мы думаемъ, что это изданіе принадлежитъ къ числу величайшихъ библіографическихъ рѣдкостей; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одной библіотеки, гдѣ бы можно было видѣть эту книгу.

Печатая сочиненіе Шаума вполнѣ, мы считаемъ излишнимъ разсматривать его подробно, и потому укажемъ только на главныя его достоинства и недостатки. Передъ многими иностранными источниками, относящимися къ тому же періоду нашей Исторіи, „Tragoedia Demetrio-Moscovitica“ имѣетъ то преимущество, что она писана человѣкомъ, долго жившимъ въ Швеціи, и врагомъ Папы и Поляковъ. Въ первомъ отношеніи, Шаумъ, будучи знакомъ съ дѣлами Швеціи, сообщаетъ болѣе обстоятельныя, хотя не всегда вѣрныя, свѣдѣнія о войнѣ и договорахъ Русскихъ съ Шведами; напротивъ, какъ врагъ Папы и Поляковъ, онъ представляетъ дѣйствія Іезуитовъ и Польскихъ Сановниковъ въ пользу

Лжедимитрія совершенно съ другой точки, нежели приверженцы Католицизма. Въ этомъ заключаются главныя достоинства сочиненія Шаума. Но съ другой стороны, какъ иностранецъ, очевидно, напитанный предубѣжденіемъ противъ нашего отечества, Шаумъ имѣетъ всѣ недостатки, какими отличается большая часть иностранныхъ писателей, объясняющихъ состояніе Россіи того времени. Не зная нашей Исторіи, обычаевъ и, вѣроятно, языка Русскаго, Шаумъ смѣло судитъ обо всемъ по первому впечатлѣнію, по первымъ свѣдѣніямъ, схваченнымъ на удачу. Онъ описываетъ нашихъ предковъ самыми мрачными красками, навязываетъ имъ всѣ пороки, и всѣ дѣйствія ихъ старается объяснить въ худую сторону. Мы сочли ненужнымъ опровергать такія сужденія: читателямъ легко будетъ отличить истину отъ небылицъ, и, безъ сомнѣнія, никто, сколько нибудь знакомый съ бытомъ и свойствами нашихъ предковъ, не повѣритъ столь страннымъ мнѣніямъ о нихъ иностранца. Потому воспользуемся всѣми историческими извѣстіями, которыя сообщаетъ Шаумъ, и оставимъ въ покоѣ его сужденія.

Въ заключеніе сдѣлаемъ одно замѣчаніе относительно печатаемаго нами перевода. Въ немъ встрѣчаются очевидныя погрѣшности не только противъ правилъ языка, но даже противъ самаго смысла. Мы, по возможности, исправили ихъ, отмѣчая ошибки въ подстрочныхъ выноскахъ. Здѣсь же помѣщаемъ мы немногія примѣчанія и поправки, находящіяся на поляхъ перевода: всѣ эти приписки на Нѣмецкомъ языкѣ и неизвѣстно кѣмъ сдѣланы.

К. М. Оболенскій.

TRAGOEDIA
DEMETRIO - MOSCOVITICA.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРІЯ
ЧУДНЫХЪ И ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ,

СЛУЧИВШИХСЯ

СО

Лже-Димитріемъ,

ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ,

отъ начала до конца.

ТАКЖЕ И О ТОМЪ,

что между тѣмъ происходило

ВЪ ШВЕДСКОЙ АРМІИ,

ПРИ ВЗЯТІИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ради истины и на любителей,

КРАТКО СОЧИНЕННАЯ

Матвѣемъ Шаумомъ.

РОСТОКЪ.

ПЕЧАТАЛЪ ІОАКИМЪ ФУССЪ ВЪ MDCXIV ГОДУ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ,

ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ И ВЫСОКОРОДНОМУ

ГОСУДАРЮ,

ГУСТАВУ АДОЛЬФУ,

ШВЕДОВЪ, ГОТѲОВЪ, ВЕНДОВЪ, И ПРОЧ.,

ИЗБРАННОМУ

КОРОЛЮ И НАСЛѢДНОМУ ПРИНЦУ,

Великому Князю Финляндскому,

ГЕРЦОГУ ЭСТЛЯНДСКОМУ И ВЕСТМАНЛАНДСКОМУ, И ПРОЧ.,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

МОЕМУ КОРОЛЮ И ГОСУДАРЮ.

Напередъ молю Іисуса Христа, да испроситъ миръ и благодать отъ Господа Бога.

Должная моя любовь и вѣрность, Всемилостивѣйшій Государь, къ достославному Шведскому престолу въ продолженіе моей службы, знаменитая его древность, сродство съ нами,

Нѣмцами, и всякія благотворенія побуждають меня вѣчно быть признательнымъ, и въ самомъ отсутствіи, во всю жизнь, служить по возможности. Особливо симъ случаемъ не могу не воспользоваться.

Когда я въ прошлую зиму получилъ всемилостивѣйшее увольненіе изъ Королевства Вашего Величества, то, проѣзжая верхнюю Германію, даже до Франціи, по дѣламъ моимъ, многими вопрошаемъ былъ о положеніи Россійской войны. Я даже слышалъ разныя странныя и чисто негодныя о томъ сужденія. Сіе, а особливо просьба нѣкоторыхъ знаменитыхъ особъ, побудили меня сообщить имъ краткое и письменное извѣстіе касательно упомянутаго предмета, которое извѣстіе они въ настоящемъ видѣ пересылали другъ другу и, какъ я слышалъ, охотно читали, а потомъ убѣдили меня обнародовать оное.

Но поелику не все было мнѣ извѣстно, особливо что происходило въ тайномъ совѣтѣ, и я легко могъ ошибиться, то симъ прошу всеподданнѣйше Ваше Величество приказать разсмотрѣть, перемѣнить или поправить оное историческое разсужденіе.

На сіе отважиться побудили меня не токмо вышепомянутыя причины, но и увѣщаніе В. К. В. Фельдмаршала въ Россіи, Г. Ебгарда Горна, который въ прошлое лѣто совѣтовался съ В. Корол. Величествомъ; въ слѣдствіе чего всемилостивѣйше повелѣно мнѣ было написать сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Русское войско“ (militia Rhutenica). Сочиненіе сіе, оконченное мною, по причинѣ моего путешествія и другихъ препятствій, въ которыхъ я не виноватъ, не было обнародовано. Теперь остается мнѣ всенижайше просить Ваше Королевское Величество уважить и милостиво принять предлагаемое произведеніе, не по малозначительности онаго, но по надобности и ради матерій и происшествій, въ немъ содержащихся. За симъ молю Всемогущаго Бога даровать Вашему Величеству непремѣнное здравіе, миръ, долголѣтіе и счастливое правленіе. Апрѣля 8-го дня, 1614 года.

Вашего Королевскаго Величества

всеподданнѣйшій и нижайшій

слуга,

Матвѣй Шаумъ.

TRAGOEDIA DEMETRIO-MOSCOVITICA.

Прежнее * и настоящее положеніе войны въ Россіи, служащее зерцаломъ гнѣва Божія за грѣхи, провидѣнія (?) и перемѣны правительствъ, предлагаемое какъ урокъ для всѣхъ православныхъ христіанъ и какъ истинное извѣстіе для любителей исторіи, съ означеніемъ, какую имѣлъ причину Шведскій полководецъ въ Россіи, Яковъ де-Легарди, напасть и завоевать Новгородъ и принадлежащіе къ нему замки и крѣпости.

Что нашъ Господь Богъ есть сильный и строгій судія и каратель ненавидящихъ его и своевольно преступающихъ Его святую волю, что Онъ за злодѣяніе отцовъ отмщаетъ дѣтямъ, о томъ ясно глаголетъ не только эпилогъ, или окончаніе десяти святыхъ заповѣдей Божіихъ, но даже древняя и новѣйшая исторія. Что казни падаютъ на страну и ея жителей не случайно, но опредѣляются Богомъ въ отмщеніе за грѣхи, а потому цѣлыя государства, земли и города превращаются и правительства перемѣняются, и что судьбы (fata) рѣшаются не по необходимости и безъ участія вторыхъ причинъ (necessario, absque respectu causarum secundarum), о томъ вѣщаютъ не одни святые пророки (особливо Даніилъ, 9: „Богъ возводитъ и низводитъ царей"), но и языческіе писатели. Сіи послѣдніе являютъ намъ довольно богобоязливую и христіанскую философію, описывая перемѣны правительствъ, равно какъ Греческія и Римскія войны по частямъ и каждую въ особенности съ ея причинами и началомъ. Правда, они не всѣ единообразно описываютъ и не всѣ съ равнымъ стараніемъ и обстоятельно; да и не диво, ибо имъ всемірное (universale) державоправленіе было неизвѣстно, съ перемѣнами четырехъ великихъ державоправленій; но довольно и того, что мы въ нихъ можемъ поучаться суду, совѣту Божію и провидѣнію и созерцать гнусные пороки народовъ, придворную лесть, своекорыстіе, скупость и властолюбіе, вмѣстѣ съ приличными имъ наказаніями, какъ бы въ нѣкоемъ зерцалѣ, и благоговѣть предъ Богомъ. Также справедливо, что одна вещь имѣетъ многія (вмѣстѣ) причины, которыя всѣ вмѣстѣ никому, кромѣ единаго Бога, неизвѣстны, что всѣ твари служатъ единому Богу и Его волѣ, и все, сообразно съ Его всеобщимъ совѣтомъ, должно способствовать къ достиженію извѣстнаго конца, что люди сами должны подавать причину къ пагубѣ, паденію и къ перемѣнѣ державоправленій своими грѣхами, своими страстьми, ненавистью,

Чудесное державоправленіе Божіе.

---

* Противъ этого слова въ нашей копіи сдѣлана слѣд. отмѣтка: *Vorlauff* ist hier Verlauf, Beschaffenheit einer Sache, also nicht прежнее.

не могъ продавать хлѣба, ни показать на рынкѣ, не подвергая себя опасности и не причиня бунта. За сею карою послѣдовала
2. Чума. вскорѣ ужаснѣйшая моровая язва. Сіи двѣ кары непосредственно насланы Богомъ и потому были утѣшнѣе и сноснѣе, нежели
3. Война. третья, внутренняя и внѣшняя война и тиранство. Ибо, какъ царь Давидъ говоритъ, лучше пасть въ руки Господа, нежели въ руки человѣческія. Не только Царь Іоаннъ Васильевичь причинилъ много безчеловѣчныхъ смертей и много пролилъ крови внутри государства * и въ Лифляндіи погребъ великое число своего народа во рвахъ и при безразсудныхъ штурмовыхъ осадахъ; но и по кончинѣ его, въ теченіи 30 лѣтъ, не отраднѣе было, такъ что удивительно, какъ нашлось еще нѣсколько людей, способныхъ носить оружіе, каковыхъ, конечно, не много было (!!). Особливо со времени упомянутой язвы и дороговизны продолжалась безпрестанная внѣшняя и междоусобная война, которую Русскіе навлекли сами на себя своею опрометчивостію, честолюбіемъ, своекорыстіемъ, лукавствомъ, завистію, ненавистію, пронырствами и несогласіемъ, такъ что нельзя не подивиться чуднымъ поступкамъ и перемѣнѣ власти, кольми паче страннымъ
От чего взялись разные Димитріи. дѣяніямъ многоразличныхъ Димитріевъ. Ибо Господь Богъ, желая послать праведный гнѣвъ свой, ослѣпляетъ людей, попускаетъ коснѣть въ упорномъ ихъ неразуміи, дабы они сами себѣ готовили злоключеніе и устремлялись на казнь [4]. Въ поученіе, за извѣстіе, да и ради забавы, хочу я кратко расказать переворотъ, случившійся со времени смерти тирана Ивана Васильевича, который скончался въ 1583 году.

Три сына тирана Ивана Васильевича. Тиранъ имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Өеодора и Димитрія. Старшаго закололъ онъ самъ заостренною своею тростью, за то, что сынъ уговаривалъ и униженно просилъ отца не поступать такъ безчеловѣчно съ бѣдными плѣнниками. Но Одерборнъ извѣщаетъ, что онъ въ отсутствіе отца, который въ началѣ не хотѣлъ и думать о войнѣ съ Стефаномъ Баторіемъ ** и позволилъ ему свободно свирѣпствовать, собралъ воиновъ и учинилъ отпоръ непріятелю. Тиранъ, подозрѣвая, что онъ заранѣе домогается короны и скипетра, ударилъ его въ ярости, между разговоромъ, палкою, выкололъ ему глазъ и когда нещастный отъ отца хотѣлъ убѣжать, то сей началъ топтать его, ударилъ головою объ стѣну ***, отъ чего онъ получилъ неизлечимое круженіе головы и умеръ при тщетномъ стараніи лекарей.

---

* Противъ этого слова замѣчено на полѣ перевода: Der Uebersetzer hat nicht gewusst, was Schaum unter *Apriessen* versteht; es soll опричина seyn. Deswegen hat er die ganze Stelle ausgelassen.

** Въ перев. *о войнѣ Стефана Баторія.*

*** На полѣ перевода поправлено: nicht der Vater stiess ihn, *er selbst* stiess sich an die Mauer.

Борисъ Годуновъ управлялъ государствомъ.

Самый младшій сынъ былъ еще ребенокъ. Средній, Өеодоръ, отъ природы былъ неспособенъ къ правленію, тупъ, или, лучше сказать, малоуменъ. Для того государственный шталмейстеръ, Борисъ Годуновъ, завладѣлъ рулемъ правленія и все дѣлалъ по своей волѣ. Онъ былъ проворенъ, уменъ и предусмотрителенъ, но весьма коваренъ, лукавъ, т. е., онъ былъ настоящій Русскій и доброе орудіе къ совершенной пагубѣ Русскихъ.

Өеодоръ становится Великимъ Княземъ.

Дабы не было подозрительно и никто бы не могъ замѣтить умысла совершенно завладѣть скипетромъ, Борисъ велѣлъ короновать глупаго Өеодора Царемъ и Великимъ Княземъ, а самъ по немъ назвался Өеодоровичемъ (?!). За симъ онъ и спалъ и видѣлъ, какъ бы истребить древнее Великокняжеское колѣно, и напередъ умертвить младаго Димитрія. Супруга Великаго Князя Өеодора была безплодна, а у Русскихъ такое право и обычай, что ежели Великій Князь, или даже какой либо изъ мелкихъ князей, имѣетъ безплодную супругу, то онъ, съ дозволенія Патріарха, можетъ съ нею развестися и взять другую [5].

Хитрость Бориса.

И потому Московское дворянство и всеобщій совѣтъ положили препроводить Великую Княгиню въ монастырь, а Өеодору дать другую супругу. Но Борисъ умѣлъ отвратить сіе и тайно согласился съ Патріархомъ, чтобы сей не дозволялъ развода и новаго бракосочетанія. Между прочими причинами онъ представлялъ *, что изъ сего произойдетъ великое несогласіе, война и кровопролитіе, ибо молодой Князь Димитрій свѣжъ и здоровъ и уже достигаетъ зрѣлыхъ лѣтъ.

Сими причинами, а болѣе подарками убѣжденный Патріархъ между тѣмъ уговорился съ Борисомъ немедленно заперетъ въ монастырь ту дѣвицу, которая, какъ способнѣйшая къ деторожденію, представлена была въ супруги. Ее тотчасъ постригли въ черницы и никто не смѣлъ пикнуть.

Когда его предпріятіе удалось благополучно, то онъ старался сбыть съ рукъ Димитрія до совершеннаго его возраста. Тогда Димитрій жилъ въ Угличѣ. Борисъ Годуновъ преклонилъ нѣкоторыхъ Димитріевыхъ прислужниковъ (юнкеровъ) къ измѣнѣ и подарками подкупилъ ихъ умертвить своего господина.

Димитрія убиваютъ **.

Сіе учинили они слѣдующимъ образомъ. Въ одну ночь зажгли они городъ. Когда же сей началъ горѣть, то произошло

---

* Въ перев. *предложилъ*.

** За симъ въ переводѣ, съ боку же, приписано: „тутъ отступаютъ отъ насъ противники наши, Поляки и Паписты, утверждая, будто бы настоящій Димитрій увезенъ тайно, а на мѣсто его убитъ другой отрокъ, сынъ нѣкотораго священника, какъ то видѣть можно изъ одного сочиненія на Латинскомъ языкѣ, изданнаго въ Кельнѣ Гергардомъ Гревенбрухомъ, въ 1607 году. Для чего Поляки и Паписты защищаютъ его мнѣніе, всякъ легко понять можетъ, кто только свѣдущъ въ Польской и Шведской войнѣ. Надобно только удивляться варварскому невѣжеству Русскихъ, корое наиболѣе причиною сего сомнѣнія касательно жизни или смерти

страшное смятеніе. Младой Димитрій встаетъ съ постели, желая видѣть, какъ народъ тушитъ пожаръ. Вдругъ, при сходѣ съ лѣстницы, напали на него измѣнники—собственные его слуги,—закололи и бросились къ пожару съ крикомъ и воемъ, что господина ихъ, Димитрія, закололи во время тревоги. Тогда народъ, еще паче пожара устрашенный, устремился къ замку, и видя что сіе справедливо [*], въ ярости и ожесточеніи перебилъ почти всѣхъ Димитріевыхъ слугъ, ибо онъ опасался, что долженъ будетъ отвѣчать за Димитрія [6]. Борисъ Годуновъ притворился весьма опечаленнымъ и очень разгнѣвался. Дабы его происки не были примѣчены, Борисъ осудилъ бѣдныхъ граждапъ и купцовъ на воду (?), на смерть и заточеніе, и многихъ отослалъ въ Сибирь. Подъ предлогомъ criminis lesae Majestatis и чтобы тѣмъ лучше скрыть свои лукавства, онъ велѣлъ совершить казни сіи съ сугубою жестокостію, а можетъ быть и въ отмщеніе [**] за убіеніе вѣрныхъ его поборниковъ и убійцъ Димитрія. А чтобы всему тому сообщить большую благовидность и болѣе быть обезпеченну, онъ послалъ туда съ своими слугами вельможу, князя Василья Ивановича Шуйскаго, для узнанія [***], точно ли то былъ Димитрій по природнымъ его признакамъ (именно по бородавкѣ на носу и по одной рукѣ, которая была длиннѣе [****] другой) [7]. Найдя сіе дѣйствительно такъ, они должны были съ честію и великолѣпіемъ похоронить его. Упомянутый Шуйскій признавъ убитаго за подлиннаго Димитрія, велѣлъ его похоронить по великокняжески, а самый замокъ разломать, какъ домъ смертоубійства [8]. А что въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, свидѣтель самъ Шуйскій. Ибо онъ потомъ, бывъ избранъ Великимъ Княземъ, часто разсказывалъ о семъ приключеніи чужестранцамъ и тамошнимъ жителямъ, подтверждая тяжкими клятвами. Удаливъ такимъ образомъ Димитрія и надѣясь совершенно завладѣть скипетромъ, Борисъ всемѣрно старался заключить миръ между Шведами и Русскими, дабы тѣмъ болѣе придать себѣ важности и побудить простой народъ къ послушанію и любви. Вскорѣ послѣ того, какъ подписанъ былъ мирный договоръ, Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь сложилъ съ себя корону и скончался въ 1594-мъ году. Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ, по Русски, отравилъ его ядомъ. Но когда Ѳеодоръ лежалъ на смертномъ одрѣ, то государственный совѣтъ предсталъ предъ него и спросилъ, кого избираетъ на свое мѣсто Великимъ Княземъ, или, по крайней мѣрѣ, кому хочетъ подать свой голосъ

Великій Князь умираетъ.

Димитрія. Но какъ бы то ни было, я держусь мнѣнія многихъ людей того времени, еще здравствующихъ, о смерти подлиннаго Димитрія а особливо донесенія Петра Петрея, который долго жилъ въ Россіи и часто посылался туда изъ Швеціи его Королевскимъ Величествомъ."

* Въ перев. *видя сіе справедливымъ.*

** Въ перев. *И въ отместіе.*

*** Въ перев. *узнать.*

**** Такъ же: *по одной рукѣ длинной противу другой*

(ибо наслѣдниковъ не было)? Тогда онъ отвѣтствовалъ: кому напослѣдокъ вручу свой скипетръ, тотъ долженъ быть Великимъ Княземъ. Примѣтя приближающуюся кончину и, по своей вѣрѣ, облекшись въ монашескую одежду, подалъ онъ скипетръ Никитѣ Романовичу, ближайшему своему другу.

Сіе весьма огорчило Бориса, и поелику онъ имѣлъ полную власть, какъ государственный шталмейстеръ и военачальникъ, то, взявъ войско, пошелъ къ Серпухову противу Татаръ, которыхъ нѣсколько тысячь расположилось тамъ лагеремъ, заключилъ съ ними миръ и обязался платить имъ ежегодную дань. Проводивъ Татаръ, Борисъ примѣтилъ, что не льзя утаить шила въ мѣшкѣ, сбросилъ съ себя личину и началъ открыто дѣйствовать, уговорилъ и преклонилъ войско гладкими словами и обѣщаніями объявить его, вопреки всеобщему совѣту и выбору Россійскаго дворянства, Царемъ и Великимъ Княземъ и присягнуть въ вѣрной службѣ. Тогда Борисъ прибылъ съ войскомъ въ Москву и никто не смѣлъ противу него пикнуть. Всѣ одобрили выборъ войска и короновали его. Борисъ Годуновъ дѣлается Великимъ Княземъ.

Упомянутаго и объявленнаго Великимъ Княземъ Никиту Романовича онъ заключилъ въ темницу * со всѣмъ его поколѣніемъ, терзалъ, мучилъ и ограбилъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ. За тѣмъ царствовалъ онъ безъ всякаго прекословія и сопротивленія, въ полной безопасности, хотя къ тайному прискорбію и неудовольствію многихъ, которые, однако жъ, не смѣли показать того. Но вдругъ явился одинъ отчаянный монахъ, выдалъ себя за Димитрія, столкнулъ Бориса съ престола и такъ же съ нимъ поступилъ, какъ онъ недавно съ подлиннымъ великокняжескимъ поколѣніемъ. Этотъ монахъ прямымъ своимъ именемъ называется Гришка Отрепьевъ (въ подлинникѣ: Гришка Тарпея), изъ мошенниковъ мошенникъ. Отецъ его, священникъ, желая усмирить Гришкино буйство строгимъ монашескимъ порядкомъ, отдалъ его въ монастырь. Но монашеская жизнь ничуть Гришкѣ не понравилась; онъ убѣжалъ изъ монастыря и пришелъ въ Путивль **, а оттуда опять въ Кіевъ, въ монастырь. Гришка былъ скоръ, хитръ и чернокнижникъ (онъ довольно читалъ Русскія лѣтописи), словомъ: онъ былъ рожденъ *для* великихъ мошенничествъ. Игуменъ того монастыря полюбилъ его и отправилъ къ воеводѣ Адаму Вишневецкому ***, который принялъ Гришку въ службу и научилъ его всѣмъ рыцарскимъ упражненіямъ: фехтованью, борьбѣ, турнированью, и проч. И поелику онъ имѣлъ два вышеупомянутые признака на рукѣ и на носу, сверхъ того жесткіе черные волосы, короткое лице, толстое и стройное тѣло, то выдумка Гришкина не совсѣмъ воеводѣ казалась пустою. Онъ отослалъ

Гришка Отрепьевъ мнимый Димитрій.

* Въ перев. *взялъ въ плѣнъ.*

** Въ перев. *въ Путклинѣ.*

*** Въ перев. *Веснековскому.*

Гришку къ воеводѣ и совѣтнику въ Польшѣ, Островѣ *, воеводѣ Сендомирскому. Тутъ-то нашъ молодой ученикъ нашелъ прямаго своего наставника **. Они тотчасъ поняли другъ друга, ибо оба были чернокнижники.

Iезуиты—foenorundi patres – съ радостію приняли Отрепьева, тотчасъ разсмотрѣли его умъ, ловкость, наружный видъ, и вздумали чрезъ него ввесть въ Россію Папскую вѣру на мѣсто распространившейся Греческой (въ чемъ Гришка обѣщался), такъ что ихъ magnificus dominus, pessimus utriusque injuriae doctor, изъ глубокой школы Abysso не могъ бы выдумать чудеснѣйшаго, необычайнѣйшаго приключенія, или подать кровожаднѣйшаго совѣта, хотя бы онъ цѣлые десять лѣтъ совѣтовался съ Плутономъ, Люциферомъ, Левгафаномъ. Весь свѣтъ знаетъ и не можетъ довольно надивиться, какъ одна ложъ могла возрастать, умножаться въ безконечность, а люди такъ примѣтно безумствовать. Iезуиты наставили (его), какъ ему принять на себя лице Димитрія, сына Ивана Васильевича, Димитрія, убитаго слугами въ Угличѣ, на котораго Гришка походилъ лицемъ и всѣмъ строеніемъ тѣла. Онъ долженъ былъ объявить, что самъ спасся бѣгствомъ, а подъ его именемъ убитъ сынъ одного священника. Они обѣщались помогать ему деньгами, съѣстными припасами, войскомъ для взятія Россіи, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Гришка отмѣнилъ древнюю Греческую вѣру въ Россіи и ввелъ Папскую. То было самымъ лакомымъ кускомъ для Гришки. Наставники его пишутъ въ Римъ къ Папѣ и просятъ помощи. Воевода Сендомирскій представилъ Гришку Сигизмунду, который принялъ его благосклонно и посадилъ за большой столъ. Потомъ получилъ Гришка позволеніе набирать войско и собралъ 12 тысячь человѣкъ, съ коими пошелъ на Россію и, во первыхъ, присталъ къ Донскимъ козакамъ, раздраженнымъ на Бориса Годунова за наказаніе ихъ разбоевъ, привлекъ ихъ на свою сторону, жалуясь, что онъ, Димитрій, изгнанный Борисомъ изъ государства и до гроба имъ гонимый, просилъ пособить въ стяжаніи отнятаго отеческаго наслѣдства, и обѣщался щедро наградить ихъ ленами, маетностями; а козакамъ то было и по вкусу, тѣмъ болѣе, что они издавна охотники были до грабежей и скрипѣли зубами на Бориса.

Димитрій набираетъ войско въ Польшѣ.

Они тотчасъ ему присягнули и пошли вмѣстѣ. За симъ приступилъ онъ къ крѣпости Чернигову (въ подлинникѣ: Зерниго) и безпрепятственно склонилъ на свою сторону коменданта, князя Татева ***, съ помощію другихъ козаковъ, ибо и онъ былъ врагъ Борису. Крѣпость сію тотчасъ отдалъ Польскимъ начальникамъ, а самъ пошелъ далѣе и взялъ еще пять крѣпостей. Козацкій

* Очевидно, подъ именемъ воеводы Островы разумѣется здѣсь Юрій Мнишекъ.
** Въ перев. *мастера*.
*** Въ перев. *Тахмахова*.

начальникъ *Корела* былъ чародѣй и своимъ чарованіемъ много пособилъ новому Димитрію. Потомъ пошелъ къ Путивлю *, гдѣ Волжскіе козаки занимали крѣпость: и сихъ убѣдилъ онъ сдаться, вмѣстѣ съ комендантомъ, Михайломъ Михайловичемъ Салтыковымъ, тѣми же самыми жалобными словами, что онъ прямой наслѣдникъ престола, изгнанный и преслѣдуемый Борисомъ.

Услыша о возмущеніи, причиненномъ новымъ Димитріемъ, Великій Князь, Борисъ Годуновъ, весьма изумился, собралъ всѣхъ военныхъ людей въ цѣлой Московіи ** и послалъ ихъ на встрѣчу непріятелю. При семъ Борисъ потерпѣлъ много огорченія отъ лицемѣрія, несогласія и вѣроломства Русскихъ и нѣкоторыхъ вельможъ. Первое сраженіе произошло подъ Сѣверскимъ Новгородомъ 29-го Декабря, 1604 г. Борисово воинство должно было, наконецъ, отступить къ лагерю, потерявши болѣе 200 человѣкъ. Оно, безъ сомнѣнія, потерпѣло бы еще бо́льшее пораженіе, если бы 600 иностранцевъ не оказали своей храбрости и комендантъ Басмановъ *** не пришелъ изъ крѣпости на помощь. **Борисъ набираетъ войско противу Димитрія** **Первое сраженіе.**

Потомъ въ станѣ Лже-Димитрія произошелъ раздоръ, отъ того, что козаки получили сколько-то денегъ, а Полякамъ ничего не досталось. И такъ воевода Острова долженъ былъ возвратиться въ Польшу для полученія денегъ и набора войска, а съ нимъ ушло домой до 2000 Поляковъ. Это заставило Гришку податься назадъ къ крѣпостямъ, которыми онъ на тотъ разъ овладѣлъ. Русскіе потихоньку тянулись въ слѣдъ за нимъ и много теряли съѣстными припасами и народомъ въ стычкахъ съ Поляками. Наконецъ 30 января, 1605 года, дошло дѣло до втораго сраженія. Русскіе побѣдили храбростію и предусмотрительностію иностранцевъ, которые взяли артиллерію Лже-Димитрія и тѣмъ ободрили первыхъ, кои хотѣли уже отдать побѣду Полякамъ, да и по причинѣ несогласія не слишкомъ хотѣли сражаться; къ томужъ желали перемѣны правительства. Воскресшій Димитрій долженъ былъ оставить поле сраженія и отступить къ своимъ крѣпостямъ, потерявъ на семъ сраженіи 8000 человѣкъ, артиллерію, и проч. Сперва пошелъ онъ къ Путивлю ****, оттуда послалъ въ Польшу просить помощи. Борисово воинство подступило къ крѣпости, называемой Кромами ****, гдѣ находился Корела съ своими Донскими козаками, и вѣрно взяло бы оную, когда бы серьезно дѣйствовало, не лицемѣрило, не ссорилось и не умничало. Между тѣмъ Великій Князь Годуновъ отправилъ посла къ Римскому Императору и Датскому Королю, коимъ приносилъ жалобы на происки Поляковъ и вѣроломство своихъ подданныхъ, прося притомъ дружески помочь ему иностраннымъ **Второе сраженіе.** **В. Князь отправляетъ посольство къ Римскому Императору и Королю Датскому.**

---

* Въ перев. *къ Путименю.*

** Въ перев. *Москвѣ.*

*** Въ перев. *Босманъ.*

**** Тамъ же: *Хромомъ.*

войскомъ, безъ каковой помощи не возможно укротить подобнаго внутренняго мятежа и возмущенія, ибо Русскіе болѣе и болѣе передаются Димитрію. Онъ надѣялся несомнѣнно получить вспоможеніе, какъ въ силу союза, такъ и ради родства съ Герцогомъ Датскимъ, Іоанномъ. Но надежда его обманула, и всякій угадать можетъ, по какимъ причинамъ отказано ему было въ помощи.

Великій Князь умираетъ. За симъ Борисъ столько огорченъ былъ вѣроломствомъ и отступленіемъ * Русскихъ, что 29-го Апрѣля, 1605 года, скончался скоропостижно. Нѣкоторые думаютъ, что онъ въ такомъ недоумѣніи и горести отравилъ тамъ себя, или отравленъ былъ ядомъ.

Ѳеодоръ Борисовичъ дѣлается Великимъ Княземъ. По смерти Бориса, Москвитяне присягнули сыну его, Ѳеодору Борисовичу **, послали въ лагерь и требовали, чтобъ и войско тоже учинило и признало его Великимъ Княземъ.

Но поелику самые начальники несогласны были между собою изъ ненависти, зависти, корыстолюбія (ибо одинъ тутъ, другой тамъ надѣялся возвыситься, разбогатѣть, или даже завладѣть престоломъ, какъ въ таковыхъ смутныхъ обстоятельствахъ случается) то рѣшились всѣ, по неразумѣнію, опрометчивости и безразсудству, раздѣлиться на двѣ кучи. Присягнувшіе молодому Князю, Ѳеодору, остались по сю сторону крѣпости при артиллеріи; отпадшіе собрались на другой сторонѣ, послали ночью къ козакамъ въ крѣпость, увѣщевали ихъ быть постоянными и сообща назначили время, когда козакамъ изъ крѣпости сдѣлать вылазку на Годуновыхъ воиновъ, а имъ напасть съ другой стороны, что такъ и случилось. Отступившіе ***, вмѣстѣ съ козаками,

Третье сраженіе опять выигрываетъ Лже-Димитрій. числомъ до полутораста тысячь человѣкъ, напали на воинство Годунова, выбили изъ стана, отняли артиллерію, положили на мѣстѣ до 1000 человѣкъ, да 200 взяли въ плѣнъ. Гришка, прежде оторопѣвшій, получилъ новую силу и бодрость отъ клятвопреступничества, корыстолюбія, опрометчивости и вѣроломства Русскихъ, сверхъ своего чаянія. Когда такимъ образомъ сила Лже-Димитрія примѣтно умножилась, то Борисовцы послали къ нему одного вельможу, умоляли простить имъ въ томъ, что принуждены были противиться (увѣряя), что они то сдѣлали по неразумію и обмануты были Борисомъ, обѣщались повиноваться вѣрноподданнически, какъ своему наслѣднику, и положить за него животъ для обратнаго стяжанія отцовскаго наслѣдства.

Димитрій пишетъ къ Москвитянамъ. Новый Димитрій, обрадовавшись несказанно, не долго медлилъ, пошелъ къ нимъ и остановился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы. Узнавъ о намѣреніи Годуновыхъ, онъ написалъ къ простому народу въ Москвѣ извѣщеніе ****, что онъ прямой на-

---

* Въ перев. *отшествіемъ*.

** Въ перев. *Борису Ѳеодоровичу*.

*** Въ перев. *отступленники*.

**** Въ перев. *за извѣстіе*.

слѣдникъ престола и потому хочетъ, чтобы его приняли и повиновались (ему) такъ, какъ отцу его, Ивану Васильевичу, а Годуновыхъ, какъ лютѣйшихъ его гонителей и враговъ, взяли бы подъ стражу *.

Простой народъ, не умѣвшій самъ съ собою посовѣтоваться, приступилъ къ вышеупомянутому Василью Ивановичу Шуйскому, умолялъ его не утаить правды, точно ли онъ похоронилъ Димитрія, законнаго сына Ивана Васильевича, яко бы въ Угличѣ убитаго. Тогда Шуйскій далъ отвѣтъ совсѣмъ ложный и противный первому своему свидѣтельству: онъ показалъ, что Димитрій спасся отъ поисковъ Бориса, а вмѣсто его убитъ сынъ одного священника и погребенъ по великокняжески, и что теперь явился настоящій Димитрій. Полагаютъ, что сей князь, или изъ страха и ненависти, или изъ желанія получить скипетръ (котораго тайно домогался и получилъ), не сказалъ правды народу. Москвицы совѣтуются съ княземъ Шуйскимъ. Противное показаніе.

Услыша сіе, народъ собрался **, захватилъ и умертвилъ упомянутаго Өеодора, мать его и все племя. Өеодора, вмѣстѣ съ его матерью, Гришка велѣлъ умертвить въ темницѣ, подъ тѣмъ видомъ, какъ будто они сами на себя наложили *** руки. Вышеобъявленный В. Князь умерщвляется со всѣми свойственниками.

Потомъ съ большою пышностію и торжествомъ Гришка вступилъ въ Москву 18 Мая, 1605 года, а 21 Іюля короновался. Прежняго Великаго Князя Бориса велѣлъ онъ вынуть изъ могилы **** и съ его супругою и сыномъ положить въ старой развалившейся церкви, переспалъ съ дочерью его, Ксеніею, и потомъ заключилъ ее въ монастырь. Такимъ образомъ Борису и его роду заплачено было тою же монетою и поступлено такъ, какъ онъ поступалъ съ другими, по изреченію Сенеки: Quod quisque fecit, patitur, autorem dolus investigat suum. Димитрій входитъ въ Москву.

Послѣ того какъ нашелъ кладъ, котораго искалъ, Гришка вспомнилъ объ услугахъ, оказанныхъ ему Поляками, и о своихъ обѣщаніяхъ содѣйствовать къ распространенію Іезуитскаго ученія: онъ очистилъ для Іезуитовъ самый огромный домъ, какой только былъ въ Москвѣ, и Папскій посланникъ при дворѣ Польскаго Короля Сигизмунда, Рангони *****, послалъ въ Москву съ Іезуитами своего племянника. Сіи начали было вводить свое богослуженіе, и совершили бы начатое, если бы не помѣшалъ князь Шуйскій и не сдѣлался Великимъ Княземъ. Димитрій старался ввести въ Москву Іезуитовъ.

Но Острова, воевода Сендомирскій, такъ съ Гришкою уговорился, что коль скоро сей получитъ Великое Княжество, то возметъ за себя дочь перваго. На сей конецъ Гришка послалъ въ Польшу просить руку той дѣвицы; дѣло тотчасъ сладилось, и

---

* Въ перев. *въ плѣнъ*.

** Въ перев. *стекся*.

*** Тамъ же: *положили*.

**** Въ перев. *изъ Москвы*.

***** Тамъ же: *Антоній Лонгинъ*.

[illegible]

возвратить отецъ сей, вмѣстѣ съ посланникомъ Короля Сигизмунда, Александромъ Гонсевскимъ *, и съ 3000 хорошо вооруженныхъ Поляковъ, отправился въ Москву на свадьбу, которая совершилась 8 Мая, 1606 года, со всевозможными забавами и великолѣпіемъ. Но сія комедія перемѣнилась въ ужасную трагедію, что случилось такимъ образомъ: Гришка слишкомъ рано открылъ свое намѣреніе маршалу своему, князю Василью Михайловичу Мосальскому ** (въ подлинникѣ Mosalsco), (который еще прежде отсталъ отъ Бориса и перешелъ къ Гришкѣ съ порученными ему деньгами), т. е. что онъ хочетъ преобразовать церковь, Греческую вѣру отмѣнить, а на мѣсто оной ввесть Iезуитскую, заключить всегдашній миръ съ Поляками и разорвать навѣкъ миръ, заключенный со Шведами.

Сіе было противно выгодамъ Россіи, миру и общей пользѣ и, во многихъ отношеніяхъ, чрезъ мѣру опасно, а именно: Руские ложную свою вѣру (?) промѣняли бы на лживѣйшую и худшую; были бы подданными Поляковъ въ своей землѣ и, имѣя своего Великаго Князя, уважались бы менѣе, чѣмъ иностранцы, ради новаго друга возстали бы противу стараго и, нарушa заключенный миръ со Шведами, подверглись большой опасности и павлекли бы на себя тяжкую войну, и проч. И потому упомянутый маршалъ открылъ Гришкинъ умыселъ Василью Ивановичу Шуйскому и нѣкоторымъ другимъ государственнымъ совѣтникамъ. Для отвращенія угрожающей бѣды, рѣшено было тайно напасть на жениха съ его гостями, что и приведено въ дѣйствіе. Тогда какъ, подъ конецъ свадьбы, Гришка, 17 Мая, приготовилъ большой пиръ, думая тутъ уговорить знатнѣйшихъ Россіянъ, или подъ смертною казнію принудить приступить къ его намѣренію, колесо щастія переворотилось и задавило Гришку съ его гостями. Нѣкоторые изъ Думы, будучи въ союзѣ съ Шуйскимъ и простымъ народомъ, за ночь до пиршества, объявили именемъ Гришки, чтобъ всѣ по утру рано явились у дворца.

Когда по утру всѣ собрались, то упомянутый князь Шуйскій съ своими соумышленниками тотчасъ бросился въ залу, или въ прихожую къ Гришкѣ, убѣдилъ Гришкину лейбъ-гвардію (которая состояла изъ иностранцевъ) подъ смертною казнію ихъ самихъ, всѣхъ иностранцевъ съ женами и дѣтьми, положить оружіе, не шевелиться и нимало не участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Тогда велѣно было ударить въ набатъ. Гришка, спавшій сладкимъ сномъ съ своею невѣстою, услыша набатъ, вскакиваетъ, опасается, не пожаръ ли случился, выбѣгаетъ посмотрѣть и видитъ, что съ нимъ хотятъ дѣлать; поспѣшно возвращается въ спальню, хватаетъ ночное платье *** и саблю, думаетъ спастись бѣг-

---

* *Въ перев. Александромъ Хорвиномъ.*

** *Въ перев. Можайскому.*

*** *Въ перев. шлафорокъ.*

ствомъ. и бросается въ окно. Но, къ нещастію, прыгнувъ, свихнулъ себѣ ногу, да Русскіе и безъ того строго за нимъ наблюдали. Такимъ образомъ онъ тотчасъ былъ схваченъ и обратно отведенъ въ замокъ. Между тѣмъ Шуйскій велѣлъ объявить простому народу, что Поляки во всеоружіи и готовы истребить Думу и знатнѣйшихъ бояръ, завладѣть Москвою, а Русскихъ учинить подданными, слугами и невольниками.

Тогда весь народъ стекся, напалъ нечаянно на спящихъ Поляковъ, каждый хозяинъ на постояльцевъ *, перебилъ ихъ почти до 2000. Потомъ Шуйскій съ другими господами пошелъ къ Гришкѣ въ залу съ вооруженною рукою. Нѣкто изъ нихъ началъ съ Гришкою говорить грубо, ругать его, называть обманщикомъ, предателемъ и Лже-Димитріемъ, на что Гришка осердился, поднялъ саблю и размозжилъ ему голову. Но другихъ господъ просилъ онъ потрудиться сходить къ матери его (вдову Ивана Васильевича, которая въ то время была въ Москвѣ, онъ называлъ своею матерью) и спросить, признаетъ ли она себя за его мать, а его за своего сына; въ противномъ случаѣ онъ самъ себя отдастъ на смерть. Тогда пошелъ къ ней Князь Шуйскій, и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что она отрекается и клянется, что никогда не имѣла сына Димитрія кромѣ того, который еще въ дѣтствѣ убитъ въ Угличѣ. При семъ всѣ на него напали, изрубили и принялись топтать ногами. Потомъ велѣли вынесть его на площадь и положить нагаго на столѣ, провозглашая, что сей не Димитрій, а сынъ одного попа, мошенникъ и предатель отечества, подкупленный на сей конецъ Поляками и Іезуитами. Подлѣ Гришки, подъ столомъ, положили они тѣло Басманова **, одного вельможи; и нога объ ногу связали съ Гришкою въ знакъ, что они были вѣрные сотрудники въ дѣлахъ своихъ, и такимъ образомъ дали имъ лежать цѣлые три дня всякому на показъ и въ увѣреніе, что сей Лже-Димитрій умерщвленъ.

Побіеніе Поляковъ на кровопролитной свадьбѣ.

Убіеніе Димитрія.

Не смотря на то, (не знаю, какъ и откуда) явился третій Димитрій, который остановился въ Псковѣ и Ивань-городѣ съ войскомъ, въ 1611 году. Но, наконецъ, онъ былъ оставленъ своимъ народомъ и слугами, преслѣдуемъ, поносимъ, какъ измѣнникъ, пойманъ Псковитянами *** и отосланъ въ Москву. Одинъ первѣйшій его гоф-юнкеръ прибылъ на собственной его лошади въ Новгородъ къ г. Якову де-Лагардъ. Наконецъ, трупъ вышеупомянутаго Гришки отвезенъ былъ, на телѣгѣ, на старое кладбище и погребенъ.

Третій Димитрій.

Но поелику въ то время случилась необычайная стужа, такъ что хлѣбъ померзъ въ полѣ, то Русскіе, по закоснѣлому своему суевѣрію, полагали, что причиною сей стужи злодѣй Гришка,

Великая стужа.

---

* Въ перев. *на своихъ гостей.*

** Тамъ же: *Босмана.*

*** Въ перев. *Псковцами.*

котораго будто бы * земля не принимала. И потому его вырыли изъ могилы, сожгли въ пепелъ и бросили на вѣтеръ.

Кн. Вас. Ив. Шуйскій дѣлается В. Княземъ.

Поелику князь Василій Ивановичь ** Шуйскій наиболѣе содѣйствовалъ къ низверженію мнимаго Димитрія, то его сообща избрали В. Княземъ и короновали. Можетъ статься, еще бы не все потеряно было для Русскихъ, удержавшихъ свое правительство, если бы они предоставили распоряжаться одному Шуйскому и не были такъ слѣпы и несогласны.

Гдѣ нѣтъ совѣта, тамъ нечѣмъ пособить.

Но судьба ихъ рѣшилась, время ихъ прошло ***, и Господь Богъ, прогнѣвавшійся на нихъ, наказалъ собственнымъ ихъ ослѣпленіемъ, какъ говоритъ о томъ Царь Соломонъ. Послѣ того какъ Поляки были столь распалены гнѣвомъ за убійственное на нихъ нападеніе, Шуйскій могъ себѣ представить, что они усугубятъ мщеніе. Для того онъ подтвердилъ и возобновилъ союзъ съ Карломъ, блаженной памяти Королемъ Шведскимъ, и въ силу этого союза **** упомянутый Король въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ помогалъ ему своимъ воинствомъ противу общихъ враговъ, Поляковъ. Наконецъ, Русскіе, по обыкновенію своему (!), наскучили и симъ Великимъ Княземъ, за то, что онъ такъ тѣсно соединился съ Шведами и за вспоможеніе обѣщался уступить Королю Карлу нѣсколько земли и пограничныхъ крѣпостей. Они хотѣли сдѣлать лучше, и все испортили, какъ то видно будетъ.

Когда непредвидѣннымъ и неслыханнымъ образомъ почти все Шведское войско съ распущенными знаменами отпало и передалось Полякамъ, въ чемъ ни В. Князь, ни Шведскій военачальникъ не виновны, то Русскіе низвели съ престола Великаго Князя, Шуйскаго, заперли его въ монастырь и приказали полководцу де Лагардъ вытти изъ Россіи, а Полякамъ то было и на руку.

Сего не довольно, что Поляки были ихъ смертельные враги и что отъ нихъ слѣдовало всего опасаться; они должны были подать еще своимъ несогласіемъ къ тому поводъ и сами имъ отворить врата въ Москву. Нѣкоторые изъ Москвитянъ ***** избрали молодаго Польскаго Короля Великимъ Княземъ, и впустили въ семъ намѣреніи въ Москву до 6000 Поляковъ. Но они какъ-то съ ними не поладили и опять хотѣли сбыть съ рукъ гостей своихъ, да не знали, какъ выманить изъ города. Наконецъ, рѣшились, впустивши Поляковъ въ Москву, вытти съ ними во всемъ вооруженіи изъ города въ поле и драться. Но Поляки нѣсколько были ихъ поумнѣе, частію вышли съ Русскими въ поле, частію остались въ городѣ.

---

* Въ перев. якобы.

** Въ перев. Иванъ Васильевичь.

*** Въ перев. періодъ ихъ истекъ.

**** Въ перев. Королемъ въ Швеціи, въ силу котораго.

***** Въ перев. нѣкоторыя части Москвитянъ.

Оставшіеся, видя, что другіе обмануты, хотѣли поступить лучше: пошли въ крѣпость, зажгли городъ, ограбили церкви и все, что попадалось, и такимъ образомъ много имущества * взяли съ собою въ крѣпость; безъ сомнѣнія (они) получили также столовую посуду Великаго Князя, всю золотую, и числомъ до нѣсколькихъ сотъ блюдъ и тарелокъ, забрали съѣстныхъ припасовъ и всего нужнаго, и потомъ держались въ осадѣ, какъ солдаты.

Когда городъ сгорѣлъ и Русскіе выжиты были изъ онаго, то они тысячами расположились въ полѣ и не давали Полякамъ, никого выпустить изъ крѣпости. Осажденные держались крѣпко до самой крайности, терпѣли такой голодъ, что за небольшой кусокъ хлѣба (какъ меня увѣряли) платили талеръ, а за яйцо полталера, также принуждены были ѣсть собакъ, кошекъ и крысъ. Къ сему долговременному сопротивленію побуждала ихъ не одна храбрость, но и нужда, ибо они не чаяли пощады отъ непріятеля. Какъ долго они держались и какимъ образомъ должны были сдаться, мы не могли узнать заподлинно. Ибо и съ сей стороны сообщеніе прекратилось, и въ то время, какъ Поляки взяли Москву, и Швеція разорвала союзъ съ Россіею, какъ то мы послѣ увидимъ. Такимъ образомъ Русскіе съ обѣихъ сторонъ ** имѣютъ довольно работы.

Москвитяне тотчасъ написали къ Новогородцамъ, чтобы (они) старались добромъ раздѣлаться со Швеціею, даже уступали многое Шведамъ, на что Новогородцы не хотѣли согласиться и думали сдѣлать лучше, и отъ того потеряли городъ и множество отмѣнныхъ крѣпостей.

Великаго Князя, низведеннаго Русскими и въ монастырь заключеннаго, Поляки взяли въ плѣнъ и отвели въ Польшу. Потомъ, когда Москвитяне многолюдствомъ *** одолѣли Поляковъ, то долго колебались, не зная, кого избрать Великимъ Княземъ. Но, выживъ Поляковъ изъ Москвы, они думали опять подняться на дыбы и также легко выжить изъ Россіи Шведовъ, что имъ, однако жъ, не удалось, да и впередъ не удастся, особливо когда теперь мирный договоръ между Швеціею и Польшею скоро будетъ **** подписанъ. Теперь въ Москвѣ избрали Великимъ Княземъ Татарина. Какъ то долго съ этимъ поживется! Но, кажется, они начали сіе 1613 довольно серьезно, вышли въ поле съ 40 или 60 тысячами; только все Татары, негодное войско! Слава Богу (?) особенно великихъ дѣлъ еще не произвели, кромѣ того, что лукавствомъ взяли два небольшіе *дома Авдо* (?) и Тихвинъ, которые Швеція не слишкомъ уважаетъ, или защищаетъ.

Великій Князь Шуйскій отводится въ плѣнъ.

Татарскій Князь избирается В. Княземъ.

---

* Въ перев. *большое имущество.*

** Въ перев. *на обѣихъ сторонахъ.*

*** Въ перев. *Московцы множествомъ.*

**** Въ перев. *готовъ быть.*

Удивительно, какъ Русскіе такъ глупы и неразумны.

Сила Божія.

Увѣщаніе.

Читатель-христіанинъ, замѣть со мной, мимоходомъ, великое непостоянство и вѣроломство Русскихъ передъ своимъ начальствомъ. Удивительно, какъ люди не могутъ видѣть собственной своей погибели. Сначала Русская держава такъ была страшна, что никто бы не отважился напасть на нее, еслибы такъ чудно Богъ не опредѣлилъ сего. И потому научитесь, что Всемогущій Богъ есть прямой военачальникъ, и для него столь же легко опрокинуть державоправленіе, какъ и державу. О непомѣрное, невѣжественное несогласіе, честолюбіе и своекорыстіе! Вы болѣе вредите отечеству въ такомъ упрямомъ народѣ, нежели два сильныхъ Короля, воюющихъ другъ на друга [9].

Пусть каждый изъ сего заимствуетъ примѣръ и научится прилежно молить Бога, да подастъ христіанское начальство, благой совѣтъ и благоразуміе для мирнаго и спокойнаго державоправленія, да боится всякій мести и казни Божіей за грѣхи и заблаговременно да кается, пока Онъ не примется за лозу. Онъ, правда, милостивъ и долготерпѣливъ, но, напослѣдокъ, и мстителенъ, и когда начинаетъ наказывать, то наказываетъ до конца. Ужасный способъ такого наказанія особливо изъ того видѣнъ, что Богъ дѣлаетъ людей несогласными въ своихъ совѣтахъ, слѣпыми и неистовыми, такъ, что они сами ищутъ своей погибели. Не льзя было подумать, чтобы Русскіе до того дошли въ столь короткое время. Далѣе, сіе приключеніе даетъ намъ знать, что Богъ одинъ, не кто другой, наказалъ ихъ за грѣхи, во благо Своей церкви и православнымъ, да и самимъ Русскимъ, если нѣкоторые (изъ нихъ) хотятъ имѣть прямое Богопочитаніе. Я не думаю, сколько понимаю *, чтобы Русскіе опять возстали, удержали бы свою вѣру, защитили свою землю и возвели опять на престолъ кого либо изъ своего племени. Развѣ за наши грѣхи свѣтъ переворотится, чего Боже избави [10]. Но теперь приступимъ опять къ исторіи (того), что случилось на сторонѣ Швеціи, между тѣмъ какъ Русскіе воевали ** съ Поляками.

---

* Въ перев. *сколько мнѣ извѣстно.*

** Въ перев. *между собою.*

Извѣстіе, какъ и по какимъ причинамъ Шведскій военачальникъ, Яковъ Делагарди, осадилъ * и завоевалъ Новгородъ въ Россіи.

(Случилось 16 Іюля, 1611 года.)

Всякому можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, что Новгородъ такъ неожиданно и скоро взятъ Шведами, не потому только, что Москва и Новгородъ были сильны предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и потому, что Его Величество, Король Шведскій, долго былъ въ согласіи съ Русскими и нѣсколько лѣтъ помогалъ имъ противу общаго врага, Поляковъ. И потому я заблагоразсудилъ сообщить подробное извѣстіе, какъ самъ слышалъ и отчасти видѣлъ. А чтобы любитель исторіи и мой преемникъ (continuator) не соблазнились scrupulo fractae fidei, какъ будто мы съ нашей стороны учинили вѣроломство, объяснимъ причины сей войны изъ теченія недавно прошедшихъ лѣтъ, равно какъ изъ врожденной Русскимъ жидовской обманчивости, клятвопреступничества и лицемѣрія [11].

Шведы сначала помогаютъ Русскимъ.

Послѣ того какъ тайными происками нѣкоторыхъ людей, а отчасти корыстолюбіемъ, убѣжденіемъ и неразуміемъ, предстоявшее щастіе и побѣда надъ Поляками легкомысленно упущена была изъ рукъ и проиграна въ день Іоанна Крестителя, 1610 г., между Клушинымъ и Царевымъ-Займищемъ ** въ Россіи, благородный и великодушный, Яковъ Делагарди, едва спасся съ 300 человѣкъ. Съ симъ малымъ числомъ твердыхъ воиновъ онъ хотѣлъ кратчайшею дорогою достигнуть Шведскихъ границъ. Но неблагодарные мнимые союзники, Новгородцы, велѣли ему какъ можно скорѣе убираться въ Швецію, и за 10 миль не подходить къ Новгороду; иначе, какъ они писали, укажутъ ему дорогу. Добродушный Яковъ Делагарди отвѣчалъ имъ, что онъ не ожидалъ такой неблагодарности, что, бывъ въ службѣ всемилостивѣйшаго своего монарха, онъ защищалъ ихъ собственною своею грудью и своимъ войскомъ и потому заслуживаетъ отъ нихъ всякое гостепріимство, въ которомъ самъ и его воины имѣютъ нужду, дабы отдохнуть и оправиться послѣ столь труднаго похода и столь великой перенесенной опасности. Потомъ, надѣясь на Бога и правосудіе, онъ хотѣлъ съ неустрашимостію къ нимъ приблизиться, тѣмъ паче, что онъ имѣлъ нужду переговорить съ ними о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ.

Гнусное и неслыханное предательство.

Великая неблагодарность.

---

* Въ перев. *напалъ*.

** Въ перев. *Клюшинымъ и Заревозаймисъ*.

Когда онъ приблизился къ городу, то робкія души начали наскоро продавать, да и во время переговоровъ привозить нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Однако жъ и тогда еще довольно показали свое лицемѣріе тѣмъ, что, гдѣ только смѣли и могли, всегда поступали непріятельски, особливо же тѣмъ, что перехватили почту къ Его Королевскому Величеству при Нетенбургѣ и никакъ не хотѣли пропустить ее, задержавъ притомъ многихъ людей, которые посланы были отвезти въ Швецію заслуженное жалованье нѣкоторыхъ военачальниковъ, и проч., особливо же писанные и запечатанные Королевскіе и Великокняжескіе контракты и договоры (confederationes), весьма нужные не только для Короля, но и для всего государства. И поелику Яковъ Делагарди долѣе и долѣе задерживаемъ былъ лицемѣріемъ и не могъ добиться ** ничего рѣшительнаго, особливо касательно пограничной крѣпости Кексгольма, обѣщанной Великимъ Княземъ Шуйскимъ Его Королевскому Величеству за учиненное вспоможеніе и претерпѣнные убытки, то онъ послалъ своего Генералъ-Лейтенанта и Фельдмаршала, Едуарда Горна, въ Нарву, для набора солдатъ. Наконецъ, видя себя обманутымъ Русскими, онъ заблагоразсудилъ обманъ ихъ отвратить предусмотрительностію и упредить лукавство лукавствомъ. Когда Новгородцы опять вышли для переговоровъ, то онъ тотчасъ велѣлъ взять подъ залогъ нѣкоторыхъ бояръ и гражданъ и увелъ ихъ съ собою въ Нетенбургъ, въ той мысли, что чрезъ нихъ выручитъ перехваченную Королевскую почту и обѣщанную, но неотданную крѣпость. Между тѣмъ, получа рѣшеніе изъ Кексгольма, что жители не хотятъ поддаться Шведскому Королевству, не смотря на условіе *** Великаго Князя, Яковъ Делагарди, дабы издержки не остались напрасно понесенными, равно какъ и вспоможеніе напрасно учиненнымъ, послалъ полковника Делавилла [12] съ своими рейтарами взять Ладогу, что ему и удалось. Прибывъ въ Нетенбургъ и бывъ опять чудеснымъ образомъ обмануть Русскими, онъ долженъ былъ, не кончивши дѣла ****, ради приближающейся зимы, удалиться въ Финляндію. И, какъ упомянуто, поелику Великій Князь Царь Василій Ивановичъ ***** Шуйскій, за учиненное вспоможеніе, отдалъ Его Величеству, Королю Шведскому, мятежную крѣпость Кексгольмъ съ полною властію на другіе домы (?) и мѣстечки, то военачальникъ съ остальнымъ своимъ войскомъ осадилъ упрямый Кексгольмъ. Между тѣмъ въ теченіе зимы Е. В. Король прислалъ къ главнокомандующему войско изъ Швеціи, какъ ради другихъ причинъ, такъ и для того, чтобъ узнать, въ какомъ онъ отношеніи находится къ Русскимъ и кого они изберутъ Вели-

Шведская почта при Нетенбургѣ перехватывается.

Кексгольмъ не хочетъ сдаться.

Ладогу взяли.

Кексгольмъ осаждается.

* Въ перев. *союзничества.*

** Въ перев. *получить.*

*** Въ перев. *подареніе.*

**** Въ перев. *не скончa дѣла.*

***** Въ перев. *Иванъ Васильевичъ.*

кимъ Княземъ, низведши съ престола Шуйскаго. Для того главнокомандующій выступилъ съ войскомъ изъ Финляндіи, желая узнать сіе, равно какъ освободить Ладогу, которую князь Иванъ Никитичь Салтыковъ осаждалъ съ 3000 человѣкъ. Но полковникъ Делавилла, сомнѣваясь въ полученіи помощи, отдалъ Ладогу и, сверхъ чаянія и противъ Русскаго обыкновенія, былъ пощаженъ и даже содержанъ на ихъ иждивеніи. Такимъ образомъ, встрѣтя главнокомандующаго, онъ извѣстилъ, что упомянутый князь припудилъ его, какъ слабаго войскомъ, отдать Ладогу съ артиллеріею и оружіемъ. Этотъ князь Салтыковъ еще прежде склонилъ Русскихъ впустить въ Москву Поляковъ, числомъ до 6000 человѣкъ, и избрать молодаго Короля, Владислава, своимъ Великимъ Княземъ, что противно было договорамъ Шуйскаго съ нашимъ Королемъ и весьма опасно для Шведской Короны. Поелику Князь Салтыковъ далъ замѣтить, что хочетъ иттить къ Кексгольму на помощь, то главнокомандующій не допускалъ его къ тому, а дабы удалить отъ Финляндскихъ границъ, тянулся въ виду на нѣкоторое разстояніе. Но, примѣтя, что дѣло идетъ не на шутку и Русскіе даютъ знать, что они дѣлаютъ вопреки всѣмъ, прежде заключеннымъ, мирнымъ договоромъ Шуйскаго, онъ хотѣлъ во всемъ предупредить ихъ и между тѣмъ попытать счастія * надъ крѣпостью Нетенбургъ. Въ понедѣльникъ, 12 Февраля, главнокомандующій напалъ на Нетенбургъ со всею силою и военными пособіями, и рано по утру велѣлъ придвинуть къ воротамъ нѣсколько тарановъ, которыми и разбиты были двое воротъ. Но поелику осажденные опустили крѣпкую желѣзную рѣшетку, то онъ на сей разъ, не кончивши дѣла, долженъ былъ отступить съ малою потерею народа.

Ладога опять отдается.

Нетенбургъ штурмуется.

Потомъ Князь Салтыковъ хотѣлъ тайно уйти въ Москву, но, бывъ пойманъ Новгородцами и судимъ за то, что впустилъ Поляковъ въ Москву и пощадилъ господина Деллавилла, наконецъ, посаженъ на колъ, равно какъ и за то, что не могъ провесть въ Кексгольмъ гарнизона. Тогда полковникъ Самуилъ Кобруннеръ, по повелѣнію главнокомандующаго, съ 1000 человѣкъ, покусился на Ладогу, 8 Марта, по утру. Но Ладожане извѣщены были о насъ и примѣтили напередъ приближеніе нашихъ храбрыхъ (воиновъ). Къ тому же былъ такой непомѣрный холодъ, обыкновенный въ тамошней землѣ, что солдаты не могли употреблять своего оружія, почти отморозили руки и ноги, такъ что надобно было ихъ отнимать. Почему не удалось и сіе предпріятіе.

Ладога опять штурмуется.

26 Марта Яковъ Делагарди послалъ полковника, Самуила Кобруннера, съ 500 рейтарами въ Новгородъ перевѣдаться съ ними касательно слѣдующихъ пунктовъ: Чего долженъ ожидать отъ нихъ Король Шведскій, пріязни, или непріязни? Также должны изъясниться, хотятъ ли они приказать Нетенбургцамъ, чтобы сіи отпустили перехваченную почту къ Е. К. В.? Чтобы

Посольство къ Новгородцамъ.

Причина Россійск. войны.

* Въ перев. *сдѣлать опытъ*.

также и плѣнные съ обѣихъ сторонъ были возвращены. Они должны были также изъясниться, хотятъ ли уступить обѣщанную крѣпость Кексгольмъ и приказать Кексгольмцамъ покориться? И поелику извѣстно стало, что они варварскимъ образомъ низвели съ престола Шуйскаго, то онъ хотѣлъ знать, согласны ли Новгородцы наблюдать учиненные договоры и условія съ упомянутымъ Шуйскимъ, чтобы можно было вѣдать, друзья ли они, или враги. Далѣе, если они изберутъ другаго Великаго Князя, то Король хочетъ знать, кого? И дабы не по напрасну проходить, хотѣлъ онъ также знать, подтверждаютъ ли они (съ) новымъ Великимъ Княземъ прежніе договоры, или объявляется прямо война? Въ послѣднемъ случаѣ Король Шведскій долженъ противу враговъ своихъ, Поляковъ, укрѣпиться и припастися, дабы не претерпѣть отъ нихъ, съ помощію Русскихъ, жесточайшей войны. Наконецъ (онъ) требовалъ недоимки жалованья за нѣсколько мѣсяцовъ, дабы и воины получили что-либо за труды свои. На всѣ эти * пункты они отвѣчали неудовлетворительно, но все сваливали на будущаго Великаго Князя. И такъ вы видите, что Шведскій народъ имѣлъ не пустыя, но важныя, причины на сей разъ вступить въ Россію. Впрочемъ, при семъ съ Шведской стороны не сдѣлано ничего непріязненнаго, кромѣ того, что случалось отъ сопротивленія при случаѣ необходимой фуражировки. Главнокомандующій требовалъ скораго отвѣта на вышепоказанные пункты, дабы онъ могъ съ миромъ оставить ихъ землю, пребыть по прежнему въ согласіи и скорѣе возвратиться въ Швецію. Но Русскіе были обмануты своимъ глупымъ и своекорыстнымъ всеобщимъ совѣтомъ и, какъ говорятъ, наказаны собственнымъ своимъ вѣроломствомъ.

Кексгольмъ берется.

27 Марта ритмейстеръ Вагнеръ привезъ извѣстіе, что Кексгольмъ взятъ оставленными тамъ для осажденія воинами, что такимъ образомъ сему пункту помогло щастіе и потому не было спора. Касательно другихъ пунктовъ продолжались безпрестанные переговоры, пока, наконецъ, 22 Апрѣля, послано было въ Петербургъ и велѣно было задержанную почту, плѣнныхъ и проложенныя вещи (?) нѣкоторыхъ знатныхъ людей отдать, что, хотя и получено было, но разбито, исковеркано и окрадено. Вотъ еще ясное доказательство лицемѣрія и необдуманнаго лукавства. Москвитяне, ** чувствуя свою слабость и немощь противу Поляковъ и благодарность къ Шведской коронѣ за учиненное прежде вспоможеніе, писали къ Новгородцамъ, своимъ согражданамъ, и требовали, чтобъ сіи постарались удовлетворить Якову Делагарди и тѣмъ преклонить его еще разъ придти на помощь въ Москву, чѣмъ бы имъ оказана была важная услуга, и чтобы какъ за прежнее вспоможеніе, такъ и за будущій требуемый по-

Непостоянство и лицемѣріе Русскихъ.

* Въ перев. *на каковые.*
** Въ перев. *Московцы.*

ходъ въ Москву, въ возмедіе и залогъ, по недостатку денегъ, отдали ему обѣ крѣпости, Ладогу и Нетенбургъ, да къ тому же объявили бъ, что они хотятъ избрать Великимъ своимъ Княземъ Шведскаго Королевича. По случаю этого предложенія, главнокомандующій, 9-го Іюня, послалъ въ Москву почту и хотѣлъ знать самъ ихъ мнѣніе томъ. **Почта въ Москву.**

Когда почта возвратилась и главнокомандующій согласился на требуемый походъ и вспоможеніе, то Новгородцы опять зашевелились, думали дѣлать по своему лучше. Дабы не отдать Шведамъ обѣихъ крѣпостей, они опять отвергли вспоможеніе, котораго требовали, утверждая, что Московитяне * довольно усилены противу Поляковъ Татарами изъ Казани и Астрахани и не имѣютъ въ насъ нужды. А чтобы главнокомандующаго хитростью отвлечь къ границамъ и выманить изъ области, они сперва просили его итти на Псковъ для усмиренія измѣнниковъ и бунтовщиковъ **, обѣщаясь заплатить воинамъ, что также былъ обманъ. Потомъ, когда воины не хотѣти идти безъ денегъ, они просили насъ предпринять походъ то на Ивань городъ противу Димитрія, то на Ямъ, то на Копорье, маня странными предложеніями. Они, можетъ быть, полагали, что водя такимъ образомъ отъ одной крѣпости къ другой до грязной осени и до зимы, проводятъ насъ по прежнему въ Финляндію и Швецію съ пустыми руками. Наконецъ, примѣтя, что такими отводами ничего не выиграютъ, а только болѣе раздражатъ, хотѣли они удовольствовать солдатъ нѣкоторою суммою денегъ, а о прочемъ трактовать черезъ почты. Наши того и хотѣли, чтобы поскорѣе, хоть съ малымъ, да быть отпущенными, нежели ложными обѣщаніями быть задержанными. Но они виляли туда и сюда до тѣхъ поръ, пока главнокомандующій, наконецъ, расположился подъ городомъ и потребовалъ отъ нихъ безоколичнаго объясненія. Тогда они почти ежедневно выходили для переговоровъ, но весьма коловратно и непостоянно. Между тѣмъ узнавали расположеніе нашего стана и силу, и нѣкоторыхъ изъ нашихъ воиновъ громкими обѣщаніями перемапили къ себѣ черезъ своихъ квасниковъ. Вскорѣ прислали намъ нѣсколько провіанту, потомъ опять долго не присылали и, однако жъ, требовали, чтобы мы не отрѣжали за фуражировкой и тѣмъ не разоряли жителей, что, однако жъ, мы должны были дѣлать ради крайней нужды. Вскорѣ они опять захотѣли драться съ нами, какъ то и случилось 9 Іюля. Зажегши монастырь, подлѣ котораго вели переговоры, дабы, какъ примѣчено, попутнымъ вѣтромъ обратить на насъ дымъ, сдѣлали между переговорами лукавое нападеніе, но прогнаны были въ городъ, потерявъ на бѣгу 300 человѣкъ и три кавалерійскихъ знамя. Тогда они попросили позволе- **Русскіе посрамляются съ своимъ намѣреніемъ.**

---

* Въ перев. *предлагая, что Московцы.*

** Въ перев. прибавл. *Псковцевъ.*

нія вести опять переговоры и, начавши оные, 12 Іюля сдѣлали самую сильную вылазку и хотѣли побить солдатъ* нашихъ, которые отряжены были для необходимой фуражировки, но опять

Русскіе опять проговаются.

прогнаны были въ городъ. Суммою всего того былъ обманъ. Они думали утомить насъ, извѣстясь, что мы больны и изнурены голодомъ; они думали, что мы безо всего удалимся, забравъ и потребивъ весь провіантъ, ибо они на нѣсколько миль заблаговременно все стащили въ городъ. Для нашихъ весьма значительно было простоять такъ долго и ничего не сдѣлать. Солдаты доселѣ съ трудомъ содерживаемы были въ надеждѣ на Русскую плату и даромъ не хотѣли идти прочь. Больныхъ было очень много, которыхъ сухимъ путемъ по дурнымъ дорогамъ, болотамъ и узкими проходами вести было невозможно, а водою нельзя было провезти внизъ мимо крѣпостей, пока не будетъ совершенно заключенъ миръ. А если бы и тотчасъ заключенъ былъ миръ, то сомнѣваться надлежало въ соблюденіи онаго со стороны Русскихъ, такъ какъ они то показали въ прошломъ году задержаніемъ почты. Корма и пищи было такъ мало, что уже въ станѣ чувствовался большой недостатокъ, который бы еще увеличился*, когда бы долѣе стали смотрѣть на ихъ лукавые переговоры. Для того Яковъ Делагарди сильно настоялъ на добровольное заключеніе мира и отпускъ, такъ что сумму денегъ, которую они должны были выдать солдатамъ, спустилъ до 300 рублей. Но они такъ уперлися и касательно выдачи малѣйшей суммы денегъ такіе были Жиды (хотя таковую сумму каждый мелочной купецъ легко и еще болѣе могъ бы выдать, ибо рубль не болѣе почти стоитъ двухъ съ половиною рейхсталеровъ), что лучше хотѣли подвергнуться величайшей опасности и непріязненности, нежели оную выдать.

Покушеніе на Новградъ.

Когда главнокомандующій примѣтилъ, что не льзя избѣжать открытыхъ непріязненныхъ дѣйствій, то рѣшился взять Новгородъ вооруженною рукою. Однакожъ онъ не хотѣлъ учинить сіе неожиданнымъ образомъ. Для того велѣлъ онъ дать знать изустно и письменно, что отнынѣ хочетъ ихъ, какъ клятвопреступныхъ лицемѣрныхъ варваровъ, преслѣдовать огнемъ и мечемъ и напасть на городъ. А дабы кто не увѣрилъ себя, что на Новгородъ напали нечаянно, то да будетъ вѣдомо, что Русскіе, кромѣ учиненнаго сопротивленія, сами кругомъ города сожгли древніе монастыри и дворы, которыхъ очень много было, желая имѣть открытое поле и порубили сады и рощи, съ тѣмъ, чтобы серьезно защищаться съ валу.

Однакожъ главнокомандующій удержалъ для себя то военное преимущество, что для виду показалъ, будто хочетъ напасть на городъ по другую сторону воды, къ востоку, тогда какъ слѣдовало ожидать** нападенія на самый купеческій городъ, не

* Въ перев. *большой недостатокъ, а еще болѣе.*

** Въ перев. *тогда какъ полагать надобно было.*

столь сильный. На западной сторонѣ, гдѣ была крѣпость, они почитали себя довольно обезопасенными, какъ будто за желѣзными стѣнами; да и образъ заступницы ихъ, Софіи, еще не предвѣщалъ ихъ напасти, ибо, какъ они обыкновенно говорятъ и вѣрятъ, Софія не разжала еще желѣзной своей руки. Сверхъ того, они имѣли вокругъ себя довольно хорошее укрѣпленіе, да и сами такой народъ, который, при малѣйшей выгодѣ, или крѣпости, можетъ учинить сильное сопротивленіе, потому что въ этомъ состоитъ вся ихъ слава; впрочемъ, они негодные воины. Но если Господь Богъ хочетъ наказать людей, то ослѣпляетъ ихъ, такъ что они презираютъ враговъ своихъ и мнятъ быть безопасными. Когда онъ хочетъ даровать побѣду, то сіе не зависитъ отъ силы и крѣпости человѣческой. Prov. 21: „Кони и колесницы приготовляются для сраженія, но побѣду даруетъ Господь." Eccles. 9: „Въ сраженіи сила не помощь." Psal. 118: „Десница Божія одерживаетъ побѣду." Paralip. 25: „Богъ силенъ пособить и погубить." Сіе, слава Богу, мы паки на самомъ дѣлѣ узнали, взявши многолюдный большой городъ и почти не вѣдая, какъ это случилось, съ малымъ трудомъ и пощадою народа, такъ что едва 100 или 150 человѣкъ погибло изъ нашихъ при взятіи города и зáмка.

16-го Іюля, во вторникъ, по утру съ разсвѣтомъ, мы произвели внизу у воды, подлѣ бѣлаго зубца, ложный крикъ, а на другой сторонѣ, къ западу, напали у однихъ воротъ Шотландцы и Англичане, у ближайшихъ Нѣмцы, а въ срединѣ Шведы, и взошли на валъ, и въ мигъ въ городъ. Русскіе по обѣимъ сторонамъ на валу отступили къ башнямъ. Потомъ солдаты отбили изъ внутри городскіе вороты, ибо таранъ не подѣйствовалъ, потому что управляющій онымъ былъ застрѣленъ. И хотя Русскіе еще долго стрѣляли съ башенъ, но конница безпрестанно болѣе и болѣе входила, наполняла улицы и ворота зáмка, такъ что ни одинъ изъ козаковъ или стрѣльцовъ не могъ показаться. Между тѣмъ Нѣмцы сбивали Русскихъ съ валу и отъ одного зубца къ другому, отъ одного мѣста къ другому, даже до бѣлой площади у воды, гдѣ, во первыхъ, не обошлось безъ шума и безъ сильнаго сопротивленія, ибо тутъ главнокомандующій Русскихъ, Бутурлинъ, на пространной площади раскинулъ шатеръ свой и расположился подъ открытымъ небомъ, какъ въ полѣ, и теперь, какъ думаютъ, самъ убѣжалъ на упомянутую площадь, откуда Русскіе, бывъ вытѣснены силою, бросились въ воду, иные въ лодкахъ, другіе безъ лодокъ, и другъ друга топили вмѣстѣ съ лодками. Мостъ, который ведетъ черезъ рѣку къ другому городу, тотчасъ занятъ былъ нашими, такъ что никто не могъ чрезъ него перейти.

Новгородъ взятъ приступомъ.

Поелику уже не было болѣе воиновъ въ замкѣ, то Новгородцы начали просить пощады. Козаки и стрѣльцы тотчасъ отступили за мостъ, начали сами разбивать въ другомъ городѣ купеческія лавки и грабить своихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что

Шведы отнимутъ же все, такъ лучше имъ поскорѣй приняться. Потомъ въ этомъ страхѣ выбѣжали они изъ города и оставили оный въ добычу. Но ихъ весьма щадили, потому что въ замкѣ сдались и начали вести переговоры; притомъ ни одинъ изъ нашихъ не смѣлъ перейти черезъ мостъ, ибо Русскіе въ замкѣ, получивъ просимую пощаду, принесли ключи, начали переговоры и заключили тѣмъ, что они замокъ отдаютъ, поддаются его Величеству, Королю Шведскому, присягаютъ, и принимаютъ его протекторомъ, а своимъ Царемъ и Великимъ Княземъ хотятъ имѣть кого либо изъ его сыновей. На слѣдующій день, 17 Іюля, главнокомандующій, Яковъ Делагарди, съ своею лейбъ-гвардіею, т. е., съ добрымъ полкомъ Нѣмецкихъ солдатъ, прибылъ въ замокъ. 25 Іюля, въ день Апостола Іакова, Новгородцы совершенно предались покровительству Короля Шведскаго и признали своимъ Великимъ Княземъ одного изъ двухъ, Герцога Густава Адольфа, или Карла Филиппа, кого бы ни получили, присягнули и поклялися. Яковъ Делагарди обѣщалъ имъ исходатайствовать кого-либо изъ двухъ у Его Королевскаго Величества, съ тѣмъ, чтобы они всѣ ему, главнокомандующему, такъ точно, какъ бы присутствовалъ самъ Герцогъ, подъ открытымъ небомъ, учинили присягу, чему одни Новгородцы доселѣ противились, ибо Москвитяне * и прежде на то соглашались и желали. Новгородцы почитали себя довольно сильными и умными для защищенія самихъ себя и не помышляли, какъ трудно удержать старый, полуразвалившійся домъ и res collapsas restituere, что они теперь испытали ко вреду своему и величайшему посрамленію. Послѣ того какъ Новгородъ сдался, Новгородцы предложили подчиненнымъ своимъ крѣпостямъ поддаться Шведамъ. Но онѣ воспротивились, и каждая сама по себѣ, безъ помощи, согласія и совѣта другихъ (такъ какъ Русскіе по природѣ столь горды, несогласны, самовольны и глупы, что не могутъ понять, или предупредить своей погибели [13]), думала держаться и защищаться. Тогда главнокомандующій силою одолѣлъ всѣ, одну за другою, и въ короткое время достались Шведамъ наипрекраснѣйшія крѣпости: Нетебургъ, Ивань-городъ, Ямъ, Копорье, Аудо (?), и проч., бывъ къ тому принуждены осадою, голодомъ и артиллеріею.

Русскіе просятъ пощады.

Русскіе просятъ себѣ Великаго Князя изъ Швеціи.

Такимъ образомъ Господь Богъ и здѣсь, въ семъ варварскомъ идолопоклонническомъ (!!) народѣ, показалъ доброе начало къ зачатію Евангельскаго ученія и къ распространенію христіанской Церкви, что не только мы, но вмѣстѣ съ нами и все христіанство должно славословить и радостно воспѣвать: „Тебе Бога хвалимъ,“ съ сердечною притомъ мольбою, да совершитъ Господь Богъ благое начатое дѣло, вопервыхъ, святыми своими Ангелами, потомъ нами, непотребными рабами, т. е., да съ помощію сихъ народовъ отнынѣ посрамитъ враговъ любезнаго своего хри-

---

* Въ перев. *Московцы.*

стіанства, особливо же Папу, который въ семъ мѣстѣ думаетъ ворваться въ стадо Господа, и да низринетъ ихъ въ яму, которую они искапываютъ для христіанъ! Ибо отнынѣ мы, не какъ прежде, уже не противу Москвитянъ, но за Москвитянъ должны молить Бога (такъ какъ ихъ могущество, коимъ насъ устрашали, уже прешло), да спасетъ ихъ отъ глубочайшаго и всепотопляющаго суевѣрія и идолопоклонства и наставитъ на путь совершеннаго познанія существа своего и воли, и да присоединитъ сихъ другихъ овецъ своихъ съ конца свѣта къ своей паствѣ! *

Сіе учинитъ и совершитъ Господь для прославленія своего имени, такъ какъ доселѣ бы учинилъ, еслибы они не ушли отъ пастырей христіанскаго стада, яко содомскіе и кровосмѣсительные козлы, и не оказались бы недостойными онаго [14]. Сіе, по моему мнѣнію, не можетъ быть достигнуто лучшимъ путемъ, какъ, во первыхъ, особливымъ наитіемъ Божіимъ, во вторыхъ, если высшее начальство истребитъ неизглаголанное варварство заведеніемъ хорошихъ училищъ, распространеніемъ (знанія) языковъ и свободныхъ искуствъ, ибо невѣжество ихъ до того простирается, что нѣтъ ни одного во всей землѣ, ни изъ высшаго, ни изъ нисшаго, состоянія, ни изъ духовенства, который бы разумѣлъ хоть словцо по Латинѣ (хотя языкъ сей есть корень и орудіе всякаго благоустройства, мудрости и искуствъ), или какой либо другой языкъ иностранный. Сего не довольно: они почитаютъ за стыдъ и строго запрещаютъ, чтобъ ихъ тунеядцы попы, лихоимцы и охотники до голубятень монахи [15], коими не только всѣ монастыри, но и всѣ углы наполнены, не учились никакому иностранному языку и не имѣли хорошихъ книгъ. И потому, паки и паки, слава и благодареніе Богу за сіе начатое великое дѣло! Ибо, говоря и судя справедливо, учиненное нами, малыми, дѣло есть дѣло Божіе, а не человѣческое, если сравнить величіе дѣла съ малозначительностію насъ, яко орудій, и (такъ какъ) происшествіе гораздо превосходитъ предположенную нами цѣль, ибо, хотя Его Королевское Величество и нашъ главнокомандующій имѣли свои политическія причины и намѣреніе воевать, но Господь Богъ имѣетъ между тѣмъ свою пользу и скрытыя причины, и употребляетъ насъ къ распространенію своей Церкви и прославленію своего имени.

И такъ, молимъ Бога, да руководитъ и охраняетъ Всепресвѣтлѣйшаго младаго Князя Шведскаго, Герцога Карла Филиппа, щастливо и благополучно, ко благу и защитѣ всего христіанства и къ распространенію своего имени. Да возрастаетъ нѣжная его юность въ духѣ Божіемъ и да пріумножается въ лѣтахъ, крѣпости, мудрости и разумѣ; да заведетъ онъ у Русскихъ благоустройство, церкви, училища, или, ежели они будутъ ему противиться и лицемѣрить, да сильною рукою разсыплетъ

---

* Въ перев. *овчарнѣ*.

ихъ и учинитъ себѣ покорными * [26]. Да подастъ также Господь нашимъ щастливымъ военачальникамъ, всѣмъ военнымъ совѣтникамъ и командирамъ духъ мудрости и молитвы, да творятъ и исправляютъ дѣла мудро и хорошо, да, съ помощію святыхъ своихъ Ангеловъ, оградитъ насъ отъ Папы и Поляковъ! Сіе глаголемъ единогласно со всѣмъ христіанствомъ устами и сердцемъ: Conterre, Domine, fortitudinem inimicorum nostrorum, ut cognoscant, quod non est hic alius, qui pugnet pro nobis, nisi tu, Deus noster. Avertantur retrorsum, qui quaerunt nobis mala, ut nota fiat omnibus virtus tua, Altissime!

Даждь намъ миръ, Господи Боже, во дни наши, и проч. Даруй нашему Королю и всему христіанскому Начальству миръ и доброе державоправленіе, да поживемъ мирно и безмятежно во всякой богобоязливости и честности! Аминь.

---

* Въ перев. подданными.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Признавая, по обыкновенію всѣхъ иностранныхъ, неблагосклонныхъ къ намъ, писателей, предковъ нашихъ суевѣрными, и даже сомнѣваясь въ томъ, чтобь они были *христiане* (?!), Шаумъ, подъ именемъ *христіанскаго Начальства*, коимъ они должны быть управляемы на будущее время, разумѣетъ Шведскаго Принца, котораго, въ послѣдніе годы Смутнаго Періода, нѣкоторые изъ Русскихъ думали возвести на престолъ. Въ какой степени взглядъ автора оказывается здѣсь невѣрнымъ, это видно уже изъ самаго хода послѣдующихъ событій, всѣмъ довольно извѣстныхъ.

2. Опять общіе возгласы, общія клеветы, свойственныя всѣмъ недоброжелателямъ Россіи! Кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, что, вмѣсто безбожія, въ которомъ Шаумъ упрекаетъ нашихъ предковъ, они, напротивъ, славились самымъ ревностнымъ благочестіемъ? Кому неизвѣстно, что, вмѣсто разврата, у нихъ до такой степени процвѣтали семейныя добродѣтели, что какъ въ убогихъ хижинахъ, такъ и въ боярскихъ хоромахъ и въ Царскихъ чертогахъ цѣломудріе и добрые нравы считались лучшимъ украшеніемъ, и мужчины, и женщины, и юноши, и дѣвицы? Кто, наконецъ, не видитъ, въ какой чистотѣ и неизмѣнности мы блюдемъ доселѣ истины христіанской вѣры, переданныя намъ Греціей? И не ужели нашимъ врагамъ въ этомъ передъ нами хвалиться?!..

3. Голодъ, описываемый Шаумомъ, былъ дѣйствительно ужасенъ; но едва ли доводилъ онъ несчастныхъ своихъ жертвъ до такой степени ожесточенія, какъ здѣсь представлено: по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ и актахъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ такого безчеловѣчія.

4. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ тому, какъ опрометчиво и пристрастно судятъ часто объ насъ иностранцы! Приступая къ описанію Смутнаго Періода, Шаумъ, какъ будто не видитъ настоящей его причины, состоявшей въ прекращеніи Рюрикова Дома, которая прежде всего дала возможность развиться и выступить на открытое поле честолюбію, крамоламъ, Самозванцамъ и всѣмъ бѣдствіямъ, отяготѣвшимъ въ это несчастное время надъ нашимъ отечествомъ. И не Шведскому Принцу, какъ ораторствуетъ далѣе авторъ, суждено было умирить взволнованное Государство, возстановить церковное благочиніе, такъ дерзко попранное Польшей и ея клевретами, не иноземцу, чуждому намъ и по вѣрѣ и по обычаямъ, суждено было впредь надъ нами властвовать, а ближайшей отрасли того же Рюрикова православнаго Дома—юному Михаилу и его благословенному потомству.

5. Не знаемъ, откуда заимствовалъ авторъ извѣстіе объ этомъ обычаѣ, никогда у насъ не существовавшемъ и совершенно несогласномъ съ уставами нашей Церкви, потому что разводы Василія Іоанновича и самаго Грознаго были только исключеніемъ изъ общаго правила, на которое они сами не осмѣлились посягнуть иначе, какъ съ разрѣшенія нарочно созваннаго для того собора Духовенства.

6. Нельзя не замѣтить, что убіеніе Царевича описано здѣсь не совсѣмъ такъ, какъ сообщается о немъ въ другихъ извѣстныхъ намъ источникахъ; кажется, что автору это происшествіе было не такъ передано, или, можетъ быть, онъ самъ перепуталъ слышанные имъ разсказы, вѣрные или сомнительные, о убіеніи Димитрія и о слѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ.

7. Не для узнанія, подлинно ли убитъ Царевичъ Димитрій, отправленъ былъ Шуйскій, а для учиненія слѣдствія, какимъ образомъ онъ погибъ.

8. Несправедливо, чтобъ Дворецъ Царевича Димитрія былъ разрушенъ по приказанію Шуйскаго: онъ стоитъ еще доселѣ, и только всеистребляющая рука времени сокрушаетъ мало по малу этотъ драгоцѣнный памятникъ старины.

9. Какъ жаль, что разглагольствіе Шауна и слѣдующее за симъ увѣщаніе, сами по себѣ справедливыя, такъ мало идутъ здѣсь къ дѣлу: мы сейчасъ увидимъ, что, не смотря на тяжкія свои страданія, наше отечество не только не погибло въ эту бѣдственную эпоху, но и успѣло удержаться одними своими силами и промысломъ благаго Провидѣнія.

10. Вопреки Шауну, Русскіе, какъ всѣмъ извѣстно, восстали, удержали свою вѣру, очистили Государство отъ всѣхъ непріятелей, еще прежде возведя на престолъ его юную отрасль своего древняго Царскаго рода, и донынѣ Отецъ Всемогущій не только хранитъ наше отечество цѣлымъ и невредимымъ, но и постоянно возвышаетъ, укрѣпляетъ и озаряетъ его новой славой: вотъ лучшій отвѣтъ на всѣ грозные приговоры, на всѣ высокомѣрныя мечтанія, на всѣ жалкія и ничтожные вопли древнихъ и новыхъ недоброжелателей Россіи!

11. Читатели увидятъ далѣе, въ чемъ состояла эта, какъ выражается Шаунъ, *врожденная Русскимъ обманчивость, клятвопреступленіе и лицемѣріе* !!!: Новгородцы и жители другихъ Сѣверныхъ городовъ не хотѣли безпрекословно поддаться Шведамъ, которые грабили и опустошали ихъ землю.

12. О взятіи Ладоги, описанномъ подробно самимъ де Лавилемъ, см. въ „Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le règne de Jvan Wasiliwitz, Empereur, jusques à Vasili Ivanovitz Sousky, par Pierre de Laville, sieur de Dombasle, 1611," находящемся въ числѣ приложеній при книгѣ: „La Chronique de Nestor, traduite en Français, d'après l'édition Impériale de Petersbourg, par Louis Paris, t. 1, 1834. Paris, in 8, № 6, p. 404." Русскій переводъ этого сочиненія де Лавиля напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ," 1841 г., № 3.

13. Въ какомъ отношеніи ложны сужденія автора о нашихъ предкахъ и отъ чего они происходятъ, это уже достаточно объяснено нами въ предисловіи и предъидущихъ примѣчаніяхъ: повторять ихъ здѣсь было бы безполезно.

14. Просимъ читателей обратить особенное вниманіе на эти слова Шауна для того, чтобъ вполнѣ увѣриться, какъ ошибоченъ вообще взглядъ его на наши свойства и характеръ, на нашу вѣру и самыя дѣйствія.

15. Переводчикъ здѣсь, безъ сомнѣнія, невѣрно передалъ мысль автора: у него, конечно, былъ приличнѣе какой-нибудь другой эпитетъ, (а не голубятники), болѣе приличный сословію, о которомъ онъ, по своему обыкновенію, отзывается такъ саркастично и ложно.

16. Надъ Шведами, а не надъ нами, сбывалось грозное пророчество Шауна: неоднократно побѣждаемые и ослабляемые Петромъ Великимъ и его преемниками, они, въ непродолжительномъ времени, сами сдѣлались подданными Русскихъ, утративъ владѣнія, которыя присвоили своей воинственной собственностію.

2.

I.

ПИСЬМО РАДИВИЛА.

II.

ОСАДА ВЕНДЕНА.

ИНОСТРАННЫЕ СОЧИНЕНІЯ и АКТЫ,

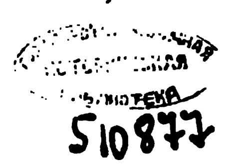
ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО РОССІИ,

собранные

К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

ПИСЬМО
ГЕТМАНА ЛИТОВСКАГО,
РАДИВИЛА,
О
ПОБѢДѢ,
ОДЕРЖАННОЙ ПРИ УЛѢ,
1564 года, генваря 26-го.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, октября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Копія съ письма,

присланнаго въ Варшаву

на имя пана Радивила

великимъ гетманомъ литовскимъ,

съ извѣстіемъ объ одержанной имъ побѣдѣ

въ сраженіи съ москвитянами,

и о томъ, какая богатая добыча досталась его литовской рати,

26-го генваря, сего 1564 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ половинѣ Февраля мѣсяца, 1563 года, Іоаннъ Грозный взялъ у Литвы Полоцкъ, древнее достояніе Россіи, а въ слѣдъ за тѣмъ заключилъ съ ней перемиріе на шесть мѣсяцевъ, поручивъ завоеванный городъ князю Петру Ивановичу Шуйскому, знаменитому воеводѣ Царской рати, громившей Ливонію. Въ концѣ года явились въ Москву и послы Сигизмунда для переговоровъ о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, о перемиріи, болѣе продолжительномъ, но, по обыкновенію, съ обѣихъ сторонъ никакъ не могли согласиться въ условіяхъ, и война должна была возгорѣться съ новой силой.

Іоаннъ, не оставляя Москвы, спѣшилъ, однако, усилить Шуйскаго, котораго и теперь назначилъ главнымъ воеводой, прислалъ ему въ помощь нѣсколько отрядовъ изъ разныхъ городовъ. Съ этимъ войскомъ, заключавшимъ въ себѣ около 20,000 человѣкъ, Шуйскій выступилъ изъ Полоцка, чтобъ соединиться подъ Оршей съ князьями Серебряными-Оболенскими, которые вели къ нему другое войско изъ области Смоленской; но еще на пути, близь мѣстечка Улы, 26-го Генваря, 1564 г., суждено было ему встрѣтиться съ великимъ гетманомъ Литовскимъ, Радивиломъ, и здѣсь, въ загадочной битвѣ, не только лишиться жизни, но и помрачить свое славное воинское имя и свои прежнія, громкія побѣды. Русскіе бѣжали малодушно, доставивъ случай Польскимъ панамъ

хвалиться и величаться всюду своей побѣдой, дѣйствительно блестящей, судя по ихъ разсказамъ, далѣе множествомъ ими убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Москвитянъ, и, наконецъ, несмѣтной добычей, найденной въ Русскомъ обозѣ. Такимъ образомъ, до насъ дошли современныя реляціи и письма на разныхъ языкахъ объ этомъ сраженіи и побѣдѣ, одержанной Литовцами надъ нашими предками: впрочемъ, всѣ они, кромѣ незначительныхъ различій, между собою сходны, свидѣтельствуя единогласно, что Шуйскій, имѣвъ на своей сторонѣ всѣ выгоды, не хотѣлъ ими воспользоваться по своей гордости и изъ презрѣнія къ малочисленности и слабости непріятеля. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно никакихъ отечественныхъ источниковъ, которые бы относились къ этому происшествію, тѣмъ болѣе, что мы даже не знаемъ, какъ говорится объ немъ и въ лѣтописи Александро-Невской, на которую въ настоящемъ мѣстѣ исключительно ссылается Карамзинъ въ своей исторіи. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что они могли бы служить лучшимъ объясненіемъ касательно странныхъ дѣйствій Шуйскаго, которыя, можетъ быть, по этому и историографъ описываетъ вовсе несходно съ упомянутыми нами реляціями и письмами. И такъ, въ ожиданіи, что новѣйшія дѣятельныя розысканія всѣхъ отечественныхъ памятниковъ и въ этомъ отношеніи сдѣлаютъ для насъ доступными какія нибудь новые и полезные матеріалы, мы сообщимъ пока читателямъ одно изъ принадлежащихъ сюда извѣстій, писанное самимъ виновникомъ побѣды, великимъ гетманомъ Радивиломъ, хотя и сохранившееся уже не въ подлинникѣ, а только въ Нѣмецкомъ современномъ переводѣ, дополнивъ его притомъ примѣчаніями, заимствованными изъ другихъ такого же рода источниковъ, къ кото-

рымъ именно относятся: 1) Письмо отъ 4-го Февраля, 1564 г., на Италіянскомъ языкѣ, съ приложенной къ нему реляціей о сраженіи на языкѣ Латинскомъ, отправленныя изъ Варшавы кардиналомъ Коммендоне, въ бытность его нунціемъ въ Польшѣ, къ кардиналу Карлу Борромео, племяннику Папы Пія IV-го. Онѣ напечатаны въ изданныхъ Археографической Коммиссіей „Historica Russiae monimenta", т. I, отъ стр. 200—202.— 2) „Краткое, ясное и подлинное описаніе битвы, происходившей между Москвитянами и Литовцами, въ 1564 г., 24 Генв.", составленное на Латинскомъ языкѣ Тильманомъ Бреденбахомъ и напечатанное въ томъ же самомъ году въ видѣ приложенія къ его исторіи войны Ливонской, веденной В. Княземъ Московскимъ противъ Ливонцевъ. Латинское заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux contra Livones gessit, per Tilmannum Bredenbachium conscripta. Unà cum breui narratione praeclarae ejus victoriae, qua paucis abhinc mensibus Lituani vicissim contra Moschovitas potiti fuerunt. Lovanii, apud Iohannem Bogardum, sub Bibliis aureis, Anno 1564. Бреденбахъ заимствовалъ, какъ онъ говоритъ, это описаніе изъ донесенія, отправленнаго къ Королю въ Варшаву на другой день послѣ сраженія, которое такъ его обрадовало, что онъ, казалось, послѣ того совершенно выздоровѣлъ отъ своей болѣзни. Въ приведенномъ выше письмѣ кардинала Коммендоне онъ также объ этомъ упоминаетъ, разсказывая, что Король получилъ донесеніе о побѣдѣ Радивила въ то самое время, какъ принималъ лекарство, но что онъ не повѣрилъ такому извѣстію и послѣ того весь день былъ въ сильномъ волненіи. 3) Описаніе въ хроникѣ Литовской Стриковскаго того же сраженія, подъ заглавіемъ: „о побіеніи Москвы двадцати пяти тысячь на

Улѣ“ (см. въ рукописяхъ, хранящихся въ библіот. Московск. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ подъ № 80, стр. 884 и д., и подъ № 81, стр. 935 на об. и д). — Къ этимъ иностраннымъ источникамъ мы присоединимъ, наконецъ: 4) Скудное, но достовѣрное, извѣстіе о послѣднемъ походѣ Шуйскаго, сохранившееся въ нашихъ Розрядныхъ книгахъ (см. въ Древн. Рос. Вивліоѳ. т. XIII, ст. XXIV, стр. 343 и 344, и въ Симбирскомъ Сборникѣ, т. I, розрядъ 1864 г., на стр. 6). Этимъ источникомъ мы въ особенности пользовались для уразумѣнія собственныхъ Русскихъ именъ, которыя и въ настоящемъ случаѣ иностранцами много переиначены.

Въ заключеніе предложимъ описаніе брошюры, содержащей въ себѣ письмо гетмана Радивила, издаваемое нами въ переводѣ. Она напечатана въ Нюренбергѣ Николаемъ Кнорреномъ, въ 4-ку, на четырехъ листахъ. На лицевой сторонѣ перваго изъ нихъ, подъ заглавіемъ, помѣщена картина, представляющая съѣздъ Русскаго воеводы съ Литовскимъ полководцемъ: оба они верхами и окружены вооруженными всадниками. Вдали изображеніе города, означающее, вѣроятно, мѣстечко Улу. Экземпляръ этой брошюры хранится въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не безполезнымъ считаемъ еще замѣтить, что означенное письмо напечатано также у Новаковскаго, въ изданіи подъ заглавіемъ: „Źródła do dziejów Polskich“, 1841, t. I., p. 184 — 190, но безъ всякихъ значительныхъ варіантовъ.

К. М. Оболенскій.

Копія съ письма,

ПРИСЛАННАГО

ЛИТОВСКИМЪ ГЕТМАНОМЪ ВЪ ВАРШАВУ,

НА ИМЯ ПАНА РАДИВИЛА,

3-го Февраля, 1564 г.

Не только не сомнѣваюсь, но и вполнѣ увѣренъ, что Ваша Милость искренно желаете мнѣ всего лучшаго. И потому пишу къ Вашей Милости въ краткихъ словахъ, не будучи въ состояніи писать пространно послѣ вчерашней потѣхи, въ которой мнѣ пришлось довольно потрудиться и поработать. Началось же дѣло съ того, что Государь Московскій, отправивъ посольство нашего Всемилостивѣйшаго Государя, Короля Польскаго, вознамѣрился продолжать военныя дѣйствія въ земляхъ Его Государства и разорять ихъ мечемъ и огнемъ.

И вотъ въ слѣдъ за тѣмъ назначилъ онъ своему воеводѣ, Шуйскому (знатному Московскому князю, который былъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій Лифляндіи, женатъ на сестрѣ Московскаго Государя (?!) и въ то время съ своимъ войскомъ находился въ Полоцкѣ), весьма значительную помощь изъ Смоленска и изъ областей Псковской, Новгородской, Торопецкой и Луцкой, такъ что обѣ этѣ рати [1] должны были соединиться близъ Орши, пограничнаго замка, принадлежащаго Его Королевскому Величеству. Послѣ того упомянутый воевода, Шуйскій, въ слѣдствіе повелѣнія своего Государя, выступилъ изъ Полоцка въ воскресенье, что было 23-го Генваря, съ тѣмъ войскомъ, которое здѣсь при немъ находилось, о чемъ я получилъ точныя свѣдѣнія, дознавшись также, что онъ пойдетъ на Улу, мѣстечко паньи воеводины Вйтовской.

Въ это время я съ моимъ войскомъ стоялъ въ Лукомлѣ', городѣ Литовскомъ, находящемся недалеко отъ Полоцка и на разстояніи семи миль отъ Улы, и хотя въ сравненіи съ непріятелемъ былъ дѣйствительно слабъ, но стыдъ и позоръ, причиненные мнѣ и всей нашей націи и нашему имени отнятіемъ у насъ города и области Полоцкой (потому что, когда Полоцкъ взятъ Русскими, онъ былъ также военачальникомъ) [2], побудили меня, наконецъ, двинуться противъ непріятеля и близъ самой Улы [3] встрѣтиться съ нимъ лицемъ къ лицу, что именно случилось въ среду, 26-го Генваря, и происходило слѣдующимъ образомъ:

Когда упомянутый воевода съ войскомъ своимъ выступилъ изъ лѣсу въ поле, прилежащее къ Улѣ, я, съ другой стороны, изъ Луковскаго лѣ-

ПИСЬМО

ГЕТМАНА ЛИТОВСКАГО,

РАДИВИЛА,

О

ПОБѢДѢ,

ОДЕРЖАННОЙ ПРИ УЛѢ,

1564 года, генваря 26-го.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, октября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Копія съ письма,

присланнаго въ Варшаву

НА ИМЯ ПАНА РАДИВИЛА

великимъ гетманомъ литовскимъ,

СЪ ИЗВѢСТІЕМЪ ОБЪ ОДЕРЖАННОИ ИМЪ ПОБѢДѢ

ВЪ СРАЖЕНІИ СЪ МОСКВИТЯНАМИ,

и о томъ, какая богатая добыча досталась его литовской рати,

26-го генваря, сего 1564 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ половинѣ Февраля мѣсяца, 1563 года, Іоаннъ Грозный взялъ у Литвы Полоцкъ, древнее достояніе Россіи, а въ слѣдъ за тѣмъ заключилъ съ ней перемиріе на шесть мѣсяцевъ, поручивъ завоеванный городъ князю Петру Ивановичу Шуйскому, знаменитому воеводѣ Царской рати, громившей Ливонію. Въ концѣ года явились въ Москву и послы Сигизмунда для переговоровъ о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, о перемиріи, болѣе продолжительномъ, но, по обыкновенію, съ обѣихъ сторонъ никакъ не могли согласиться въ условіяхъ, и война должна была возгорѣться съ новой силой.

Іоаннъ, не оставляя Москвы, спѣшилъ, однако, усилить Шуйскаго, котораго и теперь назначилъ главнымъ воеводой, приславъ ему въ помощь нѣсколько отрядовъ изъ разныхъ городовъ. Съ этимъ войскомъ, заключавшимъ въ себѣ около 20,000 человѣкъ, Шуйскій выступилъ изъ Полоцка, чтобъ соединиться подъ Оршей съ князьями Серебряными-Оболенскими, которые вели къ нему другое войско изъ области Смоленской; но еще на пути, близъ мѣстечка Улы, 26-го Генваря, 1564 г., суждено было ему встрѣтиться съ великимъ гетманомъ Литовскимъ, Радивиломъ, и здѣсь, въ загадочной битвѣ, не только лишиться жизни, но и помрачить свое славное воинское имя и свои прежнія, громкія побѣды. Русскіе бѣжали малодушно, доставивъ случай Польскимъ панамъ

хвалиться и величаться всюду своей побѣдой, дѣйствительно блестящей, судя по ихъ разсказамъ, далѣе множествомъ ими убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Москвитянъ, и, наконецъ, несмѣтной добычей, найденной въ Русскомъ обозѣ. Такимъ образомъ, до насъ дошли современныя реляціи и письма на разныхъ языкахъ объ этомъ сраженіи и побѣдѣ, одержанной Литовцами надъ нашими предками; впрочемъ, всѣ они, кромѣ незначительныхъ различій, между собою сходны, свидѣтельствуя единогласно, что Шуйскій, имѣвъ на своей сторонѣ всѣ выгоды, не хотѣлъ ими воспользоваться по своей гордости и изъ презрѣнія къ малочисленности и слабости непріятеля. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно никакихъ отечественныхъ источниковъ, которые бы относились къ этому происшествію, тѣмъ болѣе, что мы даже не знаемъ, какъ говорится объ немъ и въ лѣтописи Александро-Невской, на которую въ настоящемъ мѣстѣ исключительно ссылается Карамзинъ въ своей исторіи. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что они могли бы служить лучшимъ объясненіемъ касательно странныхъ дѣйствій Шуйскаго, которыя, можетъ быть, по этому и исторіографъ описываетъ вовсе несходно съ упомянутыми выше реляціями и письмами. И такъ, въ ожиданіи, что новѣйшія дѣятельныя розысканія всѣхъ отечественныхъ памятниковъ и въ этомъ отношеніи сдѣлаютъ для насъ доступными какіе нибудь новые и полезные матеріалы, мы сообщимъ пока читателямъ одно изъ принадлежащихъ сюда извѣстій, писанное самимъ виновникомъ побѣды, великимъ гетманомъ Радивиломъ, хотя и сохранившееся уже не въ подлинникѣ, а только въ Нѣмецкомъ современномъ переводѣ, дополнивъ его притомъ примѣчаніями, заимствованными изъ другихъ такого же рода источниковъ, къ кото-

рымъ именно относятся: 1) Письмо отъ 4-го Февраля, 1564 г., на Италіянскомъ языкѣ, съ приложенной къ нему реляціей о сраженіи на языкѣ Латинскомъ, отправленныя изъ Варшавы кардиналомъ Коммендоне, въ бытность его нунціемъ въ Польшѣ, къ кардиналу Карлу Борромео, племяннику Папы Пія IV-го. Они напечатаны въ изданныхъ Археографической Коммиссіей „Historica Russiae monimenta“, т. I, отъ стр. 200—202.— 2) „Краткое, ясное и подлинное описаніе битвы, происходившей между Москвитянами и Литовцами, въ 1564 г., 24 Генв.“, составленное на Латинскомъ языкѣ Тильманомъ Бреденбахомъ и напечатанное въ томъ же самомъ году въ видѣ приложенія къ его исторіи войны Ливонской, веденной В. Княземъ Московскимъ противъ Ливонцевъ. Латинское заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux contra Livones gessit, per Tilmannum Bredenbachium conscripta. Unà cum breui narratione praeclarae ejus victoriae, qua paucis abhinc mensibus Lituani vicissim contra Moschovitas potiti fuerunt. Lovanii, apud Iohannem Bogardum, sub Bibliis aureis, Anno 1564. Бреденбахъ заимствовалъ, какъ онъ говоритъ, это описаніе изъ донесенія, отправленнаго къ Королю въ Варшаву на другой день послѣ сраженія, которое такъ его обрадовало, что онъ, казалось, послѣ того совершенно выздоровѣлъ отъ своей болѣзни. Въ приведенномъ выше письмѣ кардинала Коммендоне онъ также объ этомъ упоминаетъ, разсказывая, что Король получилъ донесеніе о побѣдѣ Радивила въ то самое время, какъ принималъ лекарство, но что онъ не повѣрилъ такому извѣстію и послѣ того весь день былъ въ сильномъ волненіи. 3) Описаніе въ хроникѣ Литовской Стриковскаго того же сраженія, подъ заглавіемъ: „о побіеніи Москвы двадцати пяти тысячъ на

ИНОСТРАННЫЕ СОЧИНЕНІЯ и АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО РОССІИ,

собранные

К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

ПИСЬМО

ГЕТМАНА ЛИТОВСКАГО,

РАДИВИЛА,

О

ПОБѢДѢ,

ОДЕРЖАННОЙ ПРИ УЛѢ,

1564 года, генваря 26-го.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, октября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Копія съ письма,

присланнаго въ Варшаву

НА ИМЯ ПАНА РАДИВИЛА

Великимъ Гетманомъ Литовскимъ,

СЪ ИЗВѢСТІЕМЪ ОБЪ ОДЕРЖАННОИ ИМЪ ПОБѢДѢ

ВЪ СРАЖЕНІИ СЪ МОСКВИТЯНАМИ,

и о томъ, какая богатая добыча досталась его литовской рати,

26-го генваря, сего 1564 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ половинѣ Февраля мѣсяца, 1563 года, Іоаннъ Грозный взялъ у Литвы Полоцкъ, древнее достояніе Россіи, а въ слѣдъ за тѣмъ заключилъ съ ней перемиріе на шесть мѣсяцевъ, поручивъ завоеванный городъ князю Петру Ивановичу Шуйскому, знаменитому воеводѣ Царской рати, громившей Ливонію. Въ концѣ года явились въ Москву и послы Сигизмунда для переговоровъ о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, о перемиріи, болѣе продолжительномъ, но, по обыкновенію, съ обѣихъ сторонъ никакъ не могли согласиться въ условіяхъ, и война должна была возгорѣться съ новой силой.

Іоаннъ, не оставляя Москвы, спѣшилъ, однако, усилить Шуйскаго, котораго и теперь назначилъ главнымъ воеводой, приславъ ему въ помощь нѣсколько отрядовъ изъ разныхъ городовъ. Съ этимъ войскомъ, заключавшимъ въ себѣ около 20,000 человѣкъ, Шуйскій выступилъ изъ Полоцка, чтобъ соединиться подъ Оршей, съ князьями Серебряными-Оболенскими, которые вели къ нему другое войско изъ области Смоленской; но еще на пути, близь мѣстечка Улы, 26-го Генваря, 1564 г., суждено было ему встрѣтиться съ великимъ гетманомъ Литовскимъ, Радивиломъ, и здѣсь, въ загадочной битвѣ, не только лишиться жизни, но и помрачить свое славное воинское имя и свои прежнія, громкія побѣды. Русскіе бѣжали малодушно, доставивъ случай Польскимъ панамъ

хвалиться и величаться всюду своей побѣдой, дѣйствительно блестящей, судя по ихъ разсказамъ, далѣе множествомъ ими убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Москвитянъ, и, наконецъ, несмѣтной добычей, найденной въ Русскомъ обозѣ. Такимъ образомъ, до насъ дошли современныя реляціи и письма на разныхъ языкахъ объ этомъ сраженіи и побѣдѣ, одержанной Литовцами надъ нашими предками; впрочемъ, всѣ они, кромѣ незначительныхъ различій, между собою сходны, свидѣтельствуя единогласно, что Шуйскій, имѣвъ на своей сторонѣ всѣ выгоды, не хотѣлъ ими воспользоваться по своей гордости и изъ презрѣнія къ малочисленности и слабости непріятеля. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно никакихъ отечественныхъ источниковъ, которые бы относились къ этому происшествію, тѣмъ болѣе, что мы даже не знаемъ, какъ говорится объ немъ и въ лѣтописи Александро-Невской, на которую въ настоящемъ мѣстѣ исключительно ссылается Карамзинъ въ своей исторіи. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что они могли бы служить лучшимъ объясненіемъ касательно странныхъ дѣйствій Шуйскаго, которыя, можетъ быть, по этому и історіографъ описываетъ вовсе несходно съ упомянутыми выше реляціями и письмами. И такъ, въ ожиданіи, что новѣйшія дѣятельныя розысканія всѣхъ отечественныхъ памятниковъ и въ этомъ отношеніи сдѣлаютъ для насъ доступными какіе нибудь новые и полезные матеріалы, мы сообщимъ пока читателямъ одно изъ принадлежащихъ сюда извѣстій, писанное самимъ виновникомъ побѣды, великимъ гетманомъ Радивиломъ, хотя и сохранившееся уже не въ подлинникѣ, а только въ Нѣмецкомъ современномъ переводѣ, дополнивъ его притомъ примѣчаніями, заимствованными изъ другихъ такого же рода источниковъ, къ кото-

рымъ именно относятся: 1) Письмо отъ 4-го Февраля, 1564 г., на Италіанскомъ языкѣ, съ приложенной къ нему реляціей о сраженіи на языкѣ Латинскомъ, отправленныя изъ Варшавы кардиналомъ Коммендоне, въ бытность его нунціемъ въ Польшѣ, къ кардиналу Карлу Борромео, племяннику Папы Пія IV-го. Они напечатаны въ изданныхъ Археографической Коммиссіей „Historica Russiae monimenta", т. I, отъ стр. 200—202.— 2) „Краткое, ясное и подлинное описаніе битвы, происходившей между Москвитянами и Литовцами, въ 1564 г., 24 Генв.", составленное на Латинскомъ языкѣ Тильманомъ Бреденбахомъ и напечатанное въ томъ же самомъ году въ видѣ приложенія къ его исторіи войны Ливонской, веденной В. Княземъ Московскимъ противъ Ливонцевъ. Латинское заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux contra Livones gessit, per Tilmannum Bredenbachium conscripta. Unà cum breui narratione praeclarae ejus victoriae, qua paucis abhinc mensibus Lituani vicissim contra Moschovitas potiti fuerunt. Lovanii, apud Iohannem Bogardum, sub Bibliis aureis, Anno 1564. Бреденбахъ заимствовалъ, какъ онъ говоритъ, это описаніе изъ донесенія, отправленнаго къ Королю въ Варшаву на другой день послѣ сраженія, которое такъ его обрадовало, что онъ, казалось, послѣ того совершенно выздоровѣлъ отъ своей болѣзни. Въ приведенномъ выше письмѣ кардинала Коммендоне онъ также объ этомъ упоминаетъ, разсказывая, что Король получилъ донесеніе о побѣдѣ Радивила въ то самое время, какъ принималъ лекарство, но что онъ не повѣрилъ такому извѣстію и послѣ того весь день былъ въ сильномъ волненіи. 3) Описаніе въ хроникѣ Литовской Стриковскаго того же сраженія, подъ заглавіемъ: „о побіеніи Москвы двадцати пяти тысячь на

Улѣ" (см. въ рукописяхъ, хранящихся въ библіот. Московск. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ подъ № 80, стр. 884 и д., и подъ N 81, стр. 935 на об. и д). — Къ этимъ иностраннымъ источникамъ мы присоединимъ, наконецъ: 4) Скудное, но достовѣрное, извѣстіе о послѣднемъ походѣ Шуйскаго, сохранившееся въ нашихъ Розрядныхъ книгахъ (см. въ Древн. Рос. Вивліоѳ. т. XIII, ст. XXIV, стр. 343 и 344, и въ Симбирскомъ Сборникѣ, т. I, розрядъ 1564 г., на стр. 6). Этимъ источникомъ мы въ особенности пользовались для уразумѣнія собственныхъ Русскихъ именъ, которыя и въ настоящемъ случаѣ иностранцами много переиначены.

Въ заключеніе предложимъ описаніе брошюры, содержащей въ себѣ письмо гетмана Радивила, издаваемое нами въ переводѣ. Она напечатана въ Нюренбергѣ Николаемъ Кнорреномъ, въ 4-ку, на четырехъ листахъ. На лицевой сторонѣ перваго изъ нихъ, подъ заглавіемъ, помѣщена картина, представляющая съѣздъ Русскаго воеводы съ Литовскимъ полководцемъ: оба они верхами и окружены вооруженными всадниками. Вдали изображеніе города, означающее, вѣроятно, мѣстечко Улу. Экземпляръ этой брошюры хранится въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не безполезнымъ считаемъ еще замѣтить, что означенное письмо напечатано также у Новаковскаго, въ изданіи подъ заглавіемъ: „Źródła do dziejów Polskich", 1841, t. I., p. 184 — 190, но безъ всякихъ значительныхъ варіантовъ.

К. М. Оболенскій.

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА,

ПРИСЛАННАГО

ЛИТОВСКИМЪ ГЕТМАНОМЪ ВЪ ВАРШАВУ,

НА ИМЯ ПАНА РАДИВИЛА,

3-го Февраля, 1564 г.

Не только не сомнѣваюсь, но и вполнѣ увѣренъ, что Ваша Милость искренно желаете мнѣ всего лучшаго. И потому пишу къ Вашей Милости въ краткихъ словахъ, не будучи въ состояніи писать пространно послѣ вчерашней потѣхи, въ которой мнѣ пришлось довольно потрудиться и поработать. Началось же дѣло съ того, что Государь Московскій, отправивъ посольство нашего Всемилостивѣйшаго Государя, Короля Польскаго, вознамѣрился продолжать военныя дѣйствія въ земляхъ Его Государства и разорять ихъ мечемъ и огнемъ.

И вотъ въ слѣдъ за тѣмъ назначилъ онъ своему воеводѣ, Шуйскому (знатному Московскому князю, который былъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій Лифляндіи, женатъ на сестрѣ Московскаго Государя (?!) и въ то время съ своимъ войскомъ находился въ Полоцкѣ), весьма значительную помощь изъ Смоленска и изъ областей Псковской, Новгородской, Торопецкой и Луцкой, такъ что обѣ этѣ рати [1] должны были соединиться близь Орши, пограничнаго замка, принадлежащаго Его Королевскому Величеству. Послѣ того упомянутый воевода, Шуйскій, въ слѣдствіе повелѣнія своего Государя, выступилъ изъ Полоцка въ воскресенье, что было 23-го Генваря, съ тѣмъ войскомъ, которое здѣсь при немъ находилось, о чемъ я получилъ точныя свѣдѣнія, дознавшись также, что онъ пойдетъ на Улу, мѣстечко паньи воеводины Витовской.

Въ это время я съ моимъ войскомъ стоялъ въ Лукомлѣ', городѣ Литовскомъ, находящемся недалеко отъ Полоцка и на разстояніи семи миль отъ Улы, и хотя въ сравненіи съ непріятелемъ былъ дѣйствительно слабъ, но стыдъ и позоръ, причиненные мнѣ и всей нашей націи и нашему имени отнятіемъ у насъ города и области Полоцкой (потому что, когда Полоцкъ взятъ Русскими, онъ былъ также военачальникомъ) [2], побудили меня, наконецъ, двинуться противъ непріятеля и близь самой Улы [3] встрѣтиться съ нимъ лицемъ къ лицу, что именно случилось въ среду, 26-го Генваря, и происходило слѣдующимъ образомъ:

Когда упомянутый воевода съ войскомъ своимъ выступилъ изъ лѣсу въ поле, прилежащее къ Улѣ, я, съ другой стороны, изъ Луковскаго лѣ-

су вышелъ на ту же равнину [4]; впрочемъ при этомъ онъ имѣлъ передо мною и моимъ войскомъ значительное преимущество, не только что касается до мѣстности, которую занялъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ и воспользовался. Когда же я выступилъ изъ лѣсу, будучи обо всемъ увѣдомленъ моими караульными, то онъ, зная точно также о моемъ прибытіи, дожидался меня, однако, на половинѣ поля, предоставивъ другую половину (да вознаградитъ его за это Господь Богъ) мнѣ и моему войску; даже и тутъ—смѣю Вашу Милость въ этомъ завѣрить—стоялъ онъ покойно въ боевомъ порядкѣ, нисколько не трогаясь съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока я также устроилъ свое войско и сдѣлалъ, какъ слѣдовало, всѣ нужныя распоряженія. По какимъ же причинамъ онъ оказалъ мнѣ такое снисхожденіе и какую несомнѣнную имѣлъ при этомъ надежду, Ваша Милость можете сами изъ всего сказаннаго благосклонно заключить [5].

За тѣмъ, поручивъ себя и войско Всемогущему Богу и возложивъ на него твердую надежду, вступилъ я въ сраженіе. Скажу, однако, въ краткихъ словахъ, что непріятель разбитъ мною на голову, такъ что самаго воеводу и его войско я преслѣдовалъ на разстояніи цѣлыхъ пяти миль и что все это пространство (да благоволитъ Ваша Милость безъ всякаго сомнѣнія этому вѣрить) усѣяно было трупами убитыхъ, лежавшими одинъ подлѣ другаго, которыхъ мы полагаемъ, по меньшей мѣрѣ, пало въ числѣ девяти тысячь человѣкъ [6]. Самъ воевода, какъ скоро передовой полкъ былъ разсѣченъ, бѣжалъ къ Полоцку [7]; но товарищъ его, Захарій Плещеевъ, который въ Полоцкѣ и войскѣ считался по немъ первымъ воеводой, слава Богу, находится плѣнникомъ въ моихъ рукахъ, равно какъ еще одинъ по имени Палецкій; наконецъ, и третій по мѣсту, какъ сказываютъ Москвитяне, Войнаровскій (?), у меня въ плѣну. Кромѣ нихъ, взято въ плѣнъ значительное число придворныхъ, имѣвшихъ важное значеніе при Московскомъ Государѣ, и другихъ лицъ высшаго сословія [8].

О Шереметевѣ (онъ также Московскій князь) я Вашей Милости не могу сказать точно: убитъ ли онъ или возвратился въ Полоцкъ. Его мечь и колчанъ, которые онъ носилъ на себѣ, найдены между убитыми и принесены ко мнѣ [9]. Находящіеся въ моихъ рукахъ плѣнные Москвитяне хотя и показываютъ, что ихъ всѣхъ съ самимъ воеводою Шуйскимъ было до 20,000; однако я, какъ человѣкъ, имѣвшій часто случай дѣлать подобныя наблюденія, полагаю, что ихъ состояло на лице 17 или 18,000 [10]. И такъ, однимъ словомъ, по благости и милосердію Всевышняго, означенный Шуйскій мною побѣжденъ и, спасаясь бѣгствомъ, бросилъ на полѣ сраженія весь свой обозъ, состоявшій слишкомъ изъ пяти тысячь повозокъ, изъ коихъ (Ваша Милость, надѣюсь, не усумнитесь мнѣ въ этомъ повѣрить) нашъ братъ, Литовецъ, вдоволь позапасся съѣстными припасами, мѣхами, одеждою и серебряною посудою, какъ-то, стаканами и другимъ, употребляемымъ для питья, скарбомъ; также множествомъ латъ, панцырей и разныхъ воинскихъ орудій, которыя находились въ обозѣ, сверхъ того, что Москвитяне имѣли на себѣ, такъ что никто не остался безъ хорошей поживы [11]. Я полагаю не иначе, что весь этотъ

снарядъ Шуйскій везъ для доставленія войску, съ которымъ долженъ былъ соединиться[12]. И все это перешло къ нашимъ въ добычу, хотя, конечно, не даромъ получили они такую награду, потому что, сказать правду, наши Литовцы, съ помощію и содѣйствіемъ Всемогущаго Бога, дѣйствовали противъ непріятеля именно такъ, какъ слѣдуетъ подданнымъ, вѣрнымъ своему Государю, и добрымъ, честнымъ воинамъ, сражаясь съ врагомъ мужественно и храбро; и теперь я полагаю, что, вѣроятно, Шуйскій будетъ праздновать масляную уже не въ Оршѣ съ разгульными мужичками, а въ Полоцкѣ съ собаками (Москвитяне почитаютъ собакъ нечистыми и никто не касается до нихъ голыми руками).

Что до меня, то я располагаю въ будущую субботу выступить отсюда, изъ Лукомля, и пойти къ Оршѣ, для того, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ находящемуся непріятелю помѣшать вторгнуться въ область Его Королевскаго Величества, и тамъ, неподалеку отъ Орши, буду дожидаться Польской рати, которая, надѣюсь, не замедлитъ съ нами соединиться, чему я уже напередъ искренно радуюсь.

Въ происходившей битвѣ нашихъ хотя убито не болѣе 20 человѣкъ, но ранено отъ шести до семи сотъ. Въ ротѣ Князя Соломирскаго почти всѣ рядовые и обозные переранены, а въ ротѣ г. Зеновича также почти всѣ, да и самъ онъ раненъ въ голову[13].

И такъ вотъ, Милостивый Государь, какъ все это случилось съ помощію Божіей и благодаря содѣйствію Краковскаго пана, Ходкевича, при чемъ и я, съ своей стороны, сдѣлалъ все возможное. Впрочемъ, когда Его Королевскому Величеству будутъ нами представлены взятые въ плѣнъ воеводы и другіе Москвитяне, Его Величество и Ваша Милость отъ нихъ самихъ получите обо всемъ подробнѣйшее извѣстіе, равно какъ и объ томъ, каковы были мои дѣйствія въ этомъ послѣднемъ сраженіи.

Въ самомъ дѣлѣ, великой и многой милости Всемогущаго Бога должно приписать, что непріятель такъ поспѣшно обратился въ бѣгство, между тѣмъ какъ въ этомъ сраженіи мы не могли употребить въ дѣло тяжелыхъ орудій[14]. Правда, и у непріятеля тяжелый снарядъ былъ вовсе незавиденъ, но все таки при немъ находилось около сотни орудій.

Такимъ образомъ, Отецъ Небесный своею милостью помогъ мнѣ выполнить въ точности волю моего Государя, такъ какъ Его Величество далъ мнѣ приказаніе попытать успѣха и при первомъ удобномъ случаѣ вступить въ сраженіе съ непріятелемъ; да и то счастіе даровалъ мнѣ Господь Всемогущій, что именно моею службою и усердіемъ непріятелю нанесенъ первый уронъ по истеченіи бывшаго съ нимъ перемирія; теперь дай Богъ, чтобъ эта моя служба была вознаграждена милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ Его Королевскаго Величества, моего Государя. Писано въ Улѣ, въ четвертокъ, 27-го Генваря, 1564 года.

Николай Радзивилъ, воевода Грабовскій, великій гетманъ Литовскій.

Печатано въ Нюренбергѣ Николаемъ Кнорреномъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. т. е, рать *Шуйскаго*, составленная изъ тѣхъ полковъ, которые находились въ то время при немъ, въ Полоцкѣ, и были усилены полками, пришедшими изъ другихъ городовъ, и рать *Смоленская* князей Серебряныхъ-Оболенскихъ. Объ этомъ именно такъ говорится въ реляціи Коммендоне, при чемъ войско, собравшееся въ Полоцкѣ изъ разныхъ областей, называется *кованою ратью* Въ нашихъ Розрядныхъ читаемъ: „Того жъ году велѣлъ Царь и В. Князь изъ Полоцка воеводамъ итить воевать съ тѣми людми, которые весь годъ въ Полоцку воевали" Въ другомъ мѣстѣ „7072 (1564) году, походъ изъ Полотска въ Литовскую землю боярина и воеводы, князя Петра Ивановича Шуйскаго съ товарищи.—А изъ Смоленска походъ въ Литовскую землю князя Василья да князя Петра Семеновича Серебряныхъ съ товарищи, а велѣно имъ сходитися съ княземъ Петромъ Шуйскимъ"—Наконецъ и Стриковскій сообщаетъ подобное же извѣстіе: „Въ лѣто 1564 В. К. Московскій, задержавъ послы Литовскіе, собравъ великую силу, которую всю за послами Литовскими послалъ съ Петромъ Серебрянымъ да съ Царевичемъ Казанскимъ въ 50,000 конницы для разворенія Литвы; а съ Полоцка двинулся инымъ путемъ Петръ Шуйскій въ 30 тысячахъ, а имѣли оба войска сойтись на Друцкихъ поляхъ."

2. Въ подлинникѣ сказано: Denn als Polotzko verloren worden, ist er auch Feldhauptman gewest." Не ясно, должно ли относить мѣстоименіе онъ къ Шуйскому или къ Радивилу: то и другое можно допустить, потому что какъ Шуйскій былъ однимъ изъ воеводъ при взятіи Полоцка, такъ и Радивилъ въ то самое время дѣйствительно также начальствовалъ надъ Литовскимъ войскомъ. Мнѣ кажется, однако, что вѣроятнѣе эту вставку отнести къ гетману Литовскому; но въ такомъ случаѣ должно предположить, что ее сдѣлалъ переводчикъ письма Радивилова уже отъ себя для объясненія подлиннаго смысла его словъ.

3. Ула, по извѣстію у Коммендоне, находилась въ 14 миляхъ по сю сторону Полоцка и на разстояніи 26 отъ Вильны, а отъ Лукомля, гдѣ стоялъ Радивилъ, въ 7 миляхъ, какъ мы уже видѣли выше.

4. У Стрыковскаго и въ нашихъ Розрядныхъ говорится, что Шуйскій встрѣтился съ Радивиломъ въ селѣ Ивановскомъ, которое первый опредѣляетъ еще точнѣе, называя его „Селищемъ Ивановскимъ Бурколабовымъ" и прибавляя, что Шуйскій стоялъ въ это время съ своимъ обозомъ на Часницкихъ поляхъ; а въ Розрядныхъ мѣсто сраженія называется сельцомъ Иванцовымъ. Напротивъ, какъ Коммендоне, такъ и Бредейбахъ упоминаютъ только объ мѣстечкѣ или городѣ Улѣ, находящемся на рѣкѣ того же имени.

5. Здѣсь нельзя не замѣтить большаго различія между описаніемъ Карамзина и извѣстіями, сообщаемыми въ иностранныхъ источникахъ относительно приготовленій къ сраженію со стороны Русскихъ и Литовцевъ, равно какъ и самой мѣстности. Вотъ какъ все это происшествіе предлагается у исторіографа: „Князь Шуйскій, говоритъ онъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, изъявилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ; впереди не было стражи; никто не думалъ о непріятелѣ — а воевода Троцкій, Николай Радзивилъ, съ Дворомъ Королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими, стоялъ близь Витебска; имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ все, и вдругъ, близь Орши, въ мѣстахъ лѣсныхъ, тѣсныхъ, напалъ на Россіянъ. Не успѣвъ ни

стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, воеводы и воины." Совсѣмъ не такъ, видѣли мы, было дѣло по словамъ самаго Радивила. Тоже подтверждаютъ Коммендоне и Бреденбахъ. Въ реляціи перваго читаемъ, что Радивилъ, узнавъ о выступленіи Шуйскаго къ Оршѣ и о томъ, что онъ уже на поляхъ Улы, быстро двинулся изъ Лукомля и въ одинъ день прибылъ къ Улѣ, находившейся отсюда на разстояніи 7 миль. Узнавъ въ свою очередь отъ лазутчиковъ о его прибытіи, Москвитяне приготовили своихъ къ битвѣ на мѣстахъ открытыхъ, Литовцы же рѣдкими и смѣшанными рядами стали выводить своихъ воиновъ изъ узкихъ тропинокъ, обросшихъ кустарникомъ. Замѣтивъ это, продолжаетъ онъ, Русскіе, воспылавъ варварскою гордостію и презрѣвъ малочисленность Литовцевъ, отступили назадъ и дали имъ мѣсто и время приготовиться къ битвѣ. Послѣ этого съ обѣихъ сторонъ сошлись съ сильнымъ ожесточеніемъ и начали сраженіе." Бреденбахъ, сверхъ того, прибавляетъ, что Москвитяне дружно и бодро приняли первое нападеніе, что доказываетъ, говоритъ онъ, самое число раненыхъ Литовцевъ (см. объ этомъ ниже). Только въ одной изъ нашихъ Розрядныхъ сказано, что Московскіе бояре и воеводы сошлись съ Литовскими людьми *безъ вѣсти;* но этимъ еще не доказывается, чтобъ они вовсе не успѣли приготовиться къ сраженію. Притомъ, что Русскіе не тотчасъ бѣжали, видно также изъ реляціи Коммендоне, который говоритъ, что битва продолжалась около двухъ часовъ, такъ что тѣ и другіе отступали попеременно.

6. Точно тоже читаемъ и въ реляціи Коммендоне: „Подъ ночь Русскіе, говоритъ онъ, стали уклоняться и потомъ бѣжали. Въ это время мѣсяцъ сіялъ полнымъ блескомъ, и при его свѣтѣ Литовцы до глубокой ночи преслѣдовали бѣжавшихъ. Въ сраженіи убито до 10,000 воиновъ (въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ до 9); множество взято въ плѣнъ и не менѣе потоплено въ ближней рѣкѣ, а потомъ въ другой рѣкѣ, Кривицѣ, находящейся въ 5 миляхъ отъ мѣста битвы, потому что до этой рѣки Литовцы продолжали побѣду, преслѣдуя враговъ." Бреденбахъ говоритъ также о 9,000 убитыхъ. Только одинъ Стрыковскій увѣряетъ, что Русскихъ „розгромлено и побито" 25,000, такъ что едва 5,000 ушло въ Полоцкъ, и то раненыхъ — извѣстіе, очевидно, несправедливое, хотя онъ разсказываетъ, что еще въ 1573 году самъ видѣлъ въ полѣ Ивановскомъ „стогъ великій сложенъ костей Московскихъ."

7. Такъ полагалъ Радивилъ, еще не узнавъ истины, и потому тоже самое повторено и въ реляціи Коммендоне. Дѣйствительно, Шуйскій былъ тогда же убитъ, только не ясно, погибъ ли онъ еще въ сраженіи, или точно бѣжалъ и во время бѣгства былъ настигнутъ. Ему разсѣкли голову, говорятъ Бреденбахъ и Стрыковскій; первый прибавляетъ еще, что его трупъ найденъ въ колодцѣ. Впослѣдствіи и Коммендоне писалъ въ Римъ, что Шуйскій убитъ въ этомъ сраженіи и что онъ похороненъ въ Вильнѣ жителями Греческаго вѣроисповѣданія, при чемъ на похоронахъ было такое стеченіе народа и такое торжество, что при Дворѣ остались этимъ недовольны. Тѣло его погребено въ Виленской Богородичной церкви, замѣчаетъ Стрыковскій.

8. По словамъ Бреденбаха, кромѣ Шуйскаго, въ сраженіи были еще убиты князь Симеонъ Дмитріевъ. Палецкій и воевода Иванъ Вас. Шереметевъ; но послѣдній (*меньшой* Шереметевъ, какъ называется онъ въ Розрядахъ, въ противоположность старшему или *большому*, называвшемуся тѣмъ же именемъ) и послѣ того еще является дѣйствующимъ лицемъ въ войнѣ съ Литовцами. У Стрыковскаго убитые и плѣнные исчисляются вмѣстѣ: кн. Александръ Прозоровскій, кн. Давидъ Вас. Скунторовъ (Гундоровъ въ Розряд. у Новикова), Даніило Колычевъ, князь Θедоръ Палецкій, Іосифъ Θедоровичь Быковъ „мужъ возрастомъ великъ, полторы сажени косыхъ, который былъ головою пушкарскимъ," бояринъ Семенъ Вас. Яковлевъ и еще нѣсколько другихъ, коихъ имена, впрочемъ, не ясны или сомнительны. Яковлевъ, по словамъ Бреденбаха, спасся бѣгствомъ. Къ числу же плѣнныхъ онъ отно-

сить: князя Ив. Петр. Охлябинина (воеводу передоваго полка по нашей Розрядной). Захарія Иванов. Плещеева-Очина, Войнаровскаго, Никиту Бондырева (?).

9. Мы уже сказали въ предыдущемъ примѣчаніи, что Шереметевъ не былъ убитъ въ этомъ сраженіи; но объ томъ, что между убитыми нашли его мечь и колчанъ говоритъ и Бреденбахъ, не называя его, впрочемъ, по имени, а сказывая только, что они принадлежали *Московскому воеводѣ* (Imperatori Moscovitico). Карамзинъ, основываясь на названіи *Imperator*, полагалъ, что Бреденбахъ говоритъ здѣсь о мечѣ и колчанѣ Іоанна Грознаго; но изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія видно, что онъ вообще употреблялъ это слово для означенія военачальника.

10. Стриковскій говоритъ, что войско Шуйскаго состояло изъ 30,000 человѣкъ, а у Радзивила было всего 4000. Мы уже замѣтили выше, что это извѣстіе не можетъ быть признано справедливымъ. Не льзя также вѣрить вполнѣ извѣстію, находящемуся у Коммендоне о количествѣ войска Московскаго и Литовскаго: онъ самъ себѣ противорѣчитъ, разсказывая, что Шуйскій выступилъ изъ Полоцка только съ 8 тысячами воиновъ, а между тѣмъ въ сраженіи убито 9 или даже 10,000. Впрочемъ, изъ его же словъ въ другомъ мѣстѣ можно заключить, что у Шуйскаго было всего до 20,000 человѣкъ. Литовцевъ, подъ начальствомъ Радивила, было, говоритъ онъ, 6000 человѣкъ.

11. Коммендоне сообщаетъ еще слѣдующія подробности касательно добычи, доставшейся Литовцамъ. „Она была столь велика, разсказываетъ онъ, что въ Литовскомъ войскѣ сдѣлалась такая дешевизна и такое изобиліе во всемъ, что воины принуждены были даромъ оставить хлѣбъ деревенскимъ жителямъ, а кольчуги (ихъ въ каждой повозкѣ было, по крайней мѣрѣ, по десяти) продаются по одному Венгерскому золотому. Сюда кто то писалъ, что онъ купилъ у одного солдата два отличные собольи мѣха, покрытые золотою парчею, за 20 коп. грошей, что составляетъ менѣе 30 Венгерскихъ золотыхъ. Чтобы, впрочемъ, кто нибудь не удивился, что такія богатыя одежды найдены въ лагерѣ непріятельскомъ, надо знать, что у этого народа есть обыкновеніе, при вступленіи въ битву, надѣвать, сверхъ оружій, драгоцѣнныя, разноцвѣтныя одѣянія, такъ что Русское войско имѣетъ видъ прекраснаго цвѣтущаго луга.“

12. Въ релаціи Коммендоне сказано также, что весь этотъ снарядъ Шуйскій везъ съ собою для доставленія его приближавшемуся изъ Смоленска безоружному войску, которое шло, подъ предводительствомъ Князя Серебрянаго, изъ отдаленнѣйшихъ внутреннихъ областей Московіи и не имѣло обоза. Для объясненія этого онъ прибавляетъ еще слѣдующее: „Такъ какъ Московскій Государь, перемиріемъ прекративъ войну на этотъ годъ, надѣялся провести его спокойно и, оставивъ однихъ пограничныхъ, не образовалъ войска изъ жителей отдаленныхъ областей, а между тѣмъ его предположеніе не сбылось, то на помощь пограничнымъ войскамъ онъ приказалъ отовсюду собирать и поспѣшно посылать толпы безоружныя, не имѣвшія обоза и съѣстныхъ припасовъ.“

13. У Бреденбаха и Коммендоне сказано также, что Литовцевъ убито не болѣе 20 человѣкъ; но, по словамъ Бреденбаха, въ одномъ полку князя Соломерецкаго ранено болѣе 600 человѣкъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ИЗВѢСТІЯ О РОССІИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ КАРДИНАЛА КОММЕНДОНЕ КЪ КАРДИНАЛУ БОРРОМЕО *.

Выписка изъ письма къ кард. Борромео, изъ Варшавы, отъ 3 Генваря, 1564. Писано цифрами.

Перехвачена грамота нашего Государя къ Московскому Князю, съ какими-то цифрами; это событіе, перетолкованное въ дурную сторону нѣкоторыми еретиками, произвело великую перемѣну въ расположеніи Короля. Тотъ, кто везъ грамоту, былъ посаженъ въ тюрьму, теперь же свободенъ и сказалъ мнѣ, что вся депеша въ рукахъ Короля, но не хотѣлъ ничего болѣе говорить объ этомъ дѣлѣ. Я думаю, что цифры ничто иное, какъ простая азбука; однако, вамъ слѣдуетъ разсудить, нужно-ли мнѣ знать объ этомъ, въ случаѣ если Король, или кто другой, станетъ со мною говорить, и проч.

Къ тому же. Изъ Варшавы, отъ 7 Генваря, 1564.

Я сей часъ слышалъ, что дворянинъ, посланный отъ Короля въ Московію, чтобы взять проѣзжую грамоту для Польскихъ пословъ, поспѣшно возвратился и пріѣхалъ сегодня вечеромъ. Онъ привезъ извѣстіе, что Московскій Государь принялъ и выслушалъ Королевскихъ пословъ, но въ тоже время отправилъ свое войско къ границамъ Литовскимъ и прервалъ переговоры о перемиріи. Поэтому послы поспѣшно возвращаются; но говорятъ, что и войско приближается съ равною быстротою. Никто не ожидалъ такой новости, и кажется, что она здѣсь чрезвычайно смутила всѣхъ, и проч.

Къ тому же. Изъ Варшавы, отъ 24 Генваря, 1564.

Литовскіе послы достигли границы Королевскихъ владѣній. Они привезли извѣстіе, что перемиріе прекращено и что войска Московскаго Государя приближаются, раздѣленныя на 3. отряда. Первый, состоящій изъ 8 тысячь конницы, подъ предводительствомъ Казанскаго Татарина, человѣка мужественнаго и находящагося въ подданствѣ Московскаго Государя, идетъ къ Полоцку. Второй состоитъ изъ такого же числа конницы подъ предводительствомъ воеводы Шеина: онъ идетъ къ Оршѣ съ намѣреніемъ взять Кіевъ, главный городъ Короля на Днѣпрѣ, населенный христіанами Греческаго вѣроисповѣданія, преданными Московскому Государю по причинамъ религіознымъ. Съ третьимъ отрядомъ отправится самъ Государь;

* См. въ „Historica Russiae monimenta," t. 1, p. 199—204.

по сколько именно будетъ при немъ войска, еще неизвѣстно, потому что при отъѣздѣ Литовскихъ пословъ люди этого отряда еще не были собраны. Кромѣ того, прежде отправленъ къ Полоцку воевода Шуйскій съ 14 тысячами Москвитянъ, а въ Великіе Луки (Lungi-prati) (въ 16 миляхъ отъ Полоцка) велѣно привезти съѣстныхъ припасовъ на шесть мѣсяцевъ; сверхъ того каждый Русскій долженъ отъ себя доставить опредѣленное количество припасовъ. Войско Короля еще не было собрано и терпѣло недостатокъ въ припасахъ.

Къ тому же. Изъ Варшавы, отъ 4 Февраля, 1564.

Вчера рано поутру Король получилъ письмо съ увѣдомленіемъ, что 26-го Генваря воевода Троцкій, гетманъ Литовскій, съ частью своего войска, побилъ множество Москвитянъ и захватилъ 3 тысячи повозокъ съ оружіемъ и снарядами. Король принималъ тогда лекарство и, не вѣря этому извѣстію, былъ весь вчерашній день въ великомъ волненіи. Нынѣ прибыли новыя письма отъ гетмана, въ коихъ онъ извѣщаетъ, что когда вступилъ съ 6-ю тысячами Литовцевъ въ страну, занятую въ прошедшемъ году Московскимъ Государемъ, по сю сторону Двины, Шуйскій, воевода Московскій, бывшій въ Полоцкѣ, выступилъ противъ него съ 8 т. Русскихъ, и при рѣкѣ Улѣ, въ 14 миляхъ по сю сторону Полоцка и около 26 отъ Вильны, произошла битва, въ которой Русскіе разбиты, три главныхъ боярина взяты въ плѣнъ, около 9 т. воиновъ убито. Московскій воевода бѣжалъ къ Полоцку, и его преслѣдовали на пять миль. Пишутъ, что изъ Литовцевъ убиты только 22 человѣка и около 700 ранено. Объ этой битвѣ я получилъ очень обстоятельную письменную реляцію, которую при семъ къ вамъ препровождаю.

Реляція, упомянутая въ предыдущемъ письмѣ.

23-го. Уже Петръ Шуйскій, главный воевода Московскаго войска, съ отборными отрядами всадниковъ, вызванныхъ изъ самыхъ крѣпкихъ городовъ Московіи: Торопца, Пскова, Новгорода и Луцка, и называемыхъ обыкновенно *кованою ратью*, отправился въ Полоцкъ, перешелъ черезъ Двину, и 26-го того же мѣсяца вывелъ войско на поля близь рѣки Улы и города того же имени. Онъ намѣревался соединиться между Оршею и Дубровною съ остальною частью Московскаго войска, приближавшеюся изъ Смоленской области, укрѣпить тамъ лагерь и соединенными силами опустошать Литву. Узнавъ объ этомъ, знаменитый господинъ Николай Радивилъ, староста Бѣржейскій и Дубинскій, воевода Троцкій, гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, употребилъ всевозможную поспѣшность. Взявъ съ собою немногихъ, но отборныхъ всадниковъ, находившихся въ его распоряженіи, онъ выступилъ противъ врага, и въ одинъ день (26-го того же мѣсяца) отошелъ отъ Лукомля на 7 миль, съ великою быстротою, такъ что пѣхота не могла слѣдовать за конницею. Узнавши отъ лазутчиковъ о его прибытіи, Москвитяне приготовили своихъ къ битвѣ на мѣстахъ открытыхъ; наши же рѣдкими и смѣшанными рядами стали выводить своихъ воиновъ, въ виду враговъ, изъ узкихъ тропинокъ, обросшихъ кустарниками. Замѣтивъ это, Русскіе, воспылавъ варварскою гордостью и

презрѣвъ малочисленность нашихъ, отступили назадъ и дали имъ мѣсто и время построиться около знаменъ и приготовиться къ битвѣ. Послѣ этого съ обѣихъ сторонъ сошлись съ сильнымъ ожесточеніемъ и начали сраженіе. Говорятъ, что прежде всѣхъ вступили въ битву Бургравъ Полоцкій, мужъ храбрый, показавшій свою доблесть во многихъ битвахъ, и Бако, не уступавшій первому въ мужествѣ. За ними послѣдовали Юрій Зеновичь, староста Чечерскій. и воевода Сломирскій (Соломерецкій), также мужи славные дѣлами, веденными внутри и внѣ государства, и знаменитые своимъ происхожденіемъ: они нѣсколько времени удерживали всю силу враговъ. Вскорѣ новые воины (такъ какъ Радивилъ посылалъ свѣжіе отряды всадниковъ туда, гдѣ видѣлъ слабость своихъ) мужествомъ своимъ такъ быстро сбили непріятелей съ мѣста, что отняли у нихъ возможность стрѣлять. Говорятъ, что весь бой продолжался не болѣе двухъ часовъ, бывъ сначала сомнительнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ что тѣ и другіе отступали попеременно. Наконецъ, Богъ, вождь правой войны, помогъ нашимъ. Подъ ночь войско враговъ стало уклоняться. Воевода Шуйскій, будучи раненъ, поспѣшилъ спастися бѣгствомъ, а за нимъ послѣдовало все войско. Въ это время мѣсяцъ сіялъ полнымъ блескомъ, и при его свѣтѣ наши до глубокой ночи преслѣдовали бѣжавшихъ. Много враговъ убито, не менѣе взято въ плѣнъ, между которыми наши считаютъ важнѣйшимъ Захарія Плещеева, весьма любимаго Княземъ Московскимъ и послѣ Шуйскаго перваго по достоинству и силѣ; кромѣ того взятъ въ плѣнъ какой то Палецкій, также Войнаровскій и нѣкоторые знатные и сильные царедворцы Московскаго Государя, не считая многихъ другихъ неизвѣстныхъ. Между тѣлами убитыхъ найдены колчанъ и мечь Шереметева, мужа, знаменитаго въ Россіи: еще неизвѣстно, что сдѣлалось съ нимъ самимъ. Захваченъ лагерь, полный варварской роскоши. Пишутъ, что въ немъ было болѣе 5 тысячь повозокъ. Кромѣ оружія, кольчугъ и кирассъ, здѣсь были мѣха, одѣянія, покрывала, съѣстные припасы и серебряная посуда. Въ каждой повозкѣ было, по крайней мѣрѣ, по десяти кольчугъ. Можетъ быть, что Шуйскій хотѣлъ раздать это оружіе и мѣха приближавшемуся изъ Смоленска безоружному войску, которое шло, подъ предводительствомъ князя Серебрянаго, изъ отдаленнѣйшихъ внутреннихъ областей Московіи и не имѣло обоза, потому что Московскій Государь, перемиріемъ прекративъ войну на этотъ годъ, надѣялся провести его спокойно и, оставивъ однихъ пограничныхъ, не образовалъ войска изъ жителей отдаленнѣйшихъ областей. Такъ какъ, однако, случилось не по его предположенію, то на помощь пограничнымъ онъ приказалъ отовсюду собирать и поспѣшно посылать толпы безоружныя, не имѣвшія обоза и съѣстныхъ припасовъ: вѣроятно, что имъ-то Шуйскій намѣревался, по приказанію Московскаго Государя, раздать оружіе, одежды и все необходимое для военнаго дѣла. По этому въ нашемъ войскѣ такая дешевизна и изобиліе во всемъ, что воины принуждены были даромъ оставить хлѣбъ деревенскимъ жителямъ, а кольчуги продаются по одному Венгерскому золотому. Сюда кто то писалъ, что онъ купилъ у одного солдата два отличные собольи мѣха, покрытые золотою парчею, за 20 копъ грошей, что составляетъ менѣе 30-ти Венгерскихъ золотыхъ. Чтобы,

впрочемъ, кто нибудь не удивился, что такія богатыя одѣянія найдены въ лагерѣ враговъ, надобно знать, что у этого народа обыкновеніе передъ вступленіемъ въ битву надѣвать сверхъ оружія драгоцѣнныя разноцвѣтныя одѣянія, такъ что Русское войско имѣетъ видъ прекраснаго, цвѣтущаго луга. Говорятъ, что въ этомъ сраженіи убито до 10 тысячь воиновъ, множество взято въ плѣнъ, и не менѣе потоплено въ ближней рѣкѣ, а потомъ въ другой рѣкѣ, Кривицѣ, находящейся въ пяти миляхъ отъ мѣста битвы, потому что до этой рѣки наши продолжали побѣду, преслѣдуя враговъ. Всего удивительнѣе, что изъ нашихъ убито только 20 человѣкъ, а ранено около 700: бѣгство воеводы, слывшаго весьма храбрымъ, поразило враговъ такимъ страхомъ, что, не смѣя оглядываться, они бѣжали какъ стадо скота. По ошибкѣ, въ темнотѣ ночи убиты нѣкоторые Москвитяне, бывшіе на нашей сторонѣ и перешедшіе къ намъ въ прошедшемъ году подъ предводительствомъ князя Пропойскаго (?): ихъ убили, потому что на нихъ была Русская одежда. Говорятъ, что ихъ было 50 конныхъ. Если бы несчастные предвидѣли это, то скорѣе рѣшились бы одѣться даже въ Брауншвейгское одѣяніе, котораго Русскіе не могутъ терпѣть, чѣмъ умереть отъ рукъ своихъ, принявшихъ ихъ по одеждѣ за враговъ. Въ этой битвѣ какъ другіе, такъ въ особенности самъ гетманъ Николай Радивилъ показалъ мужество и опытность въ военномъ дѣлѣ. Здѣсь онъ далъ первый урокъ сыну своему, Христофору, юношѣ 16 лѣтъ, имѣвшему видъ почти дитяти. Не меньшая хвала приписывается храбрости и искусству Георгія Гадковскаго, каштеляна, бывшаго вождемъ наемныхъ войскъ; также его племяннику, Ходкевичу, юношѣ бодрому и одаренному не только великимъ умомъ, но и воинскою способностію. Главный военачальникъ пишетъ, что онъ хочетъ вести побѣдоносное войско для пораженія упомянутой безпорядочной толпы Москвитянъ, но ожидаетъ прибытія Польскихъ полковъ, которые уже готовы и спѣшатъ къ нему кратчайшими дорогами. Господь Богъ да подкрѣпитъ своею божественною помощью этихъ воиновъ, сражающихся за отечество, такъ несправедливо раззоренное; да уничтожитъ Онъ и омоетъ пятно, еще остающееся на нашемъ имени за потерю Полоцка прошедшею зимою, и да возвратитъ Онъ намъ побѣдителей безвредно, по счастливомъ окончаніи всѣхъ дѣлъ!

Къ томуже. Изъ Варшавы, отъ 18 Февраля.

Русское войско, шедшее къ Оршѣ, узнавъ о пораженіи Полоцкаго войска, пожгло свои жилища и отступило къ Смоленску, на ту сторону Днѣпра. Должно быть, что Польское войско еще не соединилось съ Литовцами: думаютъ, что они вмѣстѣ пойдутъ къ Полоцку.

Къ тому же. Изъ Варшавы, отъ 5 Апрѣля, 1564.

Грамота къ Московскому Государю (отъ Папы) и цифры въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ Короля: мнѣ это сказалъ тотъ же Жиральди. Король доселѣ еще ни слова не говорилъ мнѣ объ этомъ, но снова говорилъ съ Архіепископомъ, который разсказалъ мнѣ все, и я исполнилъ долгъ, показавъ ему истинныя мысли нашего Государя: я знаю, что онъ все доноситъ

Королю. Что же до меня, я не вижу ничего дурнаго, если Король знаетъ то, о чемъ когда—нибудь Апостольскій Престолъ могъ бы вступить въ переговоры съ Московскимъ Государемъ, и можетъ быть, что этого дѣла не надобно оставлять.

На прошедшей недѣлѣ изъ Литвы былъ слухъ, что Русскіе разбили на границѣ два Польскихъ отряда и взяли въ плѣнъ до 400 человѣкъ. Теперь есть извѣстіе, что около 4000 Москвитянъ осадили сына Русскаго воеводы, и сомнѣваются, чтобы помощь поспѣла во время. Въ Вильнѣ подданные Короля, которые Греческой вѣры, похоронили тѣло Шуйскаго, воеводы Московскаго, убитаго во время побѣды, одержанной Литовцами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: на похоронахъ было такое стеченіе народа и такое торжество, что при Дворѣ этимъ недовольны.

Къ тому же. Изъ Радома, отъ 3 Декабря, 1564.

Изъ Литвы есть извѣстіе, что Русскіе нѣсколько дней осаждали Королевскую крѣпость Озерище, много мѣшавшую имъ проходить въ Полоцкъ, городъ первостепенный, занятый Москвитянами; Польскіе солдаты, не будучи въ силахъ удерживать ее долѣе, сдали крѣпость, вышли въ поле и тамъ истреблены.

Къ томуже, отъ 19 Декабря, 1564. Изъ Пётркова.

Изъ Московіи слышно, что посланникъ Великаго Магистра Пруссіи убѣдилъ Московскаго Государя освободить бывшаго Ливонскаго Магистра, Фирстенберга, съ нѣкоторыми условіями, коихъ полагаютъ пять:

1. Чтобы, по возвращеніи въ государство, Фирстенбергъ возобновилъ всѣ церкви Греческаго вѣроисповѣданія и возвратилъ имъ всѣ доходы.

2. Чтобы всѣ главныя крѣпости остались въ рукахъ Русскихъ.

3. Чтобы въ своемъ совѣтѣ онъ всегда имѣлъ шесть Москвитянъ, безъ которыхъ бы не могъ рѣшать никакого дѣла.

4. Чтобы всякій разъ, какъ ему понадобится войско, онъ обращался къ Московскому Государю, а не къ кому другому, развѣ съ позволенія Государя.

5. Чтобы по смерти Фирстенберга Московскій Государь имѣлъ полное и неограниченное право назначать ему преемника.

Цифрами. Король самъ сталъ говорить о посольствѣ Прусскаго Магистра къ Московскому Государю: онъ сожалѣетъ, что Императоръ далъ ему грамоту и средства для проѣзда моремъ изъ Любека въ Московію. Онъ говоритъ, что у него никогда не было мысли отнимать эту провинцію у Императора и Имперіи, а только, по прошенію самихъ Ливонцевъ, взять ее подъ свое покровительство, для того, чтобы она не досталась Московскому Государю. И здѣсь, наконецъ, онъ обнаружилъ свои мысли, сказавши, что не хочетъ скрывать отъ меня того, что онъ слышалъ съ великимъ неудовольствіемъ, т. е., что нашъ Государь тоже писалъ къ Московскому Князю, но что онъ едва могъ вѣрить этому, видя благоволеніе Его Святѣйшества къ себѣ и исполняемыя мною обязанности, и зная также, что Его Святѣйшеству очень хорошо извѣстны Религія и жизнь Ливонскихъ рыцарей, ихъ отступничество и оскверненіе храмовъ, которыхъ покровителями, грамотою Апостольскаго престола, назначены онъ и Датскій Король.

Я же, поблагодаривъ Его Величество за эту откровенность, пространно говорилъ ему о добромъ расположеніи нашего Государя и о данныхъ мнѣ порученіяхъ, изъ которыхъ Его Величество видитъ, что ищется только его благо и польза его Королевства. Я сказалъ, что онъ всегда увидитъ справедливость моихъ словъ, прося сообщать мнѣ этѣ клеветы всякій разъ, какъ онѣ до него дойдуть. Его Величество сказалъ: „Вы видите, что я такъ и сдѣлалъ", и казался довольнымъ.

Потомъ я спросилъ у него, могутъ ли быть справедливы слухи объ условіяхъ, постановленныхъ между Ливонскимъ Магистромъ и Московскимъ Государемъ, и какая въ нихъ польза или честь для Имперіи? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не можетъ угадать этого, но что, вѣроятно, намѣреваются чрезъ это средство возвратить Пруссію, и постановили какія нибудь тайныя условія съ Московскимъ Государемъ. Потомъ, продолжая свое разсужденіе, Его Величество сказалъ, что считается благоразумнымъ, чтобы Королевство было окружено другими провинціями и не соприкасалось съ владѣніями Московскаго Государя, какъ слишкомъ могущественнаго врага; что же касается до Ливоніи, то, по уплатѣ ему военныхъ издержекъ, онъ возвратитъ ее Ордену, съ тѣмъ, чтобы между Орденомъ и Королевствомъ былъ утвержденъ прочный союзъ. И вдавшись далѣе въ подробности, онъ сказалъ, что возвратилъ бы ее и безъ уплаты издержекъ, лишь бы утвердился союзъ, а Магистръ возстановилъ бы религію въ Ливоніи и старался, согласно съ своимъ долгомъ, сражаться противъ еретиковъ, каковы Москвитяне.

Къ тому же. Изъ Пётркова, отъ 23 Декабря, 1564.

Что касается до войны съ Московскимъ Государемъ, то люди, знающіе мѣстоположеніе и образъ военныхъ дѣйствій, весьма боятся, чтобы послѣ потери крѣпости Озерища, не былъ чрезъ нѣсколько недѣль потерянъ городъ Витебскъ, главное мѣсто воеводства и весьма важный пунктъ, такъ какъ Польскіе и Литовскіе солдаты не въ состояніи оставаться въ полѣ при этихъ жестокихъ морозахъ, которые Русскіе превосходно переносятъ.

Къ тому же. Изъ Пётркова, отъ 26 Декабря, 1564.

Послѣ моихъ послѣднихъ писемъ отъ 23 числа есть извѣстіе, что Московскій Государь осадилъ городъ Витебскъ и послалъ въ Ливонію 50 тысячъ конницы подъ предводительствомъ Ливонскаго Магистра, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ взятъ въ плѣнъ Русскими, а теперь, какъ говорятъ, присягнулъ на подданство Государю и обѣщалъ ему завоевать всю Ливонію.

Къ тому же. Изъ Вольбара, отъ 27 Декабря, 1564.

Послѣ того, какъ я вчера сообщилъ вамъ распространившіяся новости, я говорилъ съ Его Величествомъ. Касательно Московіи, сверхъ написаннаго мною, онъ сказалъ мнѣ, что онъ далъ повелѣніе, чтобы его войска соединились и шли на помощь Витебска, въ числѣ 11 тысячъ человѣкъ; также, что въ Ливоніи онъ приказалъ исправить и снабдить гарнизономъ всѣ крѣпости.

II.

O PORAZENIU 25,000 MOSKWY NA ULE, ETC. *

Tegoż Roku 1564. Wielki Kniaź Moskiewski zatrzymawszy Posły Litewskie, zebrał wielkie woysko, ktore tuż za posłami Litewskimi wyprawił z Piotrem Serebrnym y z Carzewicem Kazańskim na burzenie Litwy w pięćidziesiąt tysięcy iezdnych, a z Połocka inszą drogą ruszył się Piotr Soyski ze trzydziestą tysięcy, a miały się obiedwie woyská sciągnąć na Druckich polach. Położył się tedy obozem Srebrny dwie mili od Orszey nad Rzeką Kropiwną, a Soyski na Czasnickich polach w Sielisku Iwańskim Burkołąbowim, o ktorym maiąc pewną sprawę od spiegow Mikołay Radziwił Woiewoda Trocki, Hetman wielki, z Hrehorym Chodkowicem, Panem Trockim, Hetmanem polnym, y z Janem Chodkowicem, na on czas Stolnikiem wielkiego X. Lit: y z Bogdanem Sołomiereckim, Romanem Sanguskiem, Bohusem Koreckim etc. Xiążęty, prętko się zgotował, mając po temu sprawnych Rotmistrzow, Juria Zienowica, Mikołaia Sapihę, Jana Wołminskiego, Juria Tiskiewica, Bakow, Burkolaba, y inszych dzielnych Paniąty Rycerstwa Litewskiego y Ruskiego nie więcey do boiu godnego o cztery tysiące: z tymi na ono wielkie woysko po Nieszpornych godzinach 26 dnia Stycznia we srzodę nazaiutrz po nawroceniu Pawła S. Radziwił Mikolay Hetman vderzył za przywodem Hrehorego Chodkiewica, gdzie za pomocą Bożą y przeważnym męstwem naszych, Moskwy 25000 było rozgromionych y pobitych, tak iż do Połocka ledwo 5000 vbiegło, y to ránnych, bo y w pogoni przez całą noc gdy Miesiąc swiecił, y potym w rożnych miescach tułaiących się bardzo wiele Chłopi y Kozacy pobili. Tamże nawyższy Woiewoda Połocki Kniaź Piotr Soyski od chłopa siekierą zabity poległ, ktorego potym w Wilnie w Cerkwi przeczystey pochowano. Y Siemion Wasilewic y Jakow Lew, Iwan Wasilewic Sieremiet, Kniaź Alexander Porozowski Woiewoda przedniego połku, Kniaź Dawid Wasilewic Skuntorow, Mikita Romanowic Odoiewski, Woiewoda wielkiego Hrodu, Kniaź Siła, y Mikita Kuntorowicy, y Wasili, y Fiedor Woiewodowie, Daniło Kuliczow, y Osiph Chwiedorowic Bykow mąż wzrostem wielki połtora sążnia wielkie, pod ktorego sprawą Działa bywały, y Kniaź Jwan Zacharin, Kniaź Fiedor y Siemion Paleccy, y inszych Panow bardzo wiele Radnych, y Boiar zacnych pobito na placu, a poimanych z obozem, y z wielkimi łupami, Hetman, Panowie y Rycerstwo Litewskie miedzy się rozebrali, przednieyszych Więzniow do Krola, na ten czas w Warszawie będącego, odesławszy. Jam tam sam w tym polu Iwańskim widział ieszcze stog wielki kości Moskiewskich złożony, iádąc z Witebska Roku 1573.

Serebrny Hetman Moskiewski.

Moskiewskie woysko porażone.

Soyski zabity.

Drugie woysko więtsze, ktorego 50000 leżało z Serebrnym od Orszy dwie mili, Filon Kmita dzisieyszy Woiewoda Smolenski, tym

* См. „Macieia Striykowskiego Osostewicius Kroniki Litewskiey" księgi 25, rozdzial II.

fortelem strwożył, posłał do Dubrowna z listami, daiąc znać o zwycięstwie swieżym nad Moskwą, y zabiciu Soyskiego na Iwańskim, a kazał vmyslnie onym posłańcom tam iachać, gdzie rozumiał iż ich miała poimać straż Moskiewska, y tak się sstało, iż ich Moskwá z onymi listami poimała, ktore gdy przeczytał Serebrny Hetman Moskiewski, tak sobą strwożył, iż porzuciwszy wszystki obozy, namioty, y zawady woienne, ze wszystkim woyskiem zarazem począł vciekać, a Filon Kmita Starosta Orsenski z Oscikiem Jurgim Woiewodą Mscisławskim, nie maiąc więcey dwu tyciącu Rycerstwa, po nich gonili z okrzykiem biiąc, siekąc, y imaiąc, potym gdy tak Moskwa rozgromiona była, naszy wzięli wozow 25000 na koszu, y bardzo wielkie łupy, y wzdobycz szat y vbiorow rozmaitych, y żywnośći, także pancerzow y bechterow, ktore wieziono za woyskiem na 6000 osob, naszy wzięli. A tak ty dwie woyska Moskiewskie wielkie, ktore się miały sciągnąć na Druckich polach, a potym z polną mocą ku Wilnu ciągnąć, w ten czás dziwną mocą Bożą y dzielnoscią Litewską były rospruszone, a drugie na głowę pogromione y pobite, y z obozow złupione.

Drugie wietsze woysko Moskiewskie fortelem porażone.

Stanisław też Pac, wielkiego X. Lit. na ten czas Namiestnik, a dzisieyszy Woiewoda Witebski, w dzień S. Małgorzaty, zebrawszy ze dwa tysiąca Ricerstwa tak Zołnierzow iako Slachty y Kozakow Witebskich, posłał ich na odsiecz pod Ozierischa Zamek, ktorego Tołkmak Jurgi z trzynascią tysięcy Moskwy dobywał, tam za pomocą Bożą y przywodem Jana Snieporoda naszy, gdy im Kozakow przybyło Moskwy 5000 na placu położyli, inszych rozgromili, powiązali, y strzelbę z obozem y łupami wielkimi pobrali, a sam Jurgi Tolkmak ledwo vbieżał, ktory iednak tegoż roku poprawiwszy się, wielką mocą y szturmami dobył tegoż Zamku Ozierzysc, gdzie Jan Dzierzązinski Rotmistrz przeważnie Zamku broniąc mężnie dał gardło, y inszych wiele ludzi zacnych przy nim. A Krol Swedski Erik prawie też w ty czassy Rewel y Biały Kamień w Liflanciech mocą wziął. *.

Moskwa pod Ozieriszczami porażona.

Ozierischcze wzięte.

---

* Прилагая при семъ два различные перевода настоящаго описанія, заимствованные изъ двухъ старинныхъ переводовъ хроники Стриковскаго, мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны, указать читателямъ на эти списки, переведенные, вѣроятно, съ двухъ различныхъ рукописей самаго подлинника, а съ другой дать понятіе о томъ, какъ должно было занимать сочиненіе Стриковскаго нашихъ предковъ, судя по тому, что оно было имъ извѣстно не только въ разныхъ спискахъ, но и въ разныхъ переводахъ.

О пораженіи 25 тысячь Москвы на Улѣ. *

Тогожъ году 1564, Великій Князь Московскій, задержавъ послы Литовскіе, собралъ великое войско, которое велѣлъ за послами Литовскими послать съ Петромъ Серебрянымъ и съ Царевичемъ Казанскимъ на разореніе Литвы, въ пятьдесятъ тысячь конницы, а изъ Полоцка инымъ путемъ тропулся Петръ Сойскій съ 30-ю тысячами, а согласитца имѣли тѣ войска обои на Друцкихъ поляхъ. Поставилъ обозъ Петръ Серебряный двѣ мили отъ Орши, надъ рѣкою Кропивною, а Сойскій на Часницкихъ поляхъ, въ селищи Ивановскомъ Бурколабовомъ, о которомъ имущи подлинную вѣдомость отъ лазутчиковъ, Николай Родивилъ, воевода Троцкій, гетманъ великій, съ Григоріемъ Ходкѣвичемъ, господиномъ Троцкимъ, гетманомъ полнымъ, и съ Иваномъ Ходкѣвичемъ, тогда столникомъ Великаго Княжства Литовскаго, и съ Богданомъ Соломерецкимъ, съ Романомъ Сангушкомъ, Богушемъ Корецкимъ, и прочіе князи, скоро приготовилися, имущи къ тому справныхъ ротмистровъ: Юрья Зеновича, Николая Сапѣгу, Ивана Волминскаго и Юрья Тишкѣвича, Баковъ Бурколаба и иныхъ дѣльныхъ господъ рыцерства Литовскаго и Рускаго, къ бою годнаго, не болѣе 4-хъ тысячь: съ тѣми на оное великое войско по вечернихъ часахъ, 26-го Генваря, въ среду, по возвращеніи св. Павла, Николай Родивилъ гетманъ ударилъ приводомъ Григорья Ходкѣвича, гдѣ, Божіею помощію и предерзновеннымъ мужествомъ Поляковъ, 25 тысячь Москвы розгромленныхъ и побитыхъ было такъ, яко въ Полоцкъ 5 тысячь едва ушло и то раненыхъ, ибо и въ погони чрезъ всю нощь, когда мѣсяцъ свѣтилъ, и по семъ въ розныхъ мѣстехъ, скитающихся зѣло много селяня и казаки побили. Тамъ же первейшій и великій воевода Полоцкій, князь Петръ Сойскій, отъ селянина сѣкирою убіенъ бысть, котораго по семъ въ Вилнѣ, въ церкви Пресв. Богородицы, погребено, и Семенъ Васильевичь и Яковлевъ, Иванъ Васильевичь Шереметъ, князь Александръ Прозоровскій, воевода передоваго полку, князь Давыдъ Васильевичь Скунторовъ, Николай Романовичь Одоевскій, воевода Великаго Города, князь Сила и Никита Конторовичь, Василей и Ѳедоръ, воеводы, Данило Колычовъ **, Осипъ Ѳедоровичь Быковъ, мужъ великій возрастомъ, полуторы сажени, подъ котораго областію пушки были, князь Иванъ Захарьинъ, князь Ѳедоръ и Симеонъ Палецкіе, и иныхъ господъ много думныхъ и бояръ нарочитыхъ на полѣ побито; а поиманныхъ, съ обозомъ и съ великою добычею,

Серебряный гетманъ Московскій.

Московское войско побито.

Шуйскій убитъ.

---

* Извлечено изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ подъ No 80, писанной скорописью XVII в., на 607 л., въ л., и имѣющей заглавіе: „Матѳѣя Стрыковскаго Осостовича Кроника Литовская.“ См. л. 584—585 обор.

** Въ подл. „Куличовъ.“

гетманъ, господа и рыцерство Литовское между собою разобрали, лутчихъ вязней къ Королю, въ Варшавѣ тогда пребывающему, отославъ. Самъ азъ въ томъ полѣ * Ивановскомъ видѣлъ великій стогъ костей Московскихъ поставленъ, ѣдучи съ Витебска 1573 года.

Второе войско вящше, котораго 50 тысячь лежало съ Серебренымъ десять поприщъ отъ Орши **, Филонъ Кмита, нынѣшній воевода Смоленскій, тѣмъ вымысломъ стревожилъ: послалъ въ Дубровну съ листами, возвѣщающи о новомъ побѣжденіи Московскомъ и о убіеніи Сойскаго па Ивановѣ поли и нарочно посланникомъ онѣмъ тамъ ѣхати велѣлъ, гдѣ чаялъ, что имѣла ихъ строжа Московская изымати, что такъ и сталось, яко съ оными листами поимала *** ихъ Москва, которые, какъ прочелъ **** Серебряный, гетманъ Московскій, такъ испужался, яко покинулъ все, обозы и шатры и иные тяготы войсковые, абіе со всѣмъ войскомъ уходити почалъ. Филонъ Кмита, староста Оршанскій, съ Юрьемъ Осцикомъ *****, воеводою Мстиславскимъ, не имущи вящши дву тысячь войска, за ними гнались, побивая и посѣкая и хватая; по семъ, егда тако Москва розграблена была, Поляки въ таборахъ 25 тысячь возовъ взяли и зѣло великіе лупы и добычи, платья и нарядовъ розныхъ и живностей, такожде пансырей и латовъ, которые везли за войскомъ на 6 тысячь человѣкъ побрали Поляки. И такъ тѣ двои великіе Московскіе войска, которые сойтися имѣли на Друцкихъ поляхъ, а по семъ общею силою къ Вилнѣ идущи, въ то время, дивною помощію Божіею и промысломъ Литовскимъ, разсыпаны были, а иные на голову погромлены и побиты и обозовъ лишены.

Москва подъ Озерищами побита.

Станиславъ же Пацъ, Великаго Княжства Литовского тогдашній намѣстникъ, а нынѣшній воевода Витебскій, въ день святыя Молгориты, собралъ съ двѣ тысячи войска, такъ жолнерей казаковъ Витебскихъ, яко и шляхты, послалъ ихъ на выручку подъ Озерища, замокъ, котораго Юрьи Толкмакъ съ 13,000 Москвы добывалъ: тамо, Божіею помощію и приводомъ Ивана Снѣпорада, наши, когда козаковъ имъ прибыло, 5 тысячь Москвы на мѣстѣ побили, и иныхъ розгромили, повязали и снарядъ пушечный съ обозомъ и съ великими лупами побрали, а самъ Юрьи въ замокъ на силу ушелъ, который, однако, того жъ году оправився, великою силою и приступами досталъ того жъ замку Озерища, гдѣ Иванъ Деронженскій ротмистръ, презелно и дерзновенно обороняя замокъ, мужественно положилъ главу, и иныхъ много людей нарочитыхъ при немъ. А Король Шведскій Енрикъ въ тѣжъ времена Рювель и Бѣлый Камень въ Лифлянтахъ силою взялъ. —

Озерища взяты.

---

* Въ подл. „полвы." — ** Въ подл. „Ороши." — *** Въ подл. „такъ усталосъ яко со иныиъ и листами поимелъ."— **** Въ подл. „прочелъ."— ***** Въ подл. „Остиноръ и съ."—

О побіеніи Москвы двадцати пяти тысячь на Улѣ. *

Въ лѣто 1564-е Великій Князь Московскій, задержавъ послы Литовскіе, собралъ ** великую силу, которую всю за послами Литовскими послалъ съ Петромъ Серебрянымъ, да съ Царевичемъ Казанскимъ, въ пятдесятъ тысячь конницы, для разоренія Литвы, а съ Полоцка двинулся инымъ путемъ Петръ Шуйскій въ тридцати тысячахъ, а имѣли оба войска *** сойтись на Друцкихъ поляхъ; поставилъ обозъ Серебряный десять верстъ отъ Орши, надъ рѣкою Кропивною, а Шуйскій на Часницкихъ поляхъ, па селищѣ Ивановскомъ Бурколобовскомъ, о которымъ имѣючи подлинную вѣдомость отъ лазутчиковъ, Микула Родивилъ, воевода Троцкій, гетманъ великій, съ Григорьемъ Ходкѣвичь, господиномъ Троцкимъ, гетманомъ полнымъ, и съ Яномъ Ходкѣвичемъ, въ то время столникомъ Великого Княжства Литовского, и съ Богданомъ Соломерецкимъ, Романомъ Сангушкомъ, Богушомъ Корецкимъ и со иными князи скоро изготовился, имѣя по тому промышленниковъ: ротмистра Юрья Зеновича, Микулая Сапѣгу, Яна Волминского, Юрья Тишкѣвича, Баковъ Бурколаба, и иныхъ храбрыхъ сыновъ господскихъ, и воинства Литовского и Руского не болше къ бою достойного, толко четыре тысячи: съ тѣми на то великое войско, послѣ вечернихъ часовъ, Генваря въ 26-й день, въ среду по утру, на праздникъ св. Павла, Родивилъ Микула, гетманъ, ударилъ, за полководствомъ Григорья Ходкѣвича, идѣжъ, Божіею помощію и храбрымъ мужествомъ нашихъ ****, Москвы двадцать пять тысячь было разгромленыхъ и побитыхъ, тако что въ Полоцкъ едва пять тысячь ушло, и то раненыхъ, и въ устиженіи чрезъ всю нощь, какъ мѣсяцъ свѣтилъ, и по разныхъ мѣстахъ хранящихся селяне и казаки побили. Тамо же первый воевода Полоцкій, князь Петръ Шуйскій, отъ хрестьянина топоромъ убіенъ бысть, его же по семъ въ Вильнѣ, въ церкви Пресв. Богородицы, погребено, и Семенъ Васильевичь, и Яковлевъ, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, князь Александръ Прозоровскій, воевода передоваго полку, князь Давыдъ Васильевичь Скунторовъ, Микита Романовичь Одоевскій, воевода Великого Города, князь Сила и Микита Конторовичи, и Василей и Өедоръ, воеводы, Данила Колычевъ, Іосифъ Өедоровичь Быковъ, мужъ возрастомъ великъ, полторы сажени косыхъ, который былъ головою пушкарскимъ, и князь Иванъ Захарыничь, князь Өедоръ и Симі-

Серебряный гетманъ Московскій.

Московское войско побито.

Шуйскій убитъ.

---

* Извлечено изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ подъ No 81, писанной скорописью XVII в., на 985 л., въ л, и имѣющей заглавіе: „Матвѣя Стриковского Осостовича Кройника Литовская." См. л. 955 обор.—958.

** Въ подл. „собравъ."— *** Въ подл. „обо войско."— **** Въ подл. „наши."

онъ Палецкіе, и иныхъ многихъ господъ и бояръ парочитыхъ побито на побоищи, и многихъ пойманыхъ съ обозомъ и съ великими добычами, гетманъ, господа и рыцерство Литовское межъ себѣ раздѣлили, началнѣйшихъ вязневъ къ Королю, въ то время въ Варшавѣ сущему, отославъ; я самъ тамо видѣлъ въ поли Ивановскомъ стогъ великій сложенъ костей Московскихъ, какъ ѣхалъ съ Витебска, лѣта 1573-го.

Другое войско болшое, пятьдесятъ тысячь, которое стояло съ Серебренымъ отъ Орши на двѣ мили, Филонъ Кмита, нынѣшній воевода Смоленскій, сею хитростію смутилъ: послалъ въ Дубровну съ листами, объявляя о побѣдѣ надъ Москвою и о убіеніи Шуйского на Ивановскимъ, и велѣлъ нарочно тѣмъ посланнымъ тою страною ѣхати, идѣже чаяли и гдѣ ихъ могла сторожа Московская изымать, и такъ учинилось, что ихъ Москва и съ тѣми (листами) изымала, которые егда листы прочолъ гетманъ Серебряный такъ смутился собою, даже покинулъ всѣ обозы и шатры и снаряды военные и со всѣмъ войскомъ въ тотъ часъ почалъ уходить; а Филонъ Кмита, староста Оршанскій съ Осцикомъ Юрьемъ, воеводою Мстиславскимъ, не имѣя болши дву тысячь воинства, за ними гонили, вопія, били, рубили и имали; по семъ егда такъ Москва разгромлена была, наши возовъ взяли двадцать пять тысячь на кошъ и множество съ добычей платья и строю всякого и запасовъ пограбили. Такъ тѣ два войска великіе Московскіе, которые хотѣли совокупитись на поляхъ Друцкихъ, а послѣ общею силою идучи до Вилна, въ то время, дивною силою Господнею и храбростію Литовскою, были розгромлены, а иные на голову избіены, изъ таборовъ изгнаты. А Станиславъ Пацъ, Великого Княжства Литовскаго въ то время намѣстникъ, а нынѣшній воевода Витебскій, въ день святыя Маргреты, собравъ двѣ тысячи воинства, такъ жолнеровъ, какъ шляхты и казаковъ Витебскихъ, послалъ ихъ на выручку подъ городъ Озерище, который Толкмакъ Юрій съ тремя надесять тысящми Москвы добывалъ; тамо, Божіею помощію и поводомъ Ивана Сѣвпорады наши, егда имъ козаковъ прибыло, пять тысячь съ Москвы на побоищѣ положили и иныхъ розгромили, повязали и съ оружіемъ и съ обозомъ и съ добычью великою побрали, а самъ Юрій Толкмакъ едва ушелъ, который, однако, тогожъ году, справившись великою силою и приступами, досталъ тотъ же городъ Озерище, гдѣ Янъ Дерожинскій ротмистръ, смѣло бороня городъ, мужественно убіенъ и иныхъ множество людей при немъ побиты *.

Вящшее войско Московское убіено бысть.

Москва подъ Озерищами побита.

Озерище взято.

* Въ обоихъ, приведенныхъ нами здѣсь, переводныхъ отрывкахъ изъ хроники Стриковскаго въ подлинникахъ находится множество описокъ: мы почли долгомъ ихъ исправить, указавъ только на нѣкоторыя изъ нихъ для примѣра.

Copey des Brieffes:

Welchen der Lyttaw-
ische Haubtman gen Warschaw, dem Herrn

Radiuill zugeschickt, darinn er vormeldet, wie es jme

in eroberung der Schlacht, so er mit dem Muscowitter

gethan, ergangen, Mit erklerung, was für

statliche Beutten sein Kriegßvolck die Lyttawen, daruon

gebracht vnnd bekommen haben,

Geschehen den 26. Januarij, dieses 1564. Jars.

Copia des Brieffes, welchen der Littawische Haubtman gen Warschaw, dem Herrn Radiuill zugesand, den 3. Februarij, Anno 1564.

Ich zweiffel nicht alleine, sondern weis gantz gewiß, das Ewer Lieb mir alles guts von hertzen gönnen. Derwegen so schreib ich E. L. kürtzlich, dann ich auch weitleufftig, nach der gestrigen kurtzweile, die ich mit mühe vnd arbeit gehabt, nit schreiben kan, Vnd diß in dem, das, nach dem der Muscowitter, vnsers aller gnedigsten Herrn des Königes von Polen Botschafften, abgefertigt, Ist er vorhabens vnd des willens gewesen, durch sein Kriegßuolck, vnsers Herrn lande ferner zu vberziehen, vnd dieselben mit Schwerd vnd Fewer zu beschedigen.

Vnd hat darauff seinen Obersten, Schnißki genandt, welchs ein fürnemer Muscowitterischer Fürst ist der in Liffland allen schaden gethan, hat des Muscowitters Schwester, der auch mit seinem Kriegßuolck in Polotzko gelegen, stadtlich vnd ansehenliche hülffe zugeordnet, von Schmolißko, vnd auß den Lendern Poßkowitz Nowehoritz Turobasan vnd Lutzani, welche beide hauffen, bey Orsche, welchs ein Grenitzhauß Kün. May. ist zusammen haben kommen sollen. Dorauff ist der gedachte Oberste Schnißki, von Polotzko, den Sontag welcher gewest der 23. Januarij, zu folge seins Herren beuelch, mit seinem Kriegßuolcke, so er zu Polotzko gehabt, angezogen, Von welchem ich gute kundtschafft gehabt, vnd auch gewust, das er seinen zugk auff Vlij, der Fraw Weywodin Wytoffski Hof, zunemen würde.

Ich aber bin zu der zeyt zu Laikulin in Litten, nicht weyt von Polotzko gelegen, sieben meilwegs von Vlij, mit meinem Kriegßuolck, dem Feind zu schwach gewest, so hat mich doch der hon vnd spot, so durch vorlierunge des Hauses vnd Landes Polotzko (denn als Polotzko verloren worden, ist er auch Feldthauptman gewest) mir vnd vnsere Nation vnd Namen angethan, endtlich bewegt, dem Feind bey Vlij vnter die augen zu ziehen, vnd jme vor zu begegnen, welches geschehen, Mitwoch den 26. des Monats Januarij, Vnd hat sich also zugetragen.

Das wie gedachter Oberster mit seinem Kriegsvolck auß dem Walde in das Feldt, hart bei Vlij kommen, Ich ahn der andern seytten auch auß dem Walde von Lukowka ins freye Feldt daselbst kommen, Jedoch so hat er vor mir vnnd meinem Kriegßuolck, ahn raum vnnd aller andern gelegenheit, Sondern vnnd grossen vortheil gehabt, dessen er sich auch da mit einnemung desselbigen gebraucht hat, Vnnd wie ich nuhn auß dem Walde geruckt, vnnd des allen, von meiner Schildtwache verstendigt worden, Er dergleichen auch von meiner ankunfft wol gewust, vnnd also meiner im halben Felde gewartet, Die ander helffte des Feldes aber (das jm Gott

bezale) mir vnnd meinem Kriegßvolck gegönnet, Vnd wöll E. L. dem glauben geben, das er so lange in seiner Schlachtordnung still gehalten, vnd sich nit gerürt, biß ich meine Schlachtordnung auch gemachet, vnd alles dasjenige so darzu nötig gewest, nottürftiglich bestelt habe, Welches, auß was vrsachen von jme mir gestattet, vnd zugelassen worden, Auch in was vnzweiffenlicher hoffnung er gestanden, haben E. L. hierauß freuntlich zuuernemen.

Darauff so hab ich dem lieben Gott, mich vnd mein Kriegßuolck beuolhen, vnd an jn mit ernst gesetzt, vnnd eine Schlacht geliefert. Vnd dauon kurtz zumelden, jhn biß auffs heubt erlegt hab, also, das ich jnen vnnd sein Volck, fünff gantzer meilwegs gejagt habe, In welchen fünff meilen (das E. L. vngezweiffelt glauben wölle) ein todter Cörper an dem andern gelegen, Welche wir auffs wenigste, auff Neun tausendt Mann, so alda todt blieben, geschetzt haben, er der oberste selbst, sobald man den ersten Hauffen getrennet, hat er auff Polotzko zu die flucht gegeben, Aber sein gesell Plierschiff Sanhartzin, welcher zu Polotzko vnd im Lager, nach jm der fürnembste Weywoda gewest, der ist Gott sey lob vnd ehr, ein gefangener in meinen henden, vnd noch einer genant Poliezcki, vnd der dritte, so wie die Muscowitter melden den vorzug gehabt, Woymarscherski, ist auch in meinen henden. Zu deme so sind auch nicht wenig Hofeleut, so wesentlich an des Muscowitters Hofe gewest, vnd sonst vom Adel, gefangen worden.

Vom Schirenutzero (ist ein Muscowitischer Fürst) kan ich E. L. eigentlich nit melden, ob er tod blieben oder hinwider gen Polotzko komen, sein Sebell vnd Köcher, die er an seinem Leibe gefürt hat, die sind vntern todten Cörpern gefunden, vnd zu meinen henden gebracht worden, Vnd ob wol die gefangenen Muscowitter, so in meinen henden sein, meldung thun, das jrer in allem, mit dem Obersten, Schnißkj, in die Zwantzig tausent starck gewest sind, So achte ichs doch darfür, souiel ich als der, so nu offte solchs gesehen hat, das jr in die 17. oder 18,000 gewest sein. In Summa, das der gedachte Schnißkj also von mir, auß gnaden vnd barmhertzigkeit des allerhöchsten, erlegt, das er selbst fliehende, die gantze Wagenburgk, in welcher vber Fünff tausent Wägen gewest hindersich auff der Wahlstat, inn welcher die Schlacht geschehen, verlassen, Auß welchen Wägen (E. L. glauben mir vngezweiffelt) vnsere Brüder die Lytten, jre hende also gefüllet, von Prouiant, Rauchen Wahren, Kleydungen, zuletzt an Silbergeschirr, als Becher, vnd andern Trinckgeschirrn, vnd sehr grosse anzal Harnisch, Pantzer, Karrazenen, vnd allerhandt Kriegsrüstung, so auff den Wägen gefürt worden, außgenomen die, so die Muscowitter selbst an jren leiben gefüret, das keiner one gute außbeut dauon kommen, Ich kan anders nicht dencken, dann das der Schnißkj, dem Kriegsuolck, zu welchem er sich schlahen vnnd begeben hat sollen, solche rüstung hat zufüren wollen, Diß alles haben die vnsern zu einer außbeut bekommen, das jnen gantz wol zugönnen, Dann inn warheit, vnsere Lyttische Nation, auß hülff vnd gnade des Almechtigen, gegen dem Feind dasjhenige gethan haben, das trewen Vnderthanen, gegen

jren Herren, vnd ehrlichen redlichen Rittermessigen leuten, kecklich vnnd mannlich gegen dem Feinde zu thun, sich eignet vnd gebüret, Vnd erachte, das der Schniski villeicht nit mit den Scherebawren von Orscha, sonder zu Polotzko mit den hündlein Faßnacht halten werde.

(Die Hunde werden von dem Muscowitter, für vnreine Thier gehalten, vnd greifft keiner ein Hund mit blossen Henden an.)

Ich aber bin bedacht, auff den künfftigen Sonnabendt mich alhier von Stackomla zu erheben, vnnd meinen zugk nach Orscha zunemen, zuuerhüttung der Feinde derselben orthe, damit sie in Kön. May. Lande, nit etwa einen einfall thun möchten, Vnd wil alda des Polnischen Kriegsvolck, nicht weit von Orscha gewertig sein, von welchen ich des verhoffens bin, sie sich nicht seumen werden, zu vns zu kommen, Vnnd ich bin jrer ankunfft mit frewden gewertig.

Vnnd ob wol in der gehaltenen Schlacht, von den vnsern, vber 20. Personen nit vmbkomen, so seind doch der so verwundt worden, in die sechs oder sibenhundert, Inn der Rotte des Fürsten von Solomersky, seind fast Diener vnd Knechte alle gewunth: In des Herrn Schenowitzen Rotte, desgleichen fast alle gewundt, vnd er selbest auch, hat eine Wunde in kopff empfangen.

Vnd diß alles gnediger Herr, hat sich auß götlicher verleihung, vnd bescheidenheit vnd zuthuung des Herrn von Crakou, Kotkowitz genant, also zugetragen, darbey ich auch das meine, so viel müglich, gethan. Nach dem wir die gefangenen Haubtleuthe, vnd andere Muscowitter, so wir bey vns haben, vor die Kön: May. werden bringen lassen, alsdann werden jre Kön. May. vnd E. L. weitleufftigern bericht vnd bescheidt, von jnen, inn deme allen nemen, Vnd auch was ich bey solchem Handel gethan, bericht werden.

Vnd ist diß warlich ein fürnemliche vnd grosse gnade des Allmechtigen, das sich der Feind, so schleuniglich in die flucht hat bringen lassen, also, das wir auch in solcher schlacht, keines grossen geschützes, gebrauchen können, Es hat der Feindt zwar, von grossem Geschütz nichts sonderlichs, allein etzlich hundert Schützen gehabt.

Vnnd hat also der liebe Gott mir gnediglich, den beuelch meines Herren, trewlichen zuuolbringen, verholffen, da jre May. mir, mit dem Feinde ein treffen zu thun, vnd das glück zuuorsuchen, so bald ich des gelegenheit haben würde, beuolhen, Doruaff der liebe Got das glück gegeben, das durch mein dienst vnnd zuthun, dem Feinde, nach aufgang des Friedestands, der erste abbruch geschehen, Gott gibe, das solcher mein dienst, mir bey meinem Herrn jhrer König. Mayestat, zu gnaden gereichen müge. Datum Vla, Donnerstag den 27. Januarij, Anno, rc. 46.

Niclas Ratziuill von Weywoda zu Crabba, Oberster Haubtman der Lyttawen.

Gedruckt zu Nürmberg, durch
Niclas Knorren.

ПОРАЖЕНІЕ МОСКВИТЯНЪ

И

ОСАДА ВЕНДЕНА

въ 1579 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ числу иностранныхъ матеріаловъ, служащихъ къ объясненію Русской исторіи, принадлежатъ, кромѣ сочиненій и офиціальныхъ документовъ этого рода, также частныя извѣстія, не имѣющія, однако, столь значительнаго объема, чтобы ихъ можно было присоединить къ первымъ—источникъ, какъ мы знаемъ достовѣрно, весьма обильный, но который остается до сихъ поръ почти вовсе нетронутымъ. Таковы, на пр., спеціальныя описанія сраженій, происходившихъ въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и тѣхъ битвъ, гдѣ Русскіе сходились съ иноземцами въ ихъ владѣніяхъ; далѣе, отдѣльныя извѣстія о пріемахъ пословъ Русскихъ за границей и пословъ иностранныхъ въ Россіи; объявленія объ естественныхъ и политическихъ событіяхъ, волновавшихъ въ разное время наше Государство, какъ то: о землетрясеніяхъ, внутреннихъ смутахъ, кончинѣ Царей и восшествіи на престолъ ихъ наслѣдниковъ, и проч. Эти извѣстія обыкновенно кратки, не всегда и не вполнѣ достовѣрны, ибо иноземцы большею частію передаютъ видѣнныя ими событія, не понимая ихъ подлиннаго смысла и нерѣдко увлекаясь тайнымъ или явнымъ къ намъ недоброжелательствомъ; не смотря на то, они имѣютъ свою важность, какъ свидѣтельства современниковъ и часто очевидцевъ, которыя, во многихъ случаяхъ, могутъ быть повѣрены на основаніи другихъ памятниковъ, иноземныхъ и особенно отечественныхъ. И такъ, поставивъ себѣ цѣлью передавать во всеобщее свѣдѣніе иностранные мате-

ріалы, относящіеся до Россіи, мы считаемъ себя въ правѣ включить также сюда и этотъ любопытный источникъ.

Предлагаемое извѣстіе объ осадѣ города Вендена, происходившей въ 1578 году, во время войны, веденной Іоанномъ Грознымъ съ Ливоніей, кромѣ своего историческаго интереса, заслуживаетъ еще вниманіе по приложеннымъ къ нему изображеніямъ: дьяка Клобукова, одного боярина въ Русской парадной одеждѣ и другаго въ воинскихъ доспѣхахъ; здѣсьже, на заглавномъ листкѣ, представленъ Русскій, привязанный къ пушкѣ и убиваемый непріятелемъ: еслибъ въ подлинникѣ не было именно сказано, что такъ былъ казненъ одинъ изъ нашихъ воеводъ, взятыхъ въ плѣнъ, то мы могли бы подумать, что это изображеніе указываетъ на тѣхъ доблестныхъ пушкарей Московской рати, которые, по свидѣтельству Гейденштейна, не желая сдаться врагамъ, повѣсились на своихъ орудіяхъ *. Что касается до иностранной брошюры, коей мы пользовались въ настоящемъ случаѣ, то она писана на Нѣмецкомъ языкѣ, издана въ 1579 году, и напечатана въ Нюренбергѣ, въ 4-ку, на 4 листкахъ. Экземпляръ этой брошюры, бывшій у насъ въ рукахъ, принадлежитъ библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета.

К. М. Оболенскій.

* См. Reinoldi Heidensteinii, Secretarii Regii, de bello Moscovitico, quod Stephanus, Rex Poloniae, gessit, commentariorum liber I.

ПОРАЖЕНІЕ МОСКВИТЯНЪ

И

ОСАДА ГОРОДА ВЕНДЕНА.

Краткое и точное описаніе недавно происходившей осады славнаго и великаго торговаго города Вендена, въ Лифляндіи, именно: какъ стѣснилъ его Москвитянинъ съ 28 тысячнымъ войскомъ, безпрерывной пальбой довелъ до крайности и даже обстрѣливалъ для приступа, но какъ, наконецъ, 23 числа сего послѣдняго истекшаго Сентября, въ часъ по полудни, онъ освобожденъ былъ Шведами и Поляками, и какъ застигли они Москвитянъ, бодро на нихъ напали, нѣсколько ихъ тысячь, и въ томъ числѣ князей, бояръ и другихъ знатныхъ лицъ, убили и взяли въ плѣнъ, завоевали всѣ орудія, провіантъ и аммуницію, стóющіе большихъ денегъ, доблестно удержали за собою поле битвы и остатокъ непріятеля съ отличнымъ мужествомъ прогнали въ бѣгство.

Съ точнымъ изчисленіемъ и поименованіемъ Московскихъ князей, бояръ и знатныхъ особъ, которые убиты и взяты въ плѣнъ, равно какъ и орудій.

Изображеніе, въ какихъ военныхъ доспѣхахъ и съ какимъ оружіемъ Московскіе Князья и бояре выходятъ на войну.

M. D. LXXIX.

(Псал. 119). * Праведенъ еси, Господи, и прави суди твои.

* См. Псал. 118, ст. 137.

Андрей Клобуковъ, знатнѣйшій Московскій дьякъ, теперь взятый также въ плѣнъ.

ОСАДА ВЕНДЕНА.

Извѣстно всѣмъ, какую безчеловѣчную жестокость, какія бѣдствія и скорбь еще недавно испытали отъ Московскаго тирана города, крѣпости и селенія, которые онъ покорилъ своему ужасному владычеству; но въ особенности, къ сожалѣнію, очевидно, какъ отвратительный непріятель за годъ тому назадъ, поступалъ въ Лифляндіи, не только разоряя въ этой странѣ крѣпости, города и замки, но даже не соглашаясь никого щадить, какъ безчеловѣчно и низко онъ проявлялъ свой тиранскій гнѣвъ безъ всякаго различія надъ полководцами, надъ лицами благородными, надъ знатными воинами, надъ особами духовными, женщинами и дѣвицами, даже надъ малыми невинными дѣтьми, приказывая ихъ рубить въ куски, четвертовать, втыкать на копья, раздирать лошадьми, сдирать съ нихъ кожу, равно какъ мучить другими ужасными способами и насиловать женщинъ и дѣвицъ. Совершивъ всѣ эти безчисленныя бѣдствія, онъ осмѣлился теперь, съ войскомъ изъ 28,000 человѣкъ, осадить замокъ и крѣпость Кистцы, въ Лифляндіи, гдѣ было всего 1500 воиновъ, а потомъ также большой и знаменитый торговый городъ Венденъ, и, по своему ужасному обычаю, началъ его безпрерывно обстрѣливать, вредить ему пальбою и другими непріятельскими дѣйствіями, въ особенности же до такой крайности довелъ этотъ городъ своими огромными пушками, что разрушилъ и сравнялъ съ землею каменную стѣну, начиная отъ Массавской башни до бастіона, и еслибъ не приспѣла помощь (какъ сказано будетъ ниже), то (по словамъ плѣнныхъ и гражданъ, какъ сознавались они въ этомъ послѣ, судя по человѣческому разумѣнію), городу никакъ бы не уцѣлѣть.

Въ такихъ обстоятельствахъ соединяются въ добромъ порядкѣ и съ благой думой г. воевода Новохорцкій и г. Кафіа, съ трехтысячнымъ войскомъ Короля Польскаго, также г., Гансъ Вахтмистръ и г. Генрихъ фонъ Енденъ, съ войскомъ Короля Шведскаго, и во славу Божію, 23 Сентября 78 года, во вторникъ, въ часъ по полудни, неожиданно и бодро нападаютъ на непріятеля. Поспѣшно устремляются они на окопы, сдѣланныя передъ Венденомъ, и хотя г. Вахтмистръ и г. фонъ Енденъ, которые открыли нападеніе, были оттѣснены многочисленнымъ войскомъ Москвитянъ, однако вторичный ихъ натискъ дружными силами оказался удачнымъ: они смѣшали ихъ ряды, убили болѣе 6,000 человѣкъ, положили на мѣстѣ нѣсколькихъ князей и бояръ со всѣми лучшими стрѣлецкими головами, многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ, знатнѣйшаго Московскаго воеводу повѣсили на самой большой пушкѣ, называемой Волкомъ, и тутъ же его убили, взяли въ добычу 24 большія пушки и завоевали весь провіантъ и аммуницію, какую Императоръ возитъ съ собою на войнѣ, а остальное войско обратили въ бѣгство и совершенно сбили съ поля сраженія причемъ, вмѣстѣ съ другими, утекъ и воевода Московскій, по имени Хокца (?).

Конечно это дѣло скорѣе Божіе, нежели человѣческое, съ такимъ малымъ количествомъ народа побѣдить столько тысячь, обратить ихъ въ бѣгство и взять въ добычу орудія, провіантъ и аммуницію, стóющіе большихъ денегъ.

По одержаніи такой славной побѣды надъ этимъ жестокимъ непріятелемъ, воевода предлагалъ Шведскому Королю половину орудій и всего, добытаго въ сраженіи, но Его Величество отказался и, напротивъ, отвѣчалъ прямо: „Богъ это сдѣлалъ;“ послѣ чего ему было объявлено, что если онъ желаетъ подарить слѣдующей ему частью своего зятя, то имѣетъ на то полное право. За тѣмъ Король намѣренъ отправиться въ Ревель, положивъ, однако, впослѣдствіи возвратиться опять къ своему войску, которое заняло передъ Венденомъ Московскій лагерь и окопы, и такимъ образомъ дѣйствовать заедино, преслѣдовать далѣе жестокаго непріятеля и чинить ему отпоръ.

Слава и честь всемогущему и всеблагому Богу, который, безъ всякаго сомнѣнія, какъ милосердый Отецъ, ниспослалъ для этой побѣды свою милость, благословеніе, силу и святыхъ своихъ Ангеловъ, дабы столь ужаснаго непріятеля хотя сколько нибудь ослабить и милостиво избавить многія сѣтующія и сокрушенныя сердца отъ тѣхъ ужасныхъ мученій, какимъ онъ подвергаетъ несчастныхъ побѣжденныхъ.

Изчисленіе Московскихъ князей, погибшихъ въ сраженіи.

Князь Ѳедоръ Шереметевъ.
Князь Иванъ Облоцкій, намѣстникъ Обдорскій, убитый на большой пушкѣ, называемой Волкомъ.
Князь Василій Сицкій.
Князь Михайло Оболенскій.
Князь Андрей Палецкій.
Князь Никифоръ Зеперуковъ.
Князь Василій Воронцовъ.
Бояринъ Данило Салтыковъ.

Московскіе князья, бояре и прочія знатныя особы, взятыя въ плѣнъ.

Князь Петръ Ивановичь Хворостининъ.
Князь Петръ Ивановичь Татевъ.
Князь Михайло Ѳедоровичь.
Князь Семенъ Оболенскій.
Андрей Клобуковъ, знатнѣйшій военный дьякъ Московскій.
Юрій Кохановскій. Zoltan Chicheiouitz.
Петръ Тюфякинъ (Thephlnikou). Ѳедоръ Колычовъ.

Изображеніе Московскаго князя въ парадной одеждѣ.

Изчисленіе 24 пушекъ, взятыхъ при этомъ пораженіи Москвитянъ.

3 большія мортиры, изъ коихъ бросаютъ огромныя каменныя и чугунныя бомбы, называемыя Мурцинквицами.
1 большая пушка, называемая Волкомъ, на которой былъ повѣшенъ и убитъ, какъ объясено выше, Московскій воевода.
2 большія пушки, которыя Москвитяне называютъ Дѣвками, употребляемыя для приступовъ и ломки стѣнъ.
1 большая пушка, называемая Копчикомъ.
1 большая пушка, называемая Ястребомъ.
9 пушекъ полуторныхъ (Pultoray) или полевыхъ змѣй.
4 длинныя пушки, называемыя осадными змѣями.
3 отмѣнно длинные желѣзные змѣевика.

8

Надо замѣтить, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ на Москвитянъ сдѣлано было нападеніе, они (можетъ быть, по особенному промыслу Божію) отослали назадъ, вмѣстѣ съ осьмитысячнымъ войскомъ, не только отмѣнно большую, но даже самую огромную, пушку, называемую Медвѣдемъ, въ предположенія, что когда завоюютъ и займутъ знатный городъ Венденъ (который они уже навѣрно считали своимъ), то, въ спѣшномъ ихъ походѣ на Трейденъ и Дюнамюндъ, это доставитъ имъ нѣкоторое облегченіе, и такимъ образомъ они возьмутъ всю землю, что, однако, Всемогущій Богъ, по своему милосердому и чудному изволенію и изъ отеческаго своего сострадавія, устроилъ, какъ уже сказано, во многомъ иначе: да будетъ же ему слава и честь во вѣки вѣковъ, аминь!

Печатано въ Нюренберѣ Леонардомъ Гейслеромъ.

Moscouische Niderlag, vnd Belegerung der Statt Wenden.

Kurtze vnd ordenliche beschreibung, jüngster belegerung der Herrlichen vnd grossen Handelsstatt Wenden

in Liffland gelegen, wie solche der Moscouitter mit 28000. Mann betrangt, vnablessigen schiessen vffs eusserste geengstet, vnd gar zum sturm beschossen, doch endtlich von den Schwedischen vnd Polnischen, den 23. Septembris nechst verflossener zeit, vmb j. vhr nach mittag, entsetzt, die Moscouitter vbereilt, mit ernst in sie gefallen, etlich tausent, darunter Fürsten, Boiarn vnd Herrn erschlagen vnd gefangen, alles Geschütz, Prouiant vnd Munition, groß schatz werth, erobert, das Feld mit sieghaffter hand behalten, vnd den Rest mit grossem ernst in die flucht getrieben.

Neben ordenlicher verzeichniß, der Moscouittischen erschlagenen vnd gefangenen Fürsten, Boiarn vnd Herrn namen, dergleichen auch deß Geschützes.

Contrafactur Moscouittischer Knias oder Fürsten vnd Boiarn, wie die zum Krieg gewapnet, vnd mit jren streitwaffen gerüst sein.

M. D. LXXIX.

Psal. 119. Herr, du bist gerecht, vnd dein wort ist recht.

Anderzey Kolubkoro fürnembster Moscouischer Secretari, welcher jetzund auch gefangen.

Was vnmenschlicher, grosser Tyranney, jammer vnd elend, der Moscouttische Tyrann, nu ein zeit hero geübet, mit Stätten, Vestungen, Schlössern, vnd Dörffern, so er vnter seinen grausam gewalt gebracht, ist mennigklich kundbar vnd wissent, sonderlich aber wie der Tyrannisch abscheuhliche Feind, vor einem Jar in Lifland sich verhalten, ist leider am tag, dann er inn diser Landschaft nit allein, Vestungen, Stätt vnd Schlösser verwüstet, sondern auch niemand zu gnaden wöllen vffnemen, wie er dann an den Obristen, Adelspersonen, fürnemen, Kriegsleuten, Geistlichen Frawen vnd Jungfrawen, ja an den kleinen vnschuldigen Kindlein, one vnterscheid, seinen tyrannischen zorn, vnmenschlich vnd erbärmlich außgossen, dieselbigen zu stücken hawen, viertheilen, spiessen, mit Rossen zerreissen, schinden, vnd andere vnleidenliche marter anthun lassen, Frawen vnd Jungfräwlein schenden, vnd deß jammers vnzehlich getrieben, hat er sich jetzund vnterfangen mit 28000. Mann, das Schloß vnd Vesten Kiestzy in Yffland, darinnen 1500 Mann, darnach auch die grosse vnd herrliche Handelstatt Wenden, zu belägern, vnd seinem schröcklichen brauch nach, one auffhören dieselbe zu beschiessen, mit Scharmützel, Fewerwerck, vnd andern feindlichen hendeln zu engsten, auch sonderlich mit dem gar grossen geschütz dise Statt dermassen betrangt, daß er von dem Massawer Thurn an, biß zu der Bastey oder Bolwerk, die Mawer der Erden gleich nider geschossen, vnd da die entsatzung, wie dann folgen wirt, nit bald geschehen, were es vmb diese Statt (wie oben hernacher die gefangnen, vnd auch die Burger bekennet, menschlichem vrteil nach) gethan gewest.

Auff solches nun schlagen sich mit guter ordnung vnd getrewem rhat zusammen, der Herr Weywodzitz Nowochortzkj vnd Herr Kaphia mit 3000. deß Polnischen Königs Kriegesvolck, dergleichen auch Herr Hans Wachmeister, vnd Herr Heinrich von Enden, mit des Königs in Schweden Kriegsvolck, vnd greiffen die Feind im Namen Gottes den 23. Septembris, des 78. jars, Dienstags vmb ein vhr nach mittag, vnuersehener weiß mit gewalt an, vberfallen also in der eyl die Schantz orv Wenden, wiewoln der Herr Wachmeister vud Herr von Enden, die dann den ersten angriff geehan, durch grossen gewalt der Moscouitter, anfangs abgetrieben worden. Doch haben sie zum andernmal sämptlich glücklich angesetzt, jr ordnung zertrent, vber 6000. Mann erschlagen, etliche Fürsten vnnd Boiarn, sampt allen besten Schützenmeistern erlegt, vil derselben gefangen, den fürnembsten Moscouischen Herren, an das gröste Stück, der Wolff genant, gehangen, vnd daran erschlagen, vier vnd zweintzig grosser Stück geschütz bekommen, allen vorrhat an Prouiant vnd Munition, als solchen ein Keiser zu Feld mag führen, erobert, vnd den Rest in die flucht vnd gentzlich auß dem Feld getrieben, wie dann der Moscouitter obrister

Hauptman, Chofza genant, auch mit in der flucht entworen, welchs alles mehr ein Götlich dann menschlich werck ist, mit so wenig Volck, so vil tausendt zu vberwinden, vnd in die flucht zu schlagen, Geschütz, Prouiant, Munition, so eins grossen schatzes werth, zu bekommen.

Erhaltener nun gegen disen grossen tyrannischen Feind sieghaffter Victoria, hat der Weywodiz, dem König in Schweden die helffte, an Stücken vnd allen andern, was sie in diser Schlacht Ritterlich gewunnen, angeboten, aber seine Maiestat habens nit begert, sondern auch frey gesagt: Gott hat diß gethan, neben weitterer vermeldung, wolt es der König seinem Schwager verehren, stünde zu jrer Maiestat guten Willen. Der König hat sich darnach auff Resel zu begeben, gentzlich entschlossen, mit fürderlichsten bey seinem hauffen, welcher vor Wenden das Moscouittische Läger vnd Schantzen eingenommen, widerumb zu sein, wöllen also einhellig beysammen stehen, disem Tyrannischen Feind ferner nachsetzen, vnd widerstand thun.

Dem allmechtigen gnedigen Got lob vnd ehr, so zweifels one, zu diser Victoria, gnad, segen, sterck, vnd seine heilige Engel, Vätterlich verliehen, damit disem grewlichen Feind seine macht dannoch zum theil genommen, vnd vil trawriger hertzenleidiger gemüter, von seiner grewlichen marter die er den armen vberwundenen pflegt anzuthun, gnedig errett worden.

Verzeichnuß der Moscouischen Knias

oder Fürsten, so vmbkommen.

Knias Fedor Seremietzou.

Knias Iuan Oblostzki Regent zu Odorski, der an dem grossen Stück der Wolff genant, erschlagen worden.

Knias Wasili Sziski.

Knias Michalo Obalinski.

Knias Andrzey Paletzki.

Knias Nikofor Zeperukou.

Knias Wassali Worentzou.

Danielo Soltikou, Boiar.

Gefangene Knias, Boiarn vnd fürneme

Moscouittische Personen.

Knias Piotr Iuanouitz Chorotzni,

Knias Piotr Iuanouitz Tattziou.

Knias Michalo Fiederouitz.

Knias Siemon Obolnitzki.

Anderzey Kolubkoro, fürnembster Moscouischer Kriegssecretari.

Giechori Kohanski. Zoltan Chicheiouitz.

Potr Thephlnikou. Fieder Kolutzou.

Contrafactur eins Moscouischen
Knias oder Fürstens, wie sie in jrem
Fürstlichen Habit gezieret.

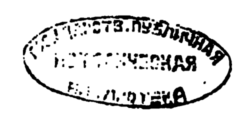
Folgen weiter die XXIIII Stück[1], so in diser
Moscouittischen Niderlag erobert worden.

3. Grosser Mörser, darauß die gar großen steinern vnd Fewerkugel geworffen werden, Murzinckwitzen genant.
1. Das grosse Stück, der Wolff genant, daran der Moscouische Herr gehenckt vnd erschlagen worden, wie droben gemelt.
2. Grosser Stück welche die Moscouitter Dzienki nennen zum Sturm vnd Mawerbrechen.
1. Ein groß Stück der Sperber genant,
1. Mehrein groß Stück der Habicht genant.
9. Pultoraty oder Feldschlangen.
4. Der langen Notschlangen.
3. Der gar grossen langen Eiseren Serpentinen.

Zu mercken, daß wenig tag vor dem einfal, alsdann die Moscouitter angriffen worden, haben sie ein sehr vnd das gar gröste stück (villeicht auß sonderer verhenck-nuß Gottes) der Bäer genant, mit 8000 Mann zuruck geschickt, in meinung, wann nun die grosse Statt Wenden (die sie in jhrem sinn schon gewiß gehabt) erobert vnd eingenommen, daß sie sich nach Treyden vnd Dünnemundt, begeben wölten, dises in der eil zum vortheil haben, vnd das gantze Land also einnemen, welches der Allmechtig Gott, nach seinem gnedigen wunderbaren rhat, vil anderst, wie gehört, auß Vätterlicher barmhertzigkeit geordnet, dem sey lob vnd ehr in alle ewigkeit, Amen.

Gedruckt zu Nürnberg, durch

Leonhard Heußler.

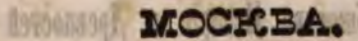
ИНОСТРАННЫЕ СОЧИНЕНІЯ и АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО РОССІИ,

собранные

К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1848.

По опредѣленію Общества, генваря 31-го дня, 1848 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

3.

ДНЕВНИКЪ
САМУИЛА БѢЛЬСКАГО.

ИНСТРУКЦІЯ
САМУИЛУ ГРУШЕЦКОМУ.

ДНЕВНИКЪ

1609 года,

Самуила Бѣльскаго.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

1848.

По опредѣленію Общества. Февраля 28-го дня, 1848 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая подъ именемъ дневника Самуила Бѣльскаго одинъ изъ любопытнѣйшихъ и доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, относящихся къ Смутному Періоду, столь замѣчательному въ нашей Исторіи, считаемъ нужнымъ предложить предварительно нѣкоторыя библіографическія объ немъ свѣдѣнія. Рукопись, въ которой находится этотъ дневникъ, хранится въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, гдѣ помѣщена, по вновь составленному каталогу, въ разрядѣ рукописей на разныхъ языкахъ, подъ литер. F. XVII. № 117, переплетена въ синюю бумагу, съ выставленными прежде на корешкѣ, вверху, нумерами $\frac{10}{21}$, и озаглавлена такъ: »Farrago scriptorum miscellaneorum ad res Polonas spectantium, in fol. pap., caisse X, № 21. По содержанію своему, она состоитъ изъ переплетенныхъ вмѣстѣ подлинныхъ документовъ, относящихся къ разнымъ предметамъ и разнымъ годамъ. На листѣ 389 встрѣчается слѣдующая приписка, указывающая на одного изъ ея прежнихъ владѣльцевъ: »Ex libris Sigismundi Benedicti Chrzanowski, Succamerarij Brzstensis.« Въ эту-то рукопись вплетенъ печатаемый нами дневникъ, писанный на 9 листахъ, такъ что въ настоящее время, по перемѣтѣ всѣхъ листовъ рукописи, составляетъ въ ней листы 99 — 107. Залуцкій (изъ библіотеки коего означенная рукопись поступила въ Публичную библіотеку) сдѣлалъ на первомъ листѣ помѣту: »Samuelis Bielski, 1609.« Основываясь на этомъ и особенно на припискѣ, находящейся въ концѣ дневника и начинающейся словами: »I iam tam z razu był, y na to wszystko patrzał. Samuel Bielski m. p.«, слѣдуетъ заключить, что этотъ дневникъ былъ нѣкогда въ рукахъ Самуила Бѣльскаго, и что, вѣроятно, имъ сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ помѣты и приписки, находящіяся на поляхъ рукописи и обозначенныя въ нашемъ изданіи курсивомъ. Но изъ

приведенныхъ выше словъ видно также, что Бѣльскаго нельзя признать авторомъ самого дневника, и что онъ составленъ кѣмъ-либо другимъ. Не рѣшаясь приписать его утвердительно кому-нибудь изъ извѣстныхъ лицъ, находившихся при осадѣ Смоленска, мы полагаемъ, однако, что онъ могъ быть веденъ Княземъ Порицкимъ или кѣмъ-либо изъ служившихъ въ его ротѣ, на томъ основаніи, что подъ числомъ 21 Сентября находимъ здѣсь слѣдующее мѣсто: »На ночь мы прибыли къ Московской границѣ, по дорогѣ весьма дурной.... остановились въ выжженомъ селеніи, называемомъ *Васильевъ*«; въ дневникѣ же осады Смоленска (рукопись изъ Пулавской библіотеки), напечатанномъ въ прибавленіяхъ къ 3-й части »Исторіи смутнаго времени въ Россіи,« соч. Д. П. Бутурлинымъ, также подъ числомъ 21 Сентября, читаемъ: »того жъ числа въ *Васильевъ* прибыла *рота Князя Порицкаго*, въ 150 коняхъ состоящая.« Прибавимъ еще, что на этомъ основаніи нашъ дневникъ есть, можетъ быть, отрывокъ изъ черневыхъ путевыхъ замѣтокъ Самуила Маскѣвича, который поступилъ въ хоругвь Князя Порицкаго 13 Іюня, 1607 г., какъ видно изъ дневника его, напечатаннаго Н. Г. Устряловымъ въ 5-й части »Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ,« на стр. 11.

Относительно изданія предлагаемаго здѣсь матеріала, считаемъ долгомъ замѣтить, что въ подлинникѣ, на Польскомъ языкѣ, онъ передается со всею возможною точностію, съ удержаніемъ правописанія и знаковъ удареній, находящихся въ самой рукописи, за исключеніемъ исправленія нѣкоторыхъ самыхъ очевидныхъ описокъ, но съ разстановкою знаковъ препинанія по соображенію смысла для облегченія читателей, и что переводомъ его, сдѣланнымъ весьма близко къ подлиннику, мы обязаны Сергѣю Сергѣевичу Иванову.

Д. Чл. К. М. Оболенскій.

ДНЕВНИКЪ.

18 Августа Его Королевское Величество отправился изъ Вильны въ Оршу. Въ тотъ же день, выславши передъ собою большую полевую пушку, онъ прибылъ къ ночи въ Лавырышки.

На слѣдующій день, 19 Августа, прибылъ въ Островъ, гдѣ не было никакого извѣстія.

20, къ ночи, прибылъ въ Сморгонъ.

21, къ ночи, прибылъ въ Марховъ.

22, къ ночи, дошелъ до Молодочны, куда прибылъ козакъ отъ пана старосты Оршанскаго, съ извѣстіемъ, что Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, прибывшій на помощь Шведамъ, пораженнымъ паномъ Александромъ Зборовскимъ, отступилъ, и превзошли тайно съ тѣми же людьми, такъ разбилъ отрядъ пана Зборовскаго, слишкомъ безпечно торжествовавшій послѣ одержанной побѣды, что Зборовскій (который впрочемъ самъ остался невредимъ) долженъ былъ отступить къ лагерю Самозванца, съ потерею нѣкотораго числа людей; остальные же, которые могли, ушли за Тверь, въ крѣпостцу Торжекъ, и тамъ оборонялись отъ нападеній Шведовъ.

23, къ ночи, прибыли въ Радошковичи.

24, къ ночи, въ Соломержичъ.

25, въ Минскъ, гдѣ его милость панъ Гетманъ польный коронный привѣтствовалъ Его Королевское Величество, совѣтуя безотлагательно отправиться въ Оршу, чтобы другія кварціанныя роты (которыя, какъ онъ надѣялся, скоро должны быть въ Оршѣ), получивъ извѣстіе о походѣ Его Королевскаго Величества, тѣмъ скорѣе слѣдовали на мѣста, назначенныя для смотра. Также и самъ его милость, панъ Гетманъ, въ этотъ же день поѣхалъ въ свой станъ (находившійся въ разстояніи одной мили отъ города), подавъ добрую надежду о дѣлахъ Московскихъ; а на слѣдующій день разослалъ универсалы къ ротмистрамъ, напоминая, чтобы они какъ можно скорѣе поспѣшали къ Оршѣ. Жители города жаловались на пана Домбянскаго, за то, что онъ приказалъ оцѣнить ихъ имѣнія, взялъ съ нихъ 6000 Польскихъ злотыхъ и нанесъ имъ другіе неисчислимые убытки и грабительства.

26 прибыли въ Городище; тутъ подтвердилось извѣстіе о пораженіи пана Зборовскаго.

27, въ Смоловичи.

28 Его Королевское Величество прибылъ къ ночи въ имѣніе панны Ратомской, по ужасно дурной дорогѣ.

29 въ Борисовъ; тутъ пришло изъ Лифляндіи, отъ его милости, пана Гетмана В. К. Литовскаго, извѣстіе, что 20 Августа, оставивъ Дюнамюндъ, весьма обезсиленный, онъ долженъ отправиться къ Пернавѣ, на помощь осажденнымъ, не дождавшись тѣхъ, которые взяты на службу Рѣчи Посполитой; а 26 сего мѣсяца онъ надѣялся вступить вмѣстѣ съ ними въ сраженіе.

30, къ ночи, прибыли въ Лошы. Въ этотъ день принесено извѣстіе отъ подстаросты Могилевскаго, что Лжедимитрій писалъ въ Стародубъ, Брянскъ, Рославль и въ другія пограничныя крѣпостцы, приказывая имъ пропускать свободно нашихъ людей, ежели они идутъ къ нему; но если Королевское войско сдѣлаетъ нападеніе, то чтобы они оборонялись и не поддавались: отъ этого, по разсказамъ купцовъ, сдѣлалась такая большая тревога во всей землѣ, что не могутъ управиться сами съ собою. О войскѣ Его Королевскаго Величества и обо всемъ они имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія, потому что въ Государствѣ Его Королевскаго Величества весьма много лазутчиковъ, какъ изъ нашихъ, такъ и изъ Русскихъ. Смоленскъ еще въ бо́льшей тревогѣ: не знаютъ кому повиноваться; также и наши, которые находятся при Димитріѣ, увлекаются въ разныя стороны, одни держатъ сторону Его Королевскаго Величества, другіе напротивъ, почему и нѣтъ между ними согласія. Того жъ дня пришло изъ Орши извѣстіе отъ пана городничаго Оршанскаго, что бояре, посланные съ его грамотою подъ Смоленскъ, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Его Королевскаго Величества и съ напоминовеніемъ объ изготовленіи мостовъ, по возвращеніи, разсказывали, что письменнаго отвѣта они не принесли. Воевода отправилъ ихъ съ слѣдующимъ словеснымъ наказомъ: »поѣзжайте къ вашему старостѣ; писать не станемъ: вашему Государю слѣдовало бы помнить время перемирія;« не сказали ничего болѣе, однако эти же бояре угощали ихъ съ необыкновеннымъ изобиліемъ и со всевозможнымъ почтеніемъ. Разсказывали, что въ Смоленскѣ вовсе нѣтъ войска: на помощь Скопину посланы 6000 простаго народа, противъ которыхъ пошелъ съ своимъ отрядомъ панъ Янъ Сапѣга, да изъ лагеря вновь отправился панъ Александръ Зборовскій на помощь тѣмъ, которые, уходя послѣ пораженія, претерпѣннаго отъ Шуйскаго, заперлись въ крѣпостцѣ Торжкѣ за Тверью, гдѣ были осаждаемы Москвитянами и Шведами, и совсѣмъ хотѣли сдаться; но только пушку, изъ которой палили въ крѣпостцу, розорвало порохомъ, и кромѣ того получено извѣстіе о приближеніи нашихъ людей. Поэтому они перешли за Волгу и тою стороною пробираются къ столичному городу Москвѣ. Въ тотъ же день дано знать, что наши Украинцы, собравшись и присоединивъ къ себѣ нѣкоторое число слугъ, сдѣлали нападеніе и не мало народа забрали въ плѣнъ.

31 Его Королевское Величество ночевалъ въ Начахъ; тамъ нѣтъ ничего новаго.

СЕНТЯБРЬ.

1, къ ночи, прибылъ въ Бобръ.

2 прибыли въ Толочинъ, гдѣ поступили жалобы на пана Дембинскаго отъ разныхъ особъ, изъ которыхъ однихъ онъ мучилъ, другихъ ограбилъ; одного шляхтича онъ растерзалъ лошадьми; у Максимовича отнялъ имѣніе и присвоилъ себѣ

шаевльно, взявъ съ него наличными деньгами и разными вещами до 40.000. Разсуждали, что съ нимъ дѣлать, ибо онъ пренебрегъ и приказаніями Его Королевскаго Величества; дѣло отложено до объясненія съ его милостью паномъ Гетманомъ.

3, къ ночи, прибыли въ Кохановъ. Тамъ его милость панъ Премыскій, захвативъ на границѣ одного Московскаго купца изъ Смоленска, отправилъ къ Его Королевскому Величеству; этотъ купецъ въ роспросѣ сказалъ, что въ Смоленскѣ немного людей, годныхъ для битвы, кромѣ 300 бояръ, 200 стрѣльцовъ и до 20,000 простаго народа, съѣстныхъ припасовъ запасено на два года, пороху довольно, пушекъ сто и нѣсколько десятковъ, обороняться желаютъ и не хотятъ вѣрить, чтобы Его Королевское Величество самъ шелъ къ Москвѣ. Купецъ присовокуплялъ также, что когда узнаютъ, что идетъ самъ Король, то намѣренія ихъ могутъ перемѣниться.

4 Его Королевское Величество прибылъ въ Оршу; здѣсь онъ не засталъ отправленныхъ ротъ, кромѣ 300 человѣкъ его милости, пана Краковскаго, гусарскихъ ротъ его милости, пана воеводы Кіевскаго, 500 человѣкъ его милости, пана Маршалка В. К. Литовскаго, 1,000 человѣкъ его милости пана Премыскаго, 100 копѣйщиковъ его милости, пана подскарбія надворнаго В. К. Литовскаго. Всѣ другія кварціанныя роты остались назади на лодкахъ, весьма неспособныхъ для переправы, потому что урядникъ его милости, ксендза Епископа Виленскаго, узнавши, что они идутъ на Игуменицы, тою же дорогою, за паномъ Гетманомъ, разметалъ мосты и подѣлалъ засѣки.

5 въ Оршѣ ни откуда не получено никакого новаго извѣстія.

6 въ Оршѣ представлялись Его Королевскому Величеству панъ Гетманъ съ паномъ Премыскимъ. Въ этотъ день велѣно пану городничему Оршанскому писать въ Смоленскъ: онъ долженъ былъ порицать вторженіе въ Смоленскія границы, увѣдомляя, что оно сдѣлано своевольными Украинцами, безъ вѣдома Его Королевскаго Величества и Гетмана, и обѣщать справедливое за это удовлетвореніе *.

7 привезены изъ Витебска три осадныя пушки.

8 пришло отъ его милости, пана воеводы Брацлавскаго, извѣстіе, что еще во вторникъ онъ долженъ быть около Могилева, а помѣта письма отъ 4 Сентября изъ Бобруйска; однако тѣ роты, которыя идутъ позади его милости, по причинѣ худыхъ дорогъ, переправлялись очень медленно, но около Петровичей пошли скорѣе, и немного исправивъ повозки, поспѣшаютъ въ Мозырь или въ Могилевъ.

9 привезены изъ Вильны девять осадныхъ пушекъ; черезъ Днѣпръ наведенъ мостъ на лодкахъ, по которому прошли безопасно, и съ трудомъ втащили ихъ на большую гору; по причинѣ крутизны ея приходило много народу для срытія ея въ продолженіи четырехъ дней. Въ тотъ же день пріѣхалъ изъ лагеря Лжедимитріева одинъ надежный купецъ Оршанскій: онъ разсказалъ, что Шуйскій съ многочисленнымъ войскомъ напалъ на лагерь Самозванца, что они долго сражались между собою и съ обѣихъ сторонъ пало много людей, пока наконецъ Шуйскій возвратился въ городъ, а Самозванецъ въ свой лагерь (на мѣстѣ укрѣ-

---

* Письмо это съ отвѣтомъ сл. ниже.

пленномъ огнестрѣльными орудіями и обнесенномъ хорошими валами), но что ни одинъ не одержалъ побѣды. Далѣе купецъ разсказывалъ, что въ Москвѣ ужасный голодъ, по причинѣ котораго множество народа оттуда уходитъ; въ войскѣ же Самозванца великое обиліе какъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ и во всемъ прочемъ.

10 ни откуда не получено новыхъ извѣстій.

11 объявлено, что Его Королевское Величество выѣдетъ изъ Орши 16 Сентября. Въ тотъ же день получено извѣстіе, что въ Смоленскѣ воевода и народъ очень хорошо расположены къ Его Королевскому Величеству; изо всѣхъ ихъ найдется только девять человѣкъ, приверженныхъ Шуйскому.

12 получено извѣстіе о томъ, что наши снова вторглись въ Смоленскіе предѣлы и угнали не мало рогатаго скота. Объ этомъ было тайное совѣщаніе.

13 отъ имени Короля приказано Двору отправиться въ путь изъ Орши, съ его отрядами, подъ Королевскимъ знаменемъ. Въ тотъ же день отъ Смоленскаго воеводы принесено письмо пану городничему Оршанскому, съ отвѣтомъ на его первое и второе письмо.

14 получено извѣстіе, что пушка, съ которою ѣдетъ Ваксманъ, находится уже близко. Въ Оршѣ заложенъ храмъ во имя Святаго Михаила, въ присутствіи Его Королевскаго Величества.

15 пріѣхалъ панъ воевода Брацлавскій, а панъ ловчій Литовскій показывалъ его милости свой 50-конный отрядъ.

17 отдыхалъ тамъ же.

18, къ ночи, былъ въ деревнѣ того же пана подстолія Глѣбовича, въ четырехъ миляхъ отъ Домбровы.

19 въ Баевѣ, селеніи того же пана Глѣбовича, ночевали въ палаткахъ.

20 мы были тамъ же и ночевали въ палаткахъ. Его Королевское Величество слушалъ тамъ обѣдню и обѣдалъ. Его милость, панъ Премыскій, показывалъ своихъ людей, а его милость, панъ Янъ Вайеръ, Нѣмецкую пѣхоту. Вечеромъ отъ Его Королевскаго Величества отданъ приказъ всѣмъ дворянамъ, чтобы они отправлялись съ своими отрядами на каждый ночлегъ подъ придворнымъ знаменемъ.

21, на ночь, мы прибыли къ Московской границѣ по дорогѣ весьма дурной, какъ по причинѣ крутыхъ горъ, такъ и по неисправности мостовъ; остановились въ выжженномъ селеніи, называемомъ Васильевъ. Здѣсь вечеромъ, послѣ того, какъ протрубили зорю, выстрѣлилъ слуга въ пана великаго Маршалка Литовскаго: панъ Гетманъ коронный приказалъ поймать и задержать его на ночь.

22 стояли тамъ же; весь день прошелъ въ разрѣшеніи и прекращеніи споровъ то о завѣдываніи кухнею, между панами кухмистрами, коронньмъ и Литовскимъ, то о распоряженіи конюшнею между его милостью, паномъ конюшимъ Литовскимъ, и паномъ Томашевскимъ, подконюшимъ короннымъ. Постановлено, чтобы паны чиновники Литовскіе отправляли всѣ свои должности до Смоленска, потому что и Смоленскъ издревле принадлежалъ къ Литвѣ, и донынѣ какъ воевода Смоленскій, такъ и каштелянъ Смоленскій, бываютъ изъ Литвы. А пану Томашевскому не велѣно вмѣшиваться въ конюшенныя дѣла, потому что это обязанность его милости, пана конюшаго Литовскаго, и не только въ слѣдствіе того, что тотъ конюшій, а онъ подконюшій (почему между ними великое неравенство), но и потому

что и въ Польшѣ, въ отсутствіе пана конюшаго коронного, панъ конюшій Литовскій, а не подконюшій, подводитъ коня Королю и во всемъ первенствуетъ предъ подконюшимъ. Пойманаго слугу его милость, панъ Гетманъ коронный, отослалъ къ его милости, пану Маршалку Литовскому, для учиненія изслѣдованія о выстрѣлѣ, вмѣстѣ съ его милостью, паномъ Канцлеромъ Литовскимъ. Его милость, панъ Гетманъ коронный въ неудовольствіи за то, что, безъ его вѣдома, панъ Канцлеръ ѣздитъ впередъ съ своими людьми, засылая ихъ подъ самый Смоленскъ для пріема вещей.

23 мы подвинулись къ Смоленску на $2\frac{1}{2}$ мили. Здѣсь только дорога была чрезвычайно дурна, потому что намъ пришлось ѣхать черезъ весьма густые лѣса, такъ что нужно было съ великимъ трудомъ вырубать деревья, къ тому же мѣстами были большія болота, а дорога поросла кореньями и мосты не исправлены; почему въ девять часовъ мы едва проѣхали эти $2\frac{1}{2}$ мили. Утѣшеніемъ для насъ было то, что Господь Богъ посылалъ намъ всегда хорошую погоду и тепло. Селеніе, гдѣ мы, пріѣхавши, расположились станомъ, называется Краснымъ; здѣсь мы нашли еще не совсѣмъ разрушенный домъ, который передъ тѣмъ былъ построенъ для пріѣзда Царицы, когда она ѣхала изъ Польши въ Москву.

24 мы отдыхали тамъ же, какъ по причинѣ усталости лошадей, такъ и въ ожиданіи извѣстій изъ Смоленска и возвращенія посланнаго отъ пана Канцлера къ духовенству и къ боярамъ.

25 мы остановились на томъ мѣстѣ, куда прибылъ посланный, возвращавшійся изъ Смоленска безъ всякаго отвѣта; онъ принесъ только то извѣстіе, что жители Смоленска не хотятъ и вѣрить, чтобы самъ Король былъ въ походѣ. Они знаютъ о панѣ Жолкевскомъ и о панѣ Канцлерѣ Литовскомъ, но старались не дать нашимъ высмотрѣть Смоленска. Когда же, послѣ такого отпуска, посланный сталъ требовать отвѣта, потому что онъ пріѣхалъ къ нимъ съ письмами ко всѣмъ чинамъ, то они съ бранью приказали ему ѣхать, угрожая утопить его, если онъ будетъ долѣе мѣшкать.

26 мы проѣхали двѣ мили. Отсюда отосланы двое Московскихъ плѣнныхъ, чернецъ и бояринъ, захваченные воинами Премыскаго подъ самымъ Смоленскомъ. Москвитяне покушались тамъ же отбить ихъ, напавши на нашихъ безъ всякаго огнестрѣльнаго оружія, но не могли, потому что наши отразили ихъ и разбили. Не мало удивлялись наши воины тому, что изъ замка не стрѣляли на нихъ ни разу. Названіе мѣста Козмино.

27 мы прошли только милю, послѣ обѣда.

28 мы остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ получены грамоты къ Его Милости изъ Вильны. Въ нихъ пишутъ, что въ Ливоніи Шведы напали на нашъ лагерь; сначала счастіе было на ихъ сторонѣ, но потомъ наши, совокупивши силы, убили 300 и ранили 200 Шведовъ, и отбили пана воеводича Виленскаго, Радивила, и пана ротмистра Валя, которыхъ было взяли въ плѣнъ и задерживали въ продолженіи двухъ часовъ. Это мѣсто называется Дѣдова деревня.

29 мы пріѣхали въ деревню Лубну. Тутъ получено извѣстіе, что жители Смоленска повѣсили Москвитянина, посланнаго къ нимъ отъ нашихъ для сообщенія имъ извѣстія, и что самъ Король находится въ походѣ съ сильнымъ войскомъ;

также получено извѣстіе о томъ, что предмѣстіе, особенно съ нашей стороны, начали жечь.

30 къ ночи мы были въ селеніи, называемомъ Есенна, въ одной милѣ отъ Смоленска. Наши взяли въ плѣнъ знатнаго Москвитянина, хорошо и богато одѣтаго, съ саблею, окованною серебромъ, также холопа Смоленскаго городничаго, на хорошемъ конѣ въ серебряной сбруѣ, столь надменнаго, что, бывши уже въ нашихъ рукахъ, смѣлъ говорить передъ нашими, что если бы у Москвитянъ было тысячь 10 такихъ людей, каковъ онъ самъ, то они навѣрное могли бы сразиться съ 30 или 40 тысячами Поляковъ. Панъ Гетманъ отправилъ съ открытымъ листомъ къ жителямъ Смоленска монаха, прежде схваченнаго нашими и видѣвшаго Короля: его не прислали назадъ.

ОКТЯБРЬ.

1 Его Королевское Величество со всѣмъ своимъ войскомъ прибылъ къ монастырямъ, находящимся въ разстояніи не болѣе полумили отъ Смоленской крѣпости. Мы расположились лагеремъ между этими монастырями въ палаткахъ, однако, по причинѣ холода и непогоды, монастыри были роспясаны слѣдующимъ образомъ:

1. Пресвятыя Троицы для Его Королевскаго Величества.
2. Св. Бориса и Глѣба для пана Гетмана короннаго.
3. Разворенный монастырь Св. Михаила для пана Премыскаго.
4. Спасителя, или, какъ Москвитяне его называютъ, Спаса, для пана Канцлера Литовскаго. Утромъ, передъ пріѣздомъ Короля, панъ Гетманъ посылалъ пана Премыскаго для переговоровъ съ жителями Смоленска; но они объявили, что не сдадутся и постараются, чтобы намъ не долго пришлось любоваться на за̀мокъ. И въ самомъ дѣлѣ, около того времени, когда Король пріѣхалъ въ свою палатку, что̀ было въ первомъ часу по полудни, Смоляне зажгли городъ, который горѣлъ во всю ночь.

2 Его милость, панъ Лудвигъ Вайеръ, прибылъ съ своимъ отрядомъ. Изъ крѣпости такъ мѣтко выстрѣлили изъ пушки, что одинъ изъ этого отряда остался на мѣстѣ.

3 наши сдѣлали мостъ черезъ Днѣпръ. Одинъ Москвитянинъ передался изъ за̀мка на нашу сторону: онъ утверждаетъ, что въ за̀мкѣ только 300 гарнизонныхъ солдатъ, простаго народу много, огнестрѣльныхъ орудій, пулей, пороху очень достаточно, а съѣстныхъ припасовъ немного.

4 панъ Гетманъ приказалъ разобрать немалую часть моста, наведеннаго на Днѣпрѣ, для того, чтобы наши не переѣзжали на другую сторону, потому что отъ безпечнаго ихъ выѣзда Москвитяне захватывали много нашихъ. Прибыли кварціонныя роты Балабанова и Князя Корецкаго. Наши начинаютъ плести военные туры при Королевской палаткѣ, однако напередъ болѣе думаютъ втайнѣ о чемъ то другомъ, а не о копаніи шанцовъ и плетеніи туровъ; великое разногласіе о томъ, чтобы волонтерамъ быть подъ властью короннаго Гетмана, или имѣть другаго вождя.

Наияснѣйшаго и непобѣдимаго Великаго Короля Сигизмунда III, Божіею милостію Короля Польскаго, В. К. Литовскаго, Русскаго, Прусскаго, Мазовецкаго,

Жмудскаго, Лифляндскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Подляшскаго, Короля Шведскаго, Готскаго, Вандальскаго и иныхъ многихъ славныхъ Государствъ и Королевствъ найяснѣйшаго Маестату Его Королевскаго Величества,

отъ Андрея Ивановича Сапѣги, воеводы Мстиславскаго, старосты Оршанскаго, державца Оранскаго,

въ Смоленскъ, воеводѣ Смоленскому, Михаилу Борисовичу Шеину. Извѣщаю тебя, воевода Смоленскій, что Его Королевское Величество, Государь нашъ милостивый, по милости Божіей, прибылъ 4 Сентября въ Оршу въ добромъ здоровьѣ. Еще прежде сего, отъ 25 Августа, я писалъ къ тебѣ, воевода Смоленскій, о великой милости найяснѣйшаго Маестату Его Королевскаго Величества, Государя нашего милостиваго, такъ что ты самъ, воевода Смоленскій, выразумѣлъ изъ того письма столь великую милость и любовь, оказанную вамъ отъ Государя нашего милостиваго; но ты, воевода Смоленскій, ничего не отвѣчалъ на то писаніе, и посланныхъ моихъ отправилъ ко мнѣ съ ничѣмъ. Нынѣ дошло до меня извѣстіе, что нѣкоторые своевольные люди Короля, Государя нашего, живущіе на границѣ, учинили нѣкоторыя обиды въ землѣ и повѣтѣ Смоленскомъ; и если дѣйствительно причинена людьми Оршанскаго повѣта такая обида людямъ Смоленскаго вѣдомства, то ты, воевода Смоленскій, извѣсти меня обо всемъ, а я, узнавъ это изъ твоего письма, тогожъ часу донесу найяснѣйшему Маестату Его Королевскаго Величества, и за кѣмъ бы изъ людей Короля, Государя нашего милостиваго, таковые худые поступки оказались, тотчасъ же будетъ взыскано съ него должное удовлетвореніе обиженнымъ людямъ Смоленскаго повѣта. Обо всемъ этомъ извѣсти меня въ скорости подъ присягою, а посланныхъ моихъ, не задерживая, отправь ко мнѣ тотчасъ же. Писано въ Оршѣ, лѣта отъ Рождества Сына Божія 1609, мѣсяца Сентября, 6 дня.

Божіею милостію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Василія Ивановича, всея Русіи Самодержца, Владимірскаго, Московскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго и Великаго Князя Смоленскаго, Болгарскаго и иныхъ, Государя и Великаго Князя Новагорода Низовскія земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондійскаго и всея Сѣверныя страны Повелителя, Государя Сѣверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ государствъ Государя и Обладателя, Его Царскаго Величества отъ старшины и воеводы и намѣстника Смоленскаго, Михаила Борисовича Шеина, въ Оршу, Оршанскому старостѣ, Андрею Ивановичу Сапѣгѣ. Августа 22 дня писалъ ты ко мнѣ въ листѣ своемъ съ посланными своими, съ Павликомъ Полежонымъ, что Государь вашъ, Король Сигизмундъ, пріѣхалъ въ Оршу и чтобы мнѣ увѣдомить тебя о своевольныхъ людяхъ Государя вашего, учинившихъ обиды вездѣ на границѣ Смоленской. И я неоднократно прежде сего писалъ къ тебѣ, когда у Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Василія Ивановича, всея Русіи Самодержца, въ Москвѣ, были послы вашего Короля, Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій, и гонцы Станиславъ Витовскій и Князь Янъ Соколинскій, и постановили между Великимъ Государемъ вашимъ, Королемъ Сигизмундомъ, и между ихъ великими Государствами союзъ и миръ, утвердивъ его союзными грамотами и кре-

стнымъ цѣлованіемъ на томъ, чтобы въ перемирное время разрыва и войны никому не начинать, а которые люди Государя вашего въ государствѣ нашего Государя, съ панами и ротмистрами и со множествомъ Польскихъ и Литовскихъ людей, опустошаютъ вмѣстѣ съ Самозванцемъ земли Государя нашего и проливаютъ Христіанскую кровь, и всѣхъ бы тѣхъ людей, по общему согласію, изъ государствъ Великаго Государя нашего вашему Государю, Королю Сигизмунду, вывести, и впредь, въ перемирные годы, не пропускать никого военнымъ обычаемъ изъ Государствъ вашего Государя, и обманщиковъ, которые измѣннически называютъ себя потомками Великихъ Государей, не держать и никакого вспомоществованія имъ не оказывать. И послѣ того посольскаго постановленія и утвержденія, Польскіе и Литовскіе люди и донынѣ проливаютъ Христіанскую кровь въ Государствѣ нашего Государя и опустошаютъ земли Государя нашего. И ты, Андрей Ивановичъ, Государю своему, Королю Сигизмунду и паномъ Радѣ поговори о томъ, чтобы Государь вашъ, Король Сигизмундъ, по посольскому договору, не приказалъ нарушать перемирнаго постановленія съ Государемъ нашимъ и не начиналъ войны въ перемирное время; а которые Государя вашего Королевскіе люди проливаютъ Христіанскую кровь въ землѣ Государя нашего, и тѣхъ бы людей Король, по посольскому постановленію, приказалъ вывесть изъ земли нашего Государя и не велѣлъ бы въ перемирные годы пропускать ни одного военнаго человѣка въ земли нашего Государя, чтобы не проливать Христіанской крови вопреки крестному цѣлованію и не нарушить добраго дѣла между Государемъ и между Государствами. А что ты прежде сего писалъ въ своемъ листѣ о прибытіи Короля, что Государь вашъ, Король, идетъ для добраго дѣла и для того, чтобы унять пролитіе Христіанской крови, и этотъ Королевскій походъ въ земли нашего Государя противенъ посольскому договору и крестному цѣлованію, и отъ того произойдетъ еще большее смущеніе между Государями и Государствами, и отъ прибытія Короля кровь Христіанская не уймется; а унять Христіанскую кровь вашему Государю тѣмъ, чтобы, по посольскому постановленію, наказать Польскихъ и Литовскихъ людей, которые вмѣстѣ съ обманщикомъ проливаютъ Христіанскую кровь и опустошаютъ земли нашего Государя, и вывести ихъ изъ земли нашего Государя, — и тѣмъ Христіанская кровь уймется. А посланныхъ твоихъ я отправилъ къ тебѣ, не задерживая. Писано въ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, отчинѣ, въ городѣ Смоленскѣ, 1609 года, Августа 22 дня.

5 числа, съ воскресенья на понедѣльникъ, изготовили къ воротамъ петарду, которая выломила было ворота, но гайдуки Королевскіе не захотѣли дѣлать нападенія, отговариваясь тѣмъ, что имъ ротмистръ не приказалъ: такимъ образомъ они пропустили прекрасный случай.

6 числа, съ понедѣльника на вторникъ, панъ Вайеръ съ пѣхотою своею, т. е., съ Нѣмцами, пожегъ Московскіе шанцы, сдѣланные подъ крѣпостью, тамъ, гдѣ стѣна была слабѣе, подъ двумя пушками сжегъ колеса и отнялъ порохъ.

7 числа, на разсвѣтѣ дня, панъ Янъ Вайеръ, по прежнему съ своею Нѣмецкою пѣхотою, покушался зажечь Московскій мостъ при крѣпости; но это не удалось, ибо изъ крѣпости отстрѣлялись. Изъ Нѣмцовъ убито всего только двое, Москвитянъ же пало не мало. Прибылъ панъ воеводичъ Брестскій съ своею прекрасною ротою, въ которой сто лошадей.

8 извѣстіе о пораженіи Шведовъ въ Лифляндіи. Писали изъ Вильны съ козакомъ, что панъ Гетманъ Литовскій, отбивъ Шведовъ отъ своего лагеря, на который они напали ночью, пошелъ за ними и догнавши въ Пернавѣ, овладѣлъ ихъ обозомъ съ пушками, которыя однѣ только тамъ и были, и побилъ не болѣе осьми сотъ Шведовъ, ибо прочіе весьма быстро разбѣжались, такъ что самъ вождь Мансфельдъ попалъ въ какія-то болота, гдѣ его было трудно схватить. Въ тѣхъ же листахъ пишутъ, что двѣсти Англичанъ передались къ нашимъ отъ Мансфельда.

Сами наши начинаютъ копать внутрь около той стороны за̀мка, гдѣ панъ Янъ Вайеръ сжегъ Московскія укрѣпленія, ибо тамъ самая слабая крѣпостная стѣна. Москвитяне ежедневно захватываютъ немало нашихъ, особенно изъ тѣхъ, которые ѣздятъ за съѣстными припасами, и это не удивительно, потому что они выѣзжаютъ въ непріятельской землѣ точно такъ же безпечно, какъ будто въ собственномъ своемъ дому. Нашимъ весьма подозрительно то, что вчера выѣхали изъ крѣпости до 400 Московскихъ всадниковъ; однако за ними наблюдаютъ, дабы захватить ихъ гдѣ нибудь, потому что опасаются, чтобы этотъ выѣздъ ихъ не былъ съ цѣлью провести въ за̀мокъ какія-нибудь подкрѣпленія. Его милость, панъ воевода Брацлавскій, расположился для стражи съ немалымъ отрядомъ у самой крѣпости, чтобы не пропустить въ крѣпость никакихъ подкрѣпленій съѣстными припасами или людьми. За часъ до вечера Москвитяне совершенно разбили сто всадниковъ нашей стражи.

9, около начала разсвѣта, наши пытались взять приступомъ крѣпостную башню, которая мѣшала и устроить шанцы, и подходить къ за̀мку, и вести окопы: въ нее весьма сильно и часто стрѣляли изъ осадныхъ пушекъ; между тѣмъ непріятель вовсе почти не стрѣлялъ въ нашихъ изъ мортиръ, хотя прежде имѣлъ обыкновеніе ежедневно весьма часто стрѣлять во всѣ стороны. Но отъ этого приступа къ башнѣ вышло мало радости, потому что вреда сдѣлали немного, а отъ частаго стрѣлянія розорвало двѣ осадныя пушки, едва ли не самыя лучшія. Послѣ полудня Его Королевское Величество ѣздилъ осматривать тѣ шанцы, съ которыхъ стрѣляли въ башню. Козаки прибыли и чрезъ пословъ, коихъ избрали изъ среды себя и отправили къ Королевской палаткѣ, извѣстили о своемъ прибытіи и обѣщались служить по распоряженію Короля. Панъ Лудвигъ Вайеръ съ своими людьми также расположился подъ самымъ за̀мкомъ, для того, чтобы не льзя было провести туда какія-нибудь подкрѣпленія, и вечеромъ забралъ множество рогатаго скота, между тѣмъ какъ непріятель былъ окруженъ.

10, прекративъ обстрѣливаніе башни, Его милость, панъ Маршалокъ Литовскій, поставилъ пушки въ другомъ мѣстѣ и цѣлый день палилъ изъ нихъ въ крѣпость. Въ лагерѣ извѣстіе, но неизвѣстно отъ кого, будто бы Шуйскій ведетъ на помощь Турокъ и Скиѳовъ, извѣстивъ Порту о прибытіи Короля подъ Смоленскъ, съ намѣреніемъ завладѣть всею Московіею, и увѣривъ, что, покоривши Московію, Король покусится и на Турецкую Имперію.

11 наши сожгли непріятельскій мостъ въ крѣпости, но при этомъ убиты четверо гайдуковъ, трое князя Христофора, а четвертый пана старосты Сондецкаго; въ это время изъ крѣпости стрѣляли въ нашихъ изъ пушекъ, и Москвитяне вышли

было съ мушкетами для защищенія моста, но наши немало ихъ пострѣляли, поранили и побили. Это было нашимъ за то, что зажгли мостъ днемъ, а не ночью.

12 изъ мѣстечка, называемаго Бѣлымъ, недалеко отъ Смоленска, шестеро Москвитянъ покушались въ темнотѣ пробраться въ крѣпость; хотя ихъ замѣтили, однако сочли за своихъ и дали имъ покой на минуту; но увидавъ, что они всходятъ на мостъ, ведущій къ замку, пустились за ними въ погоню довольно поспѣшно, отъ чего двое бросились вплавь, другіе убиты, а одинъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ къ пану Гетману. Панъ Кишка показывалъ свой отрядъ, панъ староста Ливскій тоже; въ тотъ же день прибылъ панъ Струсъ съ своими людьми.

13 во весь день крѣпость не сдѣлала ни одного выстрѣла. Панъ Маршалокъ Литовскій назначенъ начальникомъ надъ орудіями; по его приказанію, часть ихъ перевезена изъ подъ крѣпости на болѣе возвышенное мѣсто и, во время стрѣльбы, произвели было пожаръ въ замкѣ, однако непріятель потушилъ его. П. Канцлеръ Литовскій послалъ письмо къ купцамъ, находившимся въ крѣпости и правившимъ, какъ говорили, всѣми дѣлами, въ которомъ онъ совѣтовалъ имъ, чтобы они и сами помышляли и другихъ убѣждали думать о сдачѣ, а не о защищеніи.

14 изъ нашего лагеря послали одного Виленскаго купца для переговоровъ съ другими купцами. Въ крѣпости все безмолвно, подобно вчерашнему. Наши задумали было пускать ночью брандкугели въ замокъ и вести подкопъ, но въ самый вечеръ панъ Гетманъ послалъ къ нимъ приказаніе, чтобы они оставили все, увѣдомляя, что Москвитяне изъ крѣпости прислали къ нему просить, чтобы, прекративши стрѣльбу, онъ вступилъ въ переговоры съ ними: такимъ образомъ наши успокоились. Посланный Пана Канцлера Литовскаго возвратился: хотя онъ не принесъ никакого отвѣта отъ непріятеля, однако разсказывалъ, что его ласково приняли и впустили въ замокъ, спрашивали, точно ли Его Королевское Величество самъ находится въ лагерѣ, или кто нибудь другой на его мѣстѣ, и почему наши не стрѣляютъ изъ тѣхъ большихъ пушекъ, которыми прежде покушались разрушить крѣпостную башню. Московское хвастовство видно было только въ томъ, что этому посланному приказано было смотрѣть въ землю, потому что не хотѣли чтобы онъ разсматривалъ крѣпость.

15. Его милость, панъ Лудвигъ Вайеръ, поймалъ передъ разсвѣтомъ двухъ знатныхъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ, что въ крѣпости весь народъ и бояре желаютъ совершенно сдаться; противится только воевода съ попами и съ тремя богатыми купцами *.

И я тамъ былъ самъ и все это видѣлъ. Самуилъ Бѣльскій собственнор.

На 40 тысячь войска было дано изъ Рима позволеніе не поститься: ѣли то, что имѣли, и въ постъ и по пятницамъ, кто что могъ и хотѣлъ; а духовенство приказало ѣсть умѣренно.

Мы съ паномъ Витебскимъ вышли изъ школъ, бросивъ Логику, которую проходили подъ руководствомъ ксендза Грушевскаго, въ Вильнѣ, 1608 года, 24-го Сентября.

---

* Здѣсь оканчивается дневникъ. Слѣдующее за симъ приписано другою рукою.

DIARIUSZ

Roku 1609,

Samuela Bielskiego.

DIARIUSZ.

18 Aug. Król Jego Mść z Wilna się ku Orszy ruszył; tegoż dnia, armatę polną y wielką przed sobą wysławszy, do Lawyryszek na noc przybył.

19 Aug. Nazaitrz do Ostrowa przybył [1], gdzie żadney wiadomosci nie było.

20. Do Smorgon na noc.

21. Do Marhowa na noc.

22. Do Molodoczna na noc, gdzie kozak pana starosty Orszańskiego przybiegł, daiąc znać, yż Michał Susky z Skopin, przybywszy Szwedom pogromionym przez pana Alexandra Zborowskiego na pomoc, odwrot uczynił z stemiż ludzmi y bez wieści szedszy, ludzie pana Zborowskiego, z wygraney bitwy triumfuiąc nazbyt ubespieczenie, tak rozgromił, że do obozu impostorowego (sam iednak zdrowo) ustąpić musiał, straciwszy nieco ludzi swoich; a ostatek ludzi uszli do zameczku Tarczkza za Cwierzą, którzy mogli, tam się bronili Szwedom szturmuiącym.

23. Do Radoszkowic na noc.

24. Do Sołomierzycz na noc.

25. Do Mieńska, gdzie Jego Mść, pan Hetman polny Koronny, Króla Jego Mści witał, radził, aby Jego K. Mość bez odwłoki ku Orszy się miał, żeby tym sporzey quarciane ynsze roty (którym prędko tuszył w Orszy być), wiadomość wziąwszy o drodze Jego K. Mści, postępowali na mieysce, popisowi naznaczone; sam też Jego Mść P. Hetman tegoż dnia, do stanowiska swego (ktore w mili od

---

[1] Въ подлинникѣ, на этомъ мѣстѣ, между строкъ, сдѣлана Залуцкимъ помѣта: *Samuelis Bielski, 1609.*

miasta było) iachał, dobrą otuchę o rzeczach Moskiewskich uczyniwszy, na zaiutrz vniuersały do rotmisrzow rozesłał, napominaiąc gorąco, aby iako naspieszniey ku Orszy się mieli. Mienszczanie się skarzyli na pana Dęmbinskiego, że się im szacować kazał, y wziął z nich 6000 florenow Pòlskich, ynsze niezmierne poczynił szkody y łupiestwa.

26. Do Horodiszcza, tam się stwierdziła wieść o poraszce pana Zborowskiego.

27. Do Smołowicz.

28. Do wsi paniey Ratomskiey przez okrutne złe drogi przybył na noc K. J. Mść.

29. Do Borisowa; tam od Jego M. Pana Hetmana W. X. Litewskiego z Iflant wiadomość przyszła, yż 20 Augusti, opusciwszy Dinament dobrze nawątlony, ku Pernawie na odsiecz oblężonym ruszyć się ma, nie doczekawszy tych, którzy na służbę R. P-tey wzieli, a 26 tegoż tuszył sobie mieć z niemi potrzebę.

30. Do Łoszy na noc tego dnia od podstarosciego Mohilowskiego to przyniesiono, yż ten zmyszlony Dymitr pisał do Staroduba, do Brańska, do Rosławia y do inszych pogranicznych zameczkow, roskazuiąc ym, aby ludzie nasze (ieżeli do niego idą) wolno przepuszczali; ieżeliby też lud Krolewsky nadstąpił, aby się bronili y nie podawali się, y tak kupcy powiadaią, że tak wielka trwoga po wszytkiey ziemi, że sobie radzić wczyscy nie mogą. O woysku K. J. Mści y o wszystkim prawie dobrze wiedzą, gdyż szpiegow pełno, tak z naszych iako y z Moskwy, po panstwie J. K. Mści. Smoleńsk y owszem w trwodze, nie wiedzą komu się kłaniać; naszy też, ktorzy są przy Dmitrze, in varia trahuntur, iedni radzi Krolowi J. Mści, drudzy nicż; zaczym y zgody nie maią miedzy sobą. Tegoż dnia z Orszy przyniesiono od pana Horodniczego Orszańskiego, yż boiarowie, których był z listem swym do Smolenska posłał, oznaymuiąc o przyiezdzie Krola J. Mści, upominaiąc aby mosty gotowali, wróciwszy się powiedzieli, że odpisu nie odnieśli; słownie ych odprawił woiewoda temi słowy: jedzcie do starosty swego, pisać nie będziemy; godziło się było Hospodarowi waszemu pamiętać na lata przymierne; więcey nic nie mówili, żywnosci iednak ciż boiarowie im obficie nad zwyczay y szanowania wszelakiego dodawali. Powiedzieli, że ludzi ni masz zgoła na Smolensku, Skopinowi ludu pospolitego posłali byli na pomoc 6000, przeciwko ktorym P. Jan Sapieha z pułkiem swym poszedł, y pan

Alexander Zborowsky z obozu znowu na odsiecz tym, ktorzy się z pogromu Suskiego uchodząć, zawarli na zameczku Tarczku za Dzwierzą, y tam dobywani od Moskwy y Szwedow, pewnie by mogli być dobyci, ale działo, którym wątlili, zameczek proch rozsadził, a wieść też przyszła o ludziach naszych, za czym ustąpili za Wolhe y tamtą stroną przedzieraią się do Moskwy, stołocznego miasta. Tegoż dnia dano znać, yż ludzie z Ukrayny nasze, zebrawszy się y przyłączywszy do siebie coś ludzi służebnych, wpadszy, płonu nie mało zabrali.

31. W Naczy nocował K. J. Mść, tam nic nowego.

SEPTEMBER.

1. W Bobru był na noc.

2. W Toloczynie, gdzie przyszły skargi na pana Dęmbinskiego od rożnych osob, z których iedne pomęczył, drugie połupił; szlachcica iednego końmi rostargał, Maximowiczowi maiętność odiął y sobie przywłaszczył, gwałtem wziąwszy z niego y gotowemi pieniędzmi y rzeczami wszelakiemi do 40,000. Consultowano co s tym czynic, bo y mandaty pierwiey K. J. Mśći zneważyli obay; odłożono rzecz, aż do porazumienia się z Jego Mśćią panem Hetmanem.

3. Do Kochanowa na noc. Tam Jego Mść P. Przemysky, kupca pewnego z Smolenska Moskwicina na granicy ułapiwszy, do K. J. M. posłał, który pytany powiedział, iż na Smolensku ludzi do boiu nie wiele, oprócz boiarow 300, a strzelcow 200, miru do 20,000, żywnosci na dwie lecie, prochu dość, dział sto y kilka dziesiąt sztuk; bronić się maią wolą, wierzyć niechcą, że by K. J. M. głową swą do Moskwy iść miał; pzsydawał y to, kiedy się dowiedzą, że sam Król ydzie, mogą odmienić.

4. Do Orszy K. J. Mść przybył; tam nie zastał przeprawionych rot, tylko X. J. Mśći pana Krakowskiego ludzi 300[1], Jego Mśći pana woiewody Kiiewskiego rothy husarskie, Jego Mśći pana Marszałka W. X. Lith. ludzi 500, Jego Mśći Pana Przemyskiego ludzi 1000, Jego Mśći P. podskarbiego nadwornego W. X. Lith. kopynikow[2] 100, insze roty quarciane wszytkie porząd na nieprzeprawnych

---

[1] Въ подлинникѣ было сначала написано 3000, но потомъ послѣдній нуль зачеркнутъ.

[2] Въ подл. kopynika.

barzo ludziach, o ktorych urzędnik Jego Mśći X[a] Biskupa Wilenskiego dowiedziawszy się, że za Panem Hetmanem tymże gościńcem na Yhumięnicy ydą, y mosty pozmiatał, y drogi zarąbił.

5. Nicz się w Orszy niskąd nieponowiło.

6. W Orszy J. Mść P. Hetman z panem Przemyskim u K. J. Mśći byli. Tego dnia panu horodniczemu Orszanskiemu roskazano do Smolenczan pisać, obmawiaiąc to w granicy Smolenskiey wtargnienie, że bez wiadomosci J. K. Mśći y Hetmana, że od ludzi swewolnych Vkrainnych się stało, y sprawiedliwość z nich obiecuiąc.

7. Działa trzy burzące z Witebska przyprowadzono.

8. Od Jego Mśći Pana woiewody Brasławskiego wiadomość przyszła, że iuż pobok Mohilowa o wtorku być miał, a data listu z Bobroiska 4 Septembra; roty iednak te, które przy Jego Mśći ydą pozad, gęsiego barzo dla złych drog, przeprawowali się iednak w Piotrowiczach spieszno, y mało co naprawiwszy wozow, albo w Morzeże [1], albo w Mohilowie pospieszą.

9. Działa burzące z Wilna sztuk dziewięć przyszły, y most, przez Dniepr postawiony, na łodziach, sine periculo przeszli, y w wielką ie gore z fatigą wprowadzono, ktorey dla przykrosci zeymać siła przyszło przez cztyry dni. Tegoż dnia kupiec pewny Orszansky z obozu tego zmyslonego Dymitra przyiachał, który to powiada, że Susky wielką mocą na oboz impostorow uderzył, długo się z sobą scierali, victi praelio z obu stron wiele ludzi legło, aż nakoniec Suysky do miasta, a ow się do obozu swego (na mieyscu warownym strzelbą y wałmi dobrze umocnionego) wrócił, zwycięstwa ieden z drugiego nie odniozszy. Powieda daley o wielkim głodzie w Moskwie, że ludzi siła dla niego wychodzi, a w impostorowym woysku wielka iest obfitość tak żywności, iako y wszytkich dostatkow.

10. Nicz się z nikąd nieponowiło.

11. Opowiedziono, że K. J. Mść z Orszy 16 Septembr: wyiedzie. Tegoż dnia nowina przyszła, że na Smolensku y woiewoda y pospolstwo wszystko przychilni są barzo K. J. Mśći,, miedzy ktoremi wszystkiemi dziewięć tylko osob się nayduie Suyskiemu przylegleyszych.

---

[1] Вмѣсто Morzeże должно читать: Możyrze.

12. Wiadomość przyszła, że znowu naszi służebni wpadli w Smolenską granicę y bydła rogatego nie mało wywiedli było; consilium secretum o to.

13. Dworowi roskazano imieniem Krolewskim, aby z poczty swemi pod chorągwią Krolewską z Orszy w drogę iachali. List tegoż dnia od woiewody Smolenskiego przyniesiony panu horodniczemu Orszańskiemu, w ktorym responduie na pisanie pierwsze y wtore.

14. O armacie, przy ktorey Wakzman iedzie, wiadomość, że iuż blisko była. Fundamenta iacta, Regia Maiestate praesente[1], templi Sancti Michaeli dicati, Orsa.

15. Pan woiewoda Brasławsky przyiachał, a Jego Mść pan łowczy Lith. poczet swoy koni 50 pokazował.[2]

17. Tamże odpoczywał.

18. Na noc był we wsi tegoż P. podstolego Hlebowicza, cztery mile od Dąmbrowy.

19. W Baiewie, we wsi tegoż Pana Hlebowicza, nocowalismy w namieciech.

20. Tamże śmy byli y na noc w namieciech. K. J. Mść y sacrum słuchał y iadł tu; Jego Mść Pan Przemysky swoie ludzie i Jego Mść Pan Jan Waier piechotę Niemiecką pokazowali. W wieczor od Krola J. Mści roskazano dworzanom wszystkim pod chorągwią dworską s posztami swemi na każdy nocleg iezdzić.

21. Na noc przyiachalismy na granice Moskiewskie barzo złą drogą, tak dla gór[3] przykrych, iako dla złych barzo mostów, stanęlismy we wsi obozem spaloney, ktorą zowią Wasilow. Tu w wieczor, po wytrąbeniu hasła, strzelił pana marszałka Wielkiego Lith. sługa, ktorego pan Hetman Coronny poimać y zatrzymać przez noc urzędu swego kazał.

22. Tamżesmy stali; dzień wszytek się trawił in decidendis componendisque controversiis: to o kuchni zawiadowaniu miedzy panem kuchmistrzem Koronnym y Lithewskim, to o staienne rzędy miedzy Jego Mścią, Panem koniuszym[4] Lithewskim, a panem Thomasewskim, podkoniuszym corunnym; staneło na tym, aby panowie urędnicy Lithewscy wszystkie officia swoie odprawowali aż do

---

[1] Въ подлинникѣ: praesenti.

[2] Въ подлинникѣ, за этими словами, сдѣлана помѣта: *Naruszewic.*

[3] Въ подлинникѣ gier.

[4] Въ подлинникѣ, надъ этимъ словомъ, сдѣлана помѣта: *Sapehoi.*

Smolenska, gdyż y Smolensk antiquitus ad Lituaniam pertinebat i po dziś dzień tak woiewoda Smolensky, iako y kasztelan Smolensky z Litwy bywa. Panu zaś Thomasewskiemu dla tego nie kazano się wdawać w staienne rzeczy, że to Jego Mości P. koniuszego Lith. powinność, nie tylko z stey miary, że iest koniuszym, a ow podkoniuszym (czym samym imparitas miedzy niemi wielka), ale że y w Koronie P. Koniuszy Lith., pod niebytnoscią pana Koniuszego Corunnego, y konia Krolowi, a nie podkoniuszy, podaie, y we wszy-
1 stkim przodkuie pod podkoniuszym. Sługę poymanego Jego Mść P. Hetman Koronny do Jego Mśći pana Marszałka Lith. odesłał, aby o strzelanie sprawiedliwość z niego uczynił z Jego Mśćią panem Kanclerzem Lithewskim; Jego Mść Pan Hetman Coronny zachodzi w nieprzyiazń, że bez wiadomosci Hetmanskiey, P. Kanclerz wprzod z ludzmi swemi iezdzi, zasyłaiąc aż pod samy Smolensk, dla przyięcia rzeczy.

23. Pomknęlismy się pułtrzeci mili ku Smolenskowi; tu dopiero droga nazbyt zła była, przyszło bowiem nam iachać przez lasy barzo gęste, tak że drwa wyrąbować się s pracą wielką musiały, gdzie zaś y błota wielkie, y drogę barzo korzenistą, y mosty nie naprawneśmy mieli, przeto te pułtrzeci mile ledwieśmy za dziewięc godzin uiachali. Pociecha w ten czas ta nasza była, że wżdy nam P. Bog pogodą a ciepłem dogadzał; wieś gdzieśmy się obozem przyiachawszy położyli, [2] zowią Kraśne, w którey zostalismy ieszcze nie do końca spustoszoney dom, nowo przed tym zbudowany na przyiazd Carowey, gdy iachała s Polski do Moskwy.

24. Thameśmy odpoczywali, tak dla koni pomordowanych, iako czekaiąc na wiadomość iaką z Smolenska, y na reditywę posłańca P. Kanclerzowego, y do duchowieństwa, y do boiarów.

25. Tamżesmy stali, gdzie ten posłaniec od Smolenska wrócił się, ale absque vllo responso, to tylko przynosząc, że Smolenszczanie ani wierzyć chcą temu, że by sam K. J. Mść ciągnął. O panu Żołkiewskim, o panu Kanclerzu Litewskim wiedzą, a yż się starać się obiecują, iakoby naszym y napatrzyć się Smolenska nie dali; gdy przed się iuż po iakiey takiey odprawie upominał się responsum, ponieważ z listami do nich, ad omnes ordines, przy—

---

[1] Въ подлинникѣ, на этомъ мѣстѣ, сдѣлана помѣта: *Koniuszyih zwyczay*.
[2] Въ подлинникѣ, на этомъ мѣстѣ, сдѣлана помѣта: *Krasna*.

iachał, z fukiem roskazali mu iachać, pogroziwszy[1] mu, gdźie się bawic dłużey będziesz, utopieniem.

26. Dwie mileśmy uiachali; tu odesłano dwu więzniów Moskiewskich, czernca iednego y boiara, poymanych przez ludzie pana Przemyskiego pod samym Smolenskiem, których tamże zaraz odbic się kusiła Moskwa, sciąwszy się z naszemi bez wszelakiey strzelby, ale nie mogli, bo naszy ych wsparli y potłukli, dziwuiąc się nie po mału temu, że z zamku y razu na nie nic strzelono; nomen loci Kozmina.

27. Drogiśmy mieli tylko mile po obiedzie.

28. Stalismy na mieyscu tymże, gdzie listy saszli ku J. M. z Wilna, w których piszą, iż in Livonia Szwedowie na naszych oboz uderzyli, gdzie s przodku szczęscie ym służiło, ale potym zaś nostri, recollectis viribus, trzech set Szwedow zabili, dwiescie poranili y pana woiewodzica Wileńskiego Radziwiła, także p. rotmistrza Wala, których było iuż poymano i przez dwie godzinie zatrzymano, odbili; zowią to mieysce Dziedowa dzierewnia.

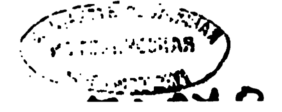
29. Do wsi, którą zowią Łubna, przyiachalismy; tu wiadomość przyszła, że Smoleńszczanie obiesili Moskwicina, od naszych posłanego do nich, aby sprawę dał, że y Król Jego Mść sam osobą swą ciągnie y woysko iest potężne, zaś y tho, że przedmiescie, a zwłaszcza od nas, palić poczeli.

30. We wsi, ktorą zowią Jesienna, bylismy na noc, mile od Smolenska; nasi poymali znacznego Moskwicina, dobrze y kosztownie ubranego, z szablą, srebrną okowaną, u horodniczego Smolenskiego, pod którym koń dobry z rędem srebrnym, chłopa tak bucznego, że w ręku naszych iuż będąc śmiał to przed naszemi mówić: żeby Moskwa takich ludzi, iako on sam iest, miała dziesięc tysięcy, kusiła by się pewnie o Polaki, by ich było 30 albo 40 tysięcy. Czernca przed tym poymanego od naszych, który K. J. M. widział, wyprawił P. Hetman z listem otworzystym do Smolenczan, którego potym nazad nie odesłano.

OCTOBER.

1. Krol Jego Mść do monastyrow puł mili niewielkie od zamku Smolenskiego przyiachał cum[2] tota gente; między temi monasterami

[1] Въ подл. pogroziłszy.
[2] Въ подлинникѣ con.

położylismy się obozem wszyscy w namieciech, propter vim tamen frigoris et tempestatum monastery tak byli rospisane:

1. Sanctissimae Trinitatis dla K. J. Mści.
2. Co go zowią Hlebowicz, dla Pana Hetmana Corunnego. [1]
3. S. Michaelis spustoszony, dla pana Przemyskiego.
4. Salvatoris, albo iak Moskwa go zowie, Spasa, dla Pana Kanclerza Lith. Przed przyiazdem Krolewskim, P. Hetman rano słał pana Przemyskiego z Smolenszczany tractować, ale się deklarowali, że dedicionem non facient, seque efecturos, ne simus diuturni arcis spectatores. Prawie pod ten czas gdy Krol J. Mść, do namiotu swego przyieżdzał, co była hora prima post meridiem, za- 2
palili Smolenszczanie miasto, które całą noc gorzało[3].

2. Jego Mść Pan Ludwik Waier z ludzmi swemi przyiachał. Z zamku z działa ugodzono iednego z nich, tak, że zaraz na mieyscu został.

3. Most nad Dnieprzem nasi postawili. Jeden Moskwicin z zamku zaprzedał się do naszych; ten twierdzi, że w zamku tylko 300 praesidiarij. milites, pospolstwa miru gwałt, strzelby, kul, prochu dostatek wielky, ale żywnosci nie wiele.

4. Mostu, nad Dnieprzem postawionego pan Hetman roskazał sztukę nie małą znieść, aby naszi na drugą stronę nie przeieżdzali, ponieważ, dla bespiecznego ych wyieżdzania, siła naszych Moskwa dostawała. Bałabanowa rota quarciana przybyła y xiążęcia Korzeckiego. Orbes militares naszy pleść poczynaią, przy namiecie Królewskim, wszak że przed się o czym ynszym barziey secreto myslą, niż o szanców kopaniu y koszów plecieniu; controversia nie mała, ieżeli voluntary maią być pod Hetmana Coronnego władzą, czyli alium mieć ducem.

[4] Naiaśnieyszego a niezwyciężonego W. Krola Zygmunta III, z łaski Boży Króla Polskiego, W. X[a] Lith., Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Żmuckiego, Yflantskiego, Kiiewskiego, Wołyńskiego, Podolskiego, Podlaskiego, Krola Szwedzkiego, Godzkiego, Wandalskiego,

---

[1] Въ подлинникѣ, послѣ этихъ словъ сдѣлана приписка: *Ss. Borysa Hleba.*

[2] Въ подлинникѣ, на этомъ мѣстѣ, сдѣлана помѣта: *Smolensk zapalona miasto, oraz: 1609, (hora) prima post meridiem.*

[3] Въ подлинникѣ, между строкъ, приписано: *Dom kózdy swoy zapalił, oraz wielkię miastą ogien ogarnoł.*

[4] Въ подлинникѣ, надъ первою строкою этой грамоты, сдѣлана помѣта: *List naszych.*

ynnych wielu sławnych państw y królewstw naiasnieyszego Maiestatu Jego K. Mści,

Od Andrzeia Jwanowicza Sapiehi, woiewody Mscisławskiego, starosty Orczańskiego, dzierżawcy Orańskiego,

W Smoleńsku woiewodzie, Smolenskiemu, Michału Borisowiczowi Seynu. Daię tobie wiadomość, woiewodo Smolensky, yż Jego Królewska Mość, pan nasz mściwy, z łaski Bożey, w dobrym zdrowiu przyiachał do Orszy wrzesnia 4 dnia. A iam przed tym pisał do ciebie, woiewodo Smolensky, sierpnia 25 dnia, o wielkiey łasce naiasnieyszego Maiestatu J. K. Mści, pana naszego mściwego, coś ty sam, woiewodo Smolensky, z tego listu zrozumiał tak wielką łaskę y wielką miłość pana naszego m° przeciw wam pokazaną, a ty, woiewodo Smolensky, na to pisanie nices nie odpisał y posłancow mych z niczymeś do mnie odprawił. A teraznieyszego czasu doszło mie wiedzieć iakoby niektórzy ludzie swowolni Króla, pana naszego, na granicy mieszkaiący, w ziemi y powiecie Smolenskim krzywdy nieiakie poczynic mieli, co iesliby takie bezprawie od ludzi powiatu Orszańskiego ludziem przysadu Smolenskiego stało się, ty byś mi o tym wszytkim, woiewodo Smolensky, oznaymił, a ia, zrozumiawszy s pisania twego, tegoż czasu oznaymił bych naiasnieyszemu Maiestatowi J. K. M., a na kim by się z ludzi K. pana naszego m° takowe złe sprawy poiawiły, zarazem z takiego sprawiedliwość skuteczna stanie się ludziom ukrzywdzonym powiatu Smolenskiego, ty byś mi o tym wszytkim pod przysięgą w rychle wiadomego uszynił, a posłanców byś moich nie zatrzymywaiąc, czasu tego do mnie odprawił. Pisan w Orszy, roku od Narodzenia Syna Bożego 1609, miesiąca wrzesnia, 6 dnia.

[1] Z łaski Bożey Wielkiego Hospodara, Cara y Wielkiego Kniazia Wasila Jwanowicza, wszytkiey Rusi Samodzierżawcy, Włodzimirskiego, Moskiewskiego, Nowogrodzkiego,Cara Kazanskiego, Cara Astrahanskiego, Cara Szywirskiego, Hospodara Pskowskiego y Wielkiego Kniazia Smolenskiego, Bolisorskiego, ynnych Hospodara y Wielkiego Kniazia Nowohroda Nizowskiey ziemie, Czernichowskiego, Rizanskiego, Rostowskiego, Jarosławskiego, Białozierskiego, Udorskiego, Obdorskiego, Kondynskiego y wszytkiey Siewierney strony porywcze, Hospodara Siwierskiey ziemie, Kartaihimskich y Krużymskich carow, y Kabardin-

---

[1] Въ подлинникѣ, надъ первою строкою этой грамоты, сдѣлана помѣта: *List Seiyna Woiewody Smolenskiego.*

skiey ziemie, Czerkaskich y Chorskich kniazi, ynnych wielu hospodarstw hospodara iednowłasce iego Carskiego Wielicestwa od starszyny[1], y woiewody y namiesnika Smolenskiego, Michała Borysowicza Seyna, w Orszy Orszanskiemu staroscie Jendrzeiowi Jwanowiczowi Sapizie. Sierpnia dnia 22, pisałes ty ku mnie w liscie swym z posłancy swemi z Pawlikiem Polezonym, że hospodar wasz Zigmunt Król do Orszy przyiachał, y którzy hospodara waszego ludzie wolni na granicy Smolenskiey wszędzie krzywdy poczynili, y mnie ty o tym wiadomego tobie uczynic. Y iam k tobie przed tym pisał nie po ieden kroć, kiedy u Wielkiego Hospodara naszego, Cara y Wielkiego Kniazia Wasila Jwanowicza, wszytkiey Rusi Samodzierżawcy, na Moskwie byli Krola waszego posłowie: Mikolay Olesznicky y Alexander Gąsiewsky, y hońcowie, Stanislaw Witowsky y Kniaz Jan Sokolinsky, y postanowili miedzy wielkim hospodarem waczym, Zigmuntem Krolem, y miedzy ych wielkiemi hospodarstwy, przymierze i pokoy przymiernemi listami y chrosnym całowaniem utwierdzili na tym, co było: przymiernego lata rozerwania y woyny nikomu nie wszczynać, a którzy hospodarza naszego w hospodarstwie ludzie hospodara waszego z pany y rotmistrzy, z wielą Polskich y Litewskich ludzi, z impostorem ziemie hospodara naszego pustoszą, krew Krzescianską przeliwaią, y tych było wszytkich ludzi, po wszelkiemu postanowieniu, y z wielkiego hospodara naszego hospodarstw hospodarowi waszemu Zigmuntowi Królowi wywieść, y w przód przymierne lata u hospodara waszego hospodarstw woiennym obyczaiem nikogo nie przepuszczać, y oszustow, którzy zdradzieckim obyczaiem nazywaią się wielkich hospodarow dziełom, nie dzierżąć, żadnym spomożeniem nie wspomagać. Y po tym poselskim postanowieniu y utwierdzeniu, Polscy y Litewscy ludzie y po te czasy u hospodara naszego w hospodarstwie krew Krzescianską przeliwaią y ziemie hospodara naszego pustoszą, y ty byś ym, Andrzeiu Jwanowiczu, hospodarowi swemu, Zigmuntowi Krolowi, y panom Radzie, o tym mówił, yż hospodar wasz, Zigmunt Król, po poselskiemu postanowieniu, przymiernego postanowienia z hospodarem naszym naruszać nie kazał, y w przymierne lata woyny y raty nie wszczynał. A ktorży hospodara waszego Królewscy ludzie w ziemi hospodara naszego krew Krzescianską przeliwaią, y tych by ludzi Król, po poselskiemu postanowieniu, z ziemię hospodara na-

[1] Въ подл. znarszyna.

naszego wywieść precz, y w przymierne lata, woiennym obyczaiem w ziemie hospodara naszego żadnego człowieka przepuszczać nie kazał, żeby krwie Chrzescianskiey, prze pocołowanie chrzesta, nie przeliwał y dobrego dzieła miedzy hospodarem y miedzy hospodarstwy nie naruszył. A co i ty przed tym w liscie swym pisał o Królewskim przysciu, że hospodar wasz Król ydzie dla dobrego dzieła y dla tego, aby krew Krzescianską uiął, y tylko będzie Krolewsky chod w Hospodara naszego ziemie przez poselską umowę y przez Chrzestne całowanie, y to będzie więtszy smętek miedzy hospodary y hospodarstwy, y krew Krzescianska przysciem Krolewskim nie usmierzy się; a uiąc hospodarowi waszemu krew Krzescianską tym, że po posolskim postanowieniu Polskich y Lith. ludzi, którzy z oszustem krew Chrzescianską przeliwaią y hospodara naszego ziemie pustoszą, karać ych y z ziemie hospodara naszego wywieść precz, y tym krew Chrzescianska uymie się. A posłańców twoich odprawiłem k tobie, a nie zatrzymalem. Pisan w Wielkiego Hospodara naszego, Jego Carskiey Mosci oyczyznie, w Smolensku, roku 1609, die 22 Aug.

5 dnia, z niedzieli na poniedziałek, petardę przyprawiono do bramy, która bramę była wysadziła, lecz hayducy Królewscy nie chcieli nacierać, daiąc sprawę, że ym rotmistrz nie kazał, za czym okazy piękney zaniechali.

6 dnia, s poniedziałku na wtorek, pan Waier s piechotą swą, to iest z Niemcami, szance Moskiewskie, które byli poczynili pód zamkięm, przy murze słabym, popalił y pod parą dział koła podpalano i prochi poodymowano.

7 dnia ku dniowi koło switania, kusił się pan Jan Waier z piechotą także swoią Niemiecką most Moskiewsky przy zamku zapalić, ale się nie nadarzyło, bo odstrzelono ych z zamku. Z Niemcow tylko wszakże dway zabici; Moskwy legło nie mało. Pan woiewodzic Brzesky z rotą swoią grzeczną, w którey sto koni, przybył.

8. Nowina o porażeniu Szwedow w Yflanciech pisana iest z Wilna przez kozaka, że P. Hetman Lith., ostrzelawszy Szwedy od obozu swego, na ktory oni w nocy uderzyli, puscił się po nich dogoniwszy w Parnawy, y oboz ych osiadł z działmi, które iedno tam były, y ubił Szwedów do osmi set tylko, bo drudzy prędko barzo uciekali, aż y Mansweld, sam Hetman, na błota iakies padł, gdzie go trudno było dostać. W tych że lisciech to piszą, że dwiescie Angelczykow od Manswelda do naszych się zaprzedali.

Sami nasi intus poczynaią kopać po tey stronie zamku, gdzie pan Jan Waier blokawz Moskiewsky spalił, bo tam naysłabszy mur zamkowy; naszych Moskwa siła nie mal na każdy dzień dostawa(ła), s tych zwłaszcza, co dla żywnosci zaiezdzaią, a tyż nie dziw, bo w nieprzyacielskiey ziemi tak własnie bespieczno, iako w domu własnym, wyiezdzaią. Suspectum to barzo naczym, że Moskwy wczorayszego dnia z zamku do 400 koni wyiachało; czuwaią wszakże na nie, aby ie kędy zdybać mogli, bo obawiaią się, żeby to wyiechanie ych nie było dla wprowadzenia w zamek posiłkow iakich. J. M. Pan woiewoda Brasławsky iuż u zamku samego z niemałą garżcią ludzi podsadził się dla straży, aby iakie posiłki, bądz to żywnoscią, bądz ludzmi, do zamku wprowadzone nie były. Straży naszey sto koni Moskwa godziną przed wieczorem pogromiła turpiter barzo.

9. Prawie gdy dnieć poczynało tentarunt nostri expugnationem turris castrensis, dla którey ani aggeres smiele extruere, ani aditum do zamku oblężenia mieć, ani fossas ducere mogli, strzelaiąc ogromnie y często do niey z dział burzących, hostis interim nullos quasi tormentorum ictus in nostros dirigebat, licet antea creberrimas quotidie in omnes partes solitus fuerit iaculationes facere. Ale y tey wieże expugnatia nie na pociechę wyszła, bo mało iey co napsowali, a propter frequentem et ex brevibus intervallis tormentorum exonerationem, dwa dzieła burzące, a prawie co przednieysze, rospadły się. K. J. M., post meridiem, iezdził te szance widzieć, s których do wieże strzelono. Kozacy przybyli, przez te posły, których s posrodka siebie do namiotu Krolewskiego wyprawili, y o swym przybyciu dali znać, y ofiarowali się służyc ad regium arbitrium. Pan Ludwik Waier z ludzmi swemi, pod zamkiem samym, także położył się, aby auxilia iakie w zamek wprowadzone nie były y bydła rogatego gwałt wielky, hosti obsesso, zabrał w wieczor.

10. Poniechawszy strzelania do wieży, J°. M. pan marszałek Lithewsky samże, poczyniwszy też indziey, z nich [1] cały dzień petebat tormentis aedes castrenses. Nowina, sed sine certo auctore, po obozie, iakoby Susky Turcica et Scithica advocaret auxilia, daiąc znać do Porty o przyiachaniu Krolewskim pod Smolensk, animo totius occupandae Moskoviae, y upewniaiąc, że osiedzili Moskwę, y o Tureckie Imperium kusic się za czasem będzie.

---

[1] Въ рукописи: z sniech.

11. Pontem hostilem w zamku nasi spalili, ale przy tym czterech haydukow postrzelono, trzech xiążęcia Krisztofa, a czwartego p. starosty Sądackiego, bo yz zamku z dział na naszych w ten czas strzelono y Moskwa z muszkietami wypadła była mostu bronić, którey tey nie mało naszy postrzelali, poranili y pozabiiali, a też to dabatur vitio nostris, że nie w nocy, ale we dnie most ten zapalili.

12. Z miasteczka, które zowią Biała, niedaleko od Smoleńska, kusiło się sześć Moskwicinow do zamku wniść pode mgłą. Nasi choć ie zoczyli, rozumieiąc że swoi, dali ym chwile dobrą pokoy, aż obaczywszy, że na most do zamku zniesiony uchodząc, dosc spiesznie po nich się puscili, w tym dway wpław, drugich pogromiono, a iednego poymano y do pana Hetmana odesłano. Pan Kiszka poczet swoy pokazował, P. starosta Liwsky także; Pan Struś też z swymi ludzmi tego dnia przybył.

13. Arx muta, ne semel quidem tota die tormento intonuit. D. marsalcus Lituaniae praefectus tormentorum declaratus; cujus jussu pars eorum in eminentiorem locum e regione arcis devecta, dumque exonerarentur, flamma tectis castrensibus iniecta, attamen ab hoste extincta. D. Cancelarius Lituaniae ad mercatores, intus in arce existentes, penes quos sumam esse rerum rasitini (?) referebant, mittit literas, ut deditionem potius quam defensionem ipsi et cogitent et alijs persuadeant.

14. Ex castris nostris mercator Vilnensis mittitur ad tractandum cum aliis castrensibus mercatoribus. Arx aeque atque heri muta. Umyslili byli naszy ogniste kule w zamek w nocy puszczać i podkop czynić, ale pan Hetman w samy wieczor posłał do nich, aby wszytkiego zaniechali, daiąc znać, że Moskwa posłali do niego z zamku prosić, aby, zaniechawszy strzelania wszelakiego, do tractatów z nimi przystępowano, y takci quieti nostri esse ceperunt. Wrócił się posłaniec pana Kanclerza Lith.; ten choc responsu żadnego ab hoste nie przyniosł, przed się powiedział, że w dzięcznie był przyięty y do zamku wpuszczony; pytany, iesli Król J. M. pewnie swoią osobą in castris iest, nie kto ynny na iego mieyscu, y czemu nasi s tych pukawek nie strzelaią wielkich, któremi się kusili przed tym o zniesienie wieże zamkowey. W tym tylko bravarią znać bylo Moskewską, że onemu posłancowi w ziemię tylko kazali patrzać, nie chcąc, ze by się zamkowi przypatrował.

15. J. M. pan Ludwik Waier poymał przede dniem dwu więzniow znacznych, z ktorych wyrozumial, że i populus wszystek w zamku y Boiarowie deditionem chcą koniecznie uczynić, opierasię tylko woiewoda z popami y ze trzema kupcami bogatemi [1].

J iam tam z razu był, y na to wszystko patrzał. Samuel Bielski m. p.

Na woyska 40 tysięcy licentia była dana z Rzymu, że wolno było nie poscic, co mieli, to iedli w koždy post y w piątek, iako kto mogł y chciał; a xięža ieśč kazali z skromem.

Tą my z panem Witebskim wyszli z szkoł, loikę porzuciwszy pod x. Gruszewskim w Wilnie, 1608 d. 24 7-bris.

---

[1] [illegible]

ИНСТРУКЦІЯ

Благородному

САМУЕЛУ ГРУШЕЦКОМУ,

СЕКРЕТАРЮ ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

Посланнику при Свѣтлѣйшемъ Королѣ Государства Испанскаго и обѣихъ Индій,

данная въ Варшавѣ, въ 10-й день Апрѣля мѣсяца, 1612 г.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

По опредѣленію Общества. Ноября 29-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одной изъ книгъ Коронной Метрики, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ подъ № XXVIII *, находится нѣсколько грамотъ и инструкцій Короля Польскаго, Сигизмунда III, принадлежащихъ къ 1612-му году, столь замѣчательному и памятному въ нашей исторіи. Между ними, въ послѣднемъ отношеніи, отличается въ особенности своимъ интересомъ инструкція, данная Королемъ 16-го Апрѣля Секретарю его, Самуилу Грушецкому, при отправленіи его посланникомъ къ Испанскому Королю, Филиппу III, которую мы и предлагаемъ здѣсь читателямъ. Конечно, всякій, кто познакомится съ этой инструкціей, согласится съ нами, что она вообще, по излагаемымъ въ ней фактамъ, заслуживаетъ полное вниманіе, и потому мы считаемъ долгомъ указать преимущественно только на тѣ выраженія, которыя, сквозь оболочку пышной рѣчи, предписываемой посланнику Сигизмундомъ касательно побѣдъ его въ

---

* Рукопись эта скорописная, XVII вѣка, на Латинскомъ и Польскомъ языкахъ, на 400 листахъ. Переплетъ современный, въ пергаминъ, на корнѣ коего видна слѣдующая старинная надпись: Scripta de publicis negotiis No 6; на верхней doскѣ краснымъ карандашемъ выставленъ No 29.

На форисѣ передъ книгою слѣдующая новая помѣта: Publica Negotia; пониже: Instrukcye Posłom, tudzież Listy do róźnych osób od 1596; внизу No 4, а внизу слѣдующаго листа No 9.

На первомъ листѣ, въ вычурной заставкѣ, сдѣланной отъ руки, находится слѣдующее, современное, заглавіе книги: Scripta de publicis Negotiis, tam externis, quam internis, Cancellariatu reverendissimi in Christo Patris, D. Laurentii, Episcopi Vladislaviensis et Pom. Regni Cancellarii, ab Anno MDCVIIII ad Annum MDCXII. Здѣсь писаны акты по сношеніямъ Польши съ Бранденбургомъ, Даніею, Пруссіею, Римомъ, Венгріею, Богеміею, Молдавіею, и другими Державами, съ 1608 по 1612 годъ.

Россіи, обнаруживаютъ, однако, весьма ясно, съ одной стороны, подлинныя отношенія Поляковъ къ Лжедимитрію, а съ другой настоящее состояніе, въ какомъ они находились въ то самое время, когда писана инструкція. Здѣсь Король сознается, что Поляки помогали Лжедимитрію, будучи, впрочемъ, увѣрены въ незаконности его дѣйствій и требованій; сознается, что его завоеванія въ Московіи не имѣютъ прочнаго успѣха, и, въ заключеніе, подъ вліяніемъ страха, внушаемаго ему и Русскими и Турками, обращается къ Испанскому Королю съ просьбою о присылкѣ ему денежнаго вспоможенія, „для поддержанія Христіанства."—Вотъ, безъ всякаго сомнѣнія, факты, по многимъ отношеніямъ весьма любопытные и замѣчательные!

Печатаемая нами инструкція, какъ въ переводѣ, такъ и въ подлинникѣ, на Латинскомъ языкѣ, передается со всею возможною точностію; но въ отношеніи къ послѣднему мы должны еще замѣтить, что въ словахъ, писанныхъ сокращенно, сдѣланы необходимыя дополненія, для облегченія читателей, знаки же препинанія разставлены по соображенію смысла.

Д. Ч. К. М. Оболенскій.

ИНСТРУКЦІЯ САМУИЛУ ГРУШЕЦКОМУ.

Посланникъ нашъ, послѣ прибытія своего къ Свѣтлѣйшему Королю Испанскому, изъявивъ привѣтствіе и засвидѣтельствовавъ нашу любовь и уваженіе къ Свѣтлѣйшему Католическому Величеству въ приличныхъ сему дѣлу словахъ, принесетъ поздравленіе его Величеству съ добрымъ здравіемъ, полнымъ успѣхомъ въ дѣлахъ, мирнымъ правленіемъ пространнѣйшими Государствами и, отдавъ нашу грамоту, имѣетъ произнести слѣдующее:

Всякій, даже посредственнаго ума человѣкъ, понимаетъ, что дружбою и союзомъ Государей, которымъ Верховный Владѣтель міра назначилъ быть правителями народовъ, поддерживаются всѣ дѣла человѣческія, сохраняется общественный миръ и спокойствіе.

Такъ какъ дружба сія между предками его Королевскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего Государя, и Августѣйшимъ Австрійскимъ Домомъ, равно какъ покойными Католическими Королями Испанскими и Индійскими, предшественниками Вашего Величества, всегда была тѣснѣйшая и притомъ освящена и утверждена многими родственными связями, то не напрасно его Королевское Величество всегда считалъ нужнымъ стараться о томъ, чтобъ ее сохранять и поддерживать новыми услугами. Но какъ права дружбы требуютъ, чтобы тѣ, которые взаимно соединены ею, считали для себя общими счастіе и несчастіе, то и его Королевскому Величеству весьма пріятно было то благорасположеніе Вашего Величества, которое Вы изъявили чрезъ посланника Вашего, знатнаго сановника, Авраама Барона Донавскаго, поздравляя съ благополучнымъ возвращеніемъ по успѣшномъ окончаніи дѣлъ въ Московіи и съ одержанными тамъ побѣдами. Его Королевское Величество признаетъ, что ни чрезмѣрная отдаленность, ни разнообразіе заботъ, которыя обременяютъ Ваше Величество при управленіи столь многими Государствами и областями, не могли воспрепятствовать изъявленію отмѣнной любви и преданности къ его Королевскому Величеству, Государю моему. Онъ принимаетъ это за вожделѣнный плодъ дружбы и считаетъ за величайшее одолженіе. Въ свою очередь, Его Королевское Величество удрученъ тягчайшею скорбію по причинѣ смерти Свѣтлѣйшей и всякой памяти достойной Королевы Испанской, супруги Вашего Величества. Онъ душевно сѣтуетъ, что преждевременный рокъ похитилъ Государыню, соединенную съ нимъ тѣснѣйшими узами крови, не только у Вашего Величества и любезнѣйшихъ дѣтей Вашихъ, но и у всѣхъ, въ родствѣ съ нею находившихся, а равно и Ваше Величество, любезнѣйшаго его брата и родственника, поразилъ неожиданною скорбію и горестію. Но онъ не сомнѣваст-

ся, что Свѣтлѣйшая Королева, окончивъ сію бренную жизнь, въ вѣчномъ блаженствѣ наслаждается плодами своей непорочности и благочестія. Мы же должны благоразумно переносить потерю тѣхъ, которые, хотя не пользовались долголѣтнею жизнію, однако памятью о своихъ добродѣтеляхъ живутъ и здѣсь въ потомствѣ, и, что еще болѣе желательно, наслѣдовали вѣчную славу. Сверхъ того, Ваше Величество имѣете прекрасное утѣшеніе въ скорби, общихъ вашихъ дѣтей, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ и вожделѣнный плодъ столь славнаго супружества; самое присутствіе ихъ и извѣстныя и подающія большую надежду дарованія могутъ быть достаточны, чтобы уничтожить всякую печаль. Противиться Божіей волѣ запрещаетъ Христіанское благочестіе, а Онъ столь милосердъ, что какъ скоро наноситъ какую-либо рану, то исцѣляетъ тотчасъ недугъ и еще усугубляетъ счастіе. И такъ, мой Свѣтлѣйшій Король молитъ отъ всего сердца, чтобы Онъ вознаградилъ семейную утрату благополучнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ и даровалъ бы Вашему Величеству спокойное и мирное состояніе Государствъ, увеличеніе славы, а наконецъ продолжительное и крѣпкое здравіе. И сего не только желаетъ и проситъ отъ Бога Его Королевское Величество, Государь мой, но и самъ такъ расположенъ, что, для охраненія или умноженія славы и счастія Вашего Величества, готовъ охотно, ежели то нужно будетъ, употребить всѣ свои силы. Такъ много, по его мнѣнію, зависитъ спокойствіе и безопасность Христіанскихъ Государствъ отъ благополучія Вашего Величества. Не стану тратить много словъ, выражая величайшую любовь Его Королевскаго Величества къ Вашему Величеству, ибо по самымъ узамъ родства легко уже судить, какое благорасположеніе имѣетъ Его Королевское Величество къ Вашему Величеству, и какого желаетъ Вамъ счастія. Я оканчиваю свою рѣчь, чтобы не быть въ тягость Вашему Величеству; что же касается до прочихъ повелѣній, данныхъ мнѣ Свѣтлѣйшимъ моимъ Государемъ, я выскажу ихъ тогда, когда получу приказаніе отъ Вашего Величества.

Потомъ, получивъ позволеніе на частную аудіенцію, будетъ говорить о дѣлахъ, относящихся до Московіи, о причинахъ предпринятой съ нею войны и объ успѣхѣ оной слѣдующимъ образомъ:

Желаніе Его Королевскаго Величества, Короля Польскаго и Шведскаго, Государя моего Всемилостивѣйшаго, когда онъ предпринималъ тяжкую, и затруднительную и всѣмъ Христіанскимъ Державамъ полезную, для безопасности же его владѣній необходимую, войну съ Московіею, было таково, чтобы, прежде всего, дать знать объ этомъ и сообщить намѣреніе свое Вашему Величеству, какъ ближайшему по родству Монарху. Хотя ему извѣстно было, что Ваше Величество весьма удалены отъ тѣхъ странъ, и потому, кажется, малое имѣютъ отношеніе къ Государствамъ Вашего Величества дѣла, происходящія на Сѣверѣ Христіанскаго міра, однако, поелику владѣнія Вашего Величества такъ обширны, что не можетъ произойти переворота ни въ одномъ Европейскомъ Государствѣ и вообще какой либо перемѣны въ Европѣ безъ отношенія къ Государствамъ Вашего Величества, а дѣло, предпринятое Его Королевскимъ Величествомъ, первою и главнѣйшею цѣлью имѣетъ распространеніе Католической Вѣры, посредствомъ которой блаженной памяти предки Вашего Величества на

[illegible]вѣки прославили свое имя, и славу сію, по праву наслѣдства, передали Вашему Величеству, то Его Королевское Величество не хотѣлъ скрывать отъ Вашего Величества свое намѣреніе и рѣшеніе, ибо онъ зналъ, что Ваше Величество, по примѣру въ Бозѣ почивающихъ предковъ, на сіе дѣло употребляете всѣ заботы и всѣ помышленія свои, и не сомнѣвался, что и настоящія его предпріятія, происходящія изъ того же духа, Ваше Величество весьма одобрите. Его Королевское Величество сдѣлалъ бы это гораздо прежде, если бы двухгодовая его экспедиція, а по возвращеніи многотрудныя занятія дѣлами Государственными не воспрепятствовали въ семъ Его Королевскому Величеству. Равнымъ образомъ онъ думалъ, что ни съ Его, ни съ Вашего Величества достоинствомъ несообразно сообщить Вашему Величеству что либо сомнительное о такихъ дѣлахъ, которыя, при перемѣнѣ счастія, склонялись то на ту, то на другую сторону. Теперь же, поелику, по Божіей милости, сдѣланъ огромный успѣхъ, внесено оружіе въ самыя нѣдра Московіи, открытъ свободный доступъ для дѣйствій, свержены и покорены Самозванцы и незаконные хищники этого Государства, и дѣло пришло въ такое состояніе, что нужно поощрять начинанія Его Королевскаго Величества и продолжать войну съ большими силами, онъ счелъ за нужное искренно открыть Вашему Величеству, чего онъ ожидалъ съ самаго начала и какое его настоящее намѣреніе, равнымъ образомъ, по какому праву и по какимъ причинамъ онъ внесъ оружіе въ этѣ страны, для того, чтобы Ваше Величество, разсмотрѣвъ справедливость дѣла, тѣмъ съ бо́льшею охотою благопріятствовали лучшимъ стараніямъ Его Королевскаго Величества и не захотѣли бы оставить безъ пособія въ общемъ дѣлѣ Государя, Вамъ самаго близкаго, защищающаго и распространяющаго Христіанство. Этѣ обширнѣйшія Сѣверныя страны, хотя населены народами, родственными Полякамъ по языку и происхожденію и называющимися Христіанами, но, не смотря на то, или по суровости климата, или по волѣ ихъ Государей, которые ни о чемъ больше не заботились, лишь бы безнаказанно пользоваться деспотизмомъ, всегда были весьма чужды образованности и кротости нравовъ. Люди звѣрскіе и невѣжественные, напитанные Греческою Вѣрою, или, лучше сказать, суевѣріемъ, которую они устами и дѣлами исповѣдуютъ, и въ соблюденіи своихъ договоровъ сохраняютъ ту же Греческую Вѣру! Они-то, съ предками Его Королевскаго Величества, Королями Польскими, за шесть сотъ лѣтъ назадъ и болѣе, когда не имѣли другаго названія, кромѣ Руссовъ, вели тяжкія и продолжительныя войны, и будучи часто побѣждаемы и разбиваемы, никогда не могли примириться, ибо этотъ народъ, преданный расколу, преслѣдовалъ Латинцевъ (такъ они называютъ Католиковъ) по какой-то врожденной ненависти; и хотя ихъ Государи соединены были многими родственными союзами съ Королями Польскими, а блаженной памяти Ягайло, родившійся отъ Русской матери, женился также на Русской, единственной дочери Князя, и отъ нея произошло то поколѣніе, которое впослѣдствіи распространило домъ Ягайловъ, не смотря на то, когда онъ, по праву наслѣдства, искалъ для своихъ потомковъ этого Государства, они не могли удержаться въ предѣлахъ долга; да и еще въ то самое время изъ тем-

ныхъ началъ возникшее Московское Государство, когда люди того же происхожденія переходили въ подданство новаго Государя, вскорѣ такъ возрасло, что весь Христіанскій міръ удивился, и даже устрашились Магометане, и долгое время было тягостно для сосѣднихъ народовъ, особенно же для Королевства Польскаго; однако, послѣ того какъ едва двѣсти лѣтъ владѣли Государи той крови, которые основали Московское Государство, по безпечности Θеодора, который на нашей памяти царствовалъ послѣдній, владѣніе перешло къ Годону *, частному человѣку. Но поелику сей послѣдній не умѣлъ пользоваться столь великимъ счастіемъ, то въ слѣдствіе пустаго страха, что будто бы оживъ Димитрій, котораго онъ тайно умертвилъ въ царствованіе Θеодора, былъ свергнутъ съ престола и оставилъ осиротѣвшее Государство. Ибо и тотъ, который подъ ложнымъименемъ Димитрія, съ помощію Польскихъ войскъ, вторгнулся въ Государство, былъ убитъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, самими Москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ. Въ это время въ Московіи находилось немалое число Поляковъ, которые пришли туда, прельщенные обѣщаніями Лжедимитрія, отчасти для того, чтобы оказать ему воинское пособіе, а отчасти, чтобы проводить къ нему для почести невѣсту его, дочь одного Сенатора, мужа извѣстнаго въ Королевствѣ Польскомъ, и, по видимому, не мало могли способствовать занятію престола. Да и были справедливыя и законныя причины предпринять войну, ибо Москвитяне, убивъ означеннаго Димитрія, взяли подъ стражу также пословъ, отправленныхъ къ нимъ по общему обычаю, и оскорбили весьма многихъ знатныхъ и извѣстныхъ людей, по должности къ нимъ прибывшихъ. Но когда, по избранію народа, нѣкто Шуйскій, бывшій самъ Княжескаго происхожденія, провозглашенъ Государемъ, то Его Королевское Величество рѣшился съ нимъ имѣть дѣло и, по праву народному, требовать возмездія за обиды и рѣшительнаго удовлетворенія. Когда это сдѣлалъ Его Королевское Величество, отправивъ своихъ пословъ, то сей безразсудный человѣкъ, надѣясь на помощь нѣкоторыхъ сосѣднихъ еретическихъ Государей, съ которыми имѣлъ совѣщанія, чуть не заключилъ этихъ пословъ въ оковы, по крайней мѣрѣ продержалъ ихъ болѣе года, и отпустилъ только тогда, когда увидѣлъ, что противъ него готовится война. Эту войну Его Королевское Величество, Государь мой Всемилостивѣйшій, призналъ необходимою для того, во первыхъ, чтобы отмстить недавнія обиды и нарушеніе народнаго права, далѣе, чтобы утвердить оружіемъ древнее право Королевства и наслѣдіе предковъ своихъ, отрасли Ягайловой, и чтобы возвратить области, отнятыя силою и похищенныя обманомъ Князей Московскихъ; эти причины могутъ быть названы частными, а та общею, относящеюся до всего Христіанства Свѣтлѣйшій Государь видѣлъ, что, съ одной стороны, Турки и Татары, а съ другой нѣкоторые еретическіе Государи, и тѣ и другіе враждебные Католическому имени, угрожаютъ еще не окрѣпнувшему и, такъ сказать, беззащитному Государству. Въ войскѣ Шуйскаго находилось нѣсколько тысячь Татаръ, десять или болѣе тысячь еретиковъ, Галловъ, Голландцевъ и Британцевъ, да около тысячи конницы и пѣхоты было въ

* т. е., Годунову.

вспомогательномъ войскѣ, собранномъ тѣми, которые замышляли войти сюда и, составивъ заговоръ противъ Его Королевскаго Величества и Королевства Польскаго, съ варварами, которыми обильна эта Сѣверная страна, хотѣли истребить Католическую Вѣру и положить основаніе еретическому Государству, давъ ему титулъ Царства, который Москвитяне давно уже себѣ присвоиваютъ. Его Королевское Величество, въ намѣреніи противустать имъ, и по приглашенію нѣкоторыхъ первенствующихъ мужей Московскихъ, наскучившихъ войнами и деспотизмомъ Шуйскаго, предпринялъ эту войну и, приведя свое войско къ Смоленску, крѣпости, принадлежавшей нѣкогда Польшѣ, отличающейся величиною и очень хорошо укрѣпленной природою и искусствомъ, въ которой было защитниковъ, какъ извѣстно, не менѣе шестидесяти тысячь, кромѣ того довольно съѣстныхъ припасовъ и всего, что нужно для войны, осадилъ его. Хотя сначала дѣло шло не по желанію Его Королевскаго Величества и осада Смоленска казалась трудною, однако, по безпредѣльному милосердію Божію, твердостію Его Королевскаго Величества и крѣпостію воиновъ, побѣждено упорство непріятеля, и не только Смоленскъ взятъ былъ силою, но и разбито, въ замѣчательномъ сраженіи, многочисленнѣйшее войско, состоявшее изъ людей такого рода, о коихъ я сказалъ выше, и изъ сорока тысячь отборныхъ Москвитянъ, которое Шуйскій отправилъ съ братомъ своимъ, Шуйскимъ, чтобы освободить отъ осады Смоленскъ и внести оружіе въ Польшу. Войско это было разбито одною половиною Королевскаго войска, а другою командовалъ Станиславъ Жолкевскій. Шуйскій побѣжденъ и лишенъ престола, даже крѣпость и столица Московіи занята Королевскими гарнизонами, война внесена въ самыя нѣдра обширнѣйшаго Государства, и тѣ, которые упорно отвергали власть Его Королевскаго Величества, по большей части усмирены, вспомогательныя же войска, присланныя еретиками, побѣждены и выгнаны. Но въ то время, какъ Его Королевское Величество подвигаетъ впередъ столь многотрудное дѣло съ счастливымъ успѣхомъ и съ большими усиліями, безпрестанно появляются новыя препятствія, которыя задерживаютъ стремленіе Его Величества. Во первыхъ, сами Москвитяне, еще не сокрушенные столь многими пораженіями и, при чрезвычайномъ изобиліи людей, готовые къ возмущенію, воспротивляются всѣми силами и, привыкши къ обманщикамъ и вѣроломству, возобновляютъ войны за войнами, что весьма не трудно сдѣлать въ Государствѣ, столь обширномъ и при столь дальнемъ другъ отъ друга разстояніи областей. Далѣе, Турки, которые знаютъ, что Его Королевское Величество сдѣлается для нихъ страшенъ, пріобрѣтя это огромное Государство, и, кромѣ того, еретики, которымъ также, какъ и Туркамъ, очень подозрителенъ и страшенъ союзъ Его Королевскаго Величества съ Вашимъ Католическимъ Величествомъ и Августѣйшимъ Австрійскимъ Домомъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы замедлить исполненіе намѣреній Его Величества. Не довольно было Туркамъ, что они въ предыдущіе годы частыми набѣгами Татаръ безпокоили предѣлы Государства; они и теперь, заключивъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ (какъ носился слухъ, когда я разставался съ Его Королевскимъ Величествомъ) миръ съ Персидскимъ Царемъ, чтобы найти случай начать войну противъ Его Королевскаго Ве-

личества, выгнали Палатина Молдавскаго, Государя, зависѣвшаго отъ Его Королевскаго Величества, и поставили на его мѣсто другаго; кромѣ того Баторія, Князя Трансильванскаго, сумасброднаго, вѣроломно оставившаго Католическую Вѣру, соглашающагося на убѣжденія Турковъ, снабдили своею помощью, обезпечивъ притомъ деньгами человѣка, готоваго на всякое злодѣйство, и впустивъ во владѣнія нашего Государя, чтобы отвлечь его отъ начатаго дѣла или, по крайней мѣрѣ, задержать. И такъ Его Королевское Величество, угнетенный отовсюду столь тяжкою войною и, такъ сказать, связанный злоумышленіями враговъ Католицизма, переноситъ свои заботы и безпокойство къ Вашему Католическому Величеству, какъ ближайшему своему другу, полагаетъ ихъ предъ Вашимъ Величествомъ и заблаговременно возвѣщаетъ, что если (да избавитъ отъ этого Богъ!) какое-нибудь неблагопріятное обстоятельство воспрепятствуетъ его стараніямъ, то дѣло Христіанское будетъ находиться въ величайшей опасности, проникнутъ чрезъ этѣ Сѣверныя пустыни варварскіе народы, а съ ними будутъ въ заговорѣ заклятые враги Католицизма, съ которыми они уже имѣютъ тайныя совѣщанія, и подвергнутъ величайшей опасности Католиковъ. Турки хорошо знаютъ, какъ удобно для Московіи снарядить флотъ и покрыть океанъ кораблями; знаютъ, что изъ нея открыты въ океанъ гавани, наполненныя всякаго рода товарами; что не было доселѣ у Московитянъ способныхъ вождей и наставниковъ, какъ дѣйствовать на сушѣ и на морѣ, въ такомъ народѣ, который по многолюдству неисчислимъ, между тѣмъ какъ весьма многіе Христіанскіе Государи, имѣющіе другой образъ мыслей на счетъ Христіанской Вѣры, не только допускаютъ ниспроверженіе Христіанскаго общества, но даже почти тому помогаютъ, или, по крайней мѣрѣ, смотрятъ па это сквозь пальцы. Его Королевское Величество, не въ слѣдствіе пустыхъ подозрѣній, но по собственному опыту, извѣщаетъ Ваше Величество, что таково убѣжденіе означеннаго непріятеля, и что онъ именно этого хочетъ достигнуть, и потому торжественно обѣщаетъ, если бы, по изволенію Божію, нужно было даже пожертвовать жизнію, и въ такомъ случаѣ не оставить своего долга, но оказать себя достойнымъ своихъ предковъ. Преимущественно же, такъ какъ онъ знаетъ, что Ваше Величество имѣете наиболѣе силы къ охраненію Христіанства, то охотно, переговоривъ о томъ съ Вашимъ Величествомъ, готовъ предпринять то, на что будетъ общее согласіе. Онъ совершенно убѣжденъ, что Ваше Величество, какъ Государь, самый близкій ему по родству и поддерживающій общее дѣло, не оставите его, но, съ равнымъ сочувствіемъ и согласіемъ, приступите къ распространенію и защищенію Христіанства въ этѣхъ отдаленныхъ странахъ, и прогоните его противниковъ; тогда далеко распространится слава Божія и стяжаютъ безсмертіе слава и достоинство Вашихъ Величествъ. Есть у Его Королевскаго Величества, Государя моего, достаточныя силы, есть опытное войско въ Московіи, и готовы уже резервныя войска; но главнаго, что нужно къ поддержанію войны, нѣсколько недостаетъ, потому что вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ онъ содержитъ многочисленное войско, а Королевство не мало потерпѣло отъ внутреннихъ мятежей прошедшаго времени, и собственная казна Его Величества уменьшилась и почти совершенно истощилась. Это обстоятельство весьма затрудняетъ предпринятое

дѣло и не позволяетъ такъ быстро привесть къ желаемому концу, какъ требуетъ того польза Христіанскаго общества. Его Величество знаетъ, что и Ваше Королевское Величество потребляете огромную сумму денегъ на содержаніе охраннаго войска столь многихъ Государствъ, и никогда не хочетъ просить ничего у Вашего Величества, что было бы для Васъ тягостно или безпокойно; однако, по этой взаимной дружелюбной довѣрчивости, какая существуетъ между Вашими Величествами, почелъ долгомъ не скрывать отъ Васъ, въ какомъ состояніи находятся дѣла Московскія и что задерживаетъ счастливое окончаніе этой войны. Ваше Королевское Величество, питая великое благоговѣніе къ Католической Вѣрѣ и по благорасположенію Вашему къ Его Королевскому Величеству, сами разсмотрите, въ состояніи ли Вы оказать какую-нибудь благовременную и необходимую помощь не только Его Королевскому Величеству, но и общему дѣлу Христіанскому. Все сіе Свѣтлѣйшій Король мой отдастъ на произволъ Вашего Королевскаго Величества. Если же что-либо въ этомъ родѣ Ваше Величество сдѣлаете безъ ущерба для себя, то не только онъ самъ и его потомки, связанные узами крови съ дѣтьми Вашего Величества, но и все Христіанское общество весьма много будетъ обязано Вашему Величеству и Вы пріобрѣтете себѣ вѣчное имя за утвержденіе Христіанства.

Неаполитанскія наши дѣла, согласно инструкціи, данной Неаполитанскому нашему послу, которую мы его же обязали переписать ему въ своемъ письмѣ, съ означеніемъ, чего должно требовать, посланникъ предложитъ отъ нашего имени какъ Свѣтлѣйшему Королю Испанскому, такъ и чиновникамъ Его Величества, и какіе рескрипты нужно будетъ выпросить, постарается получить и переслать ихъ къ послу нашему въ Неаполь.

INSTRUCTIO

GENEROSO SAMUELI GRUDZIECKI, S. R. M. AULICO ET SECRETARIO, AD SERENISSIMUM HISPANIARUM INDIARUMQUE REGEM NUNCIO, DATA VARSOVIAE, DIE XVI APRILIS, ANNO MDCXII.

Nuncius noster, posteaquam ad Serenissimum Hispaniarum Regem peruenerit, salutatione et studii officiique nostri erga Serenissimam Catholicam M. testificatione, verbis ad eam rem accomodatis, praemissa, gratulabitur Majestati Suae prosperam valetudinem, felices rerum successus, pacatum amplissimorum Regnorum imperium, literisque nostris redditis, his legationem suam prosequetur verbis.

Principum, quos supremus orbis arbiter populorum moderatores esse voluit, amicitia et coniunctione res humanas contineri, pacemque et tranquillitatem publicam conseruari, nemo, vel mediocri praeditus indicio, qui non intelligat. Ea cum majoribus S. Regiae Majestatis, Domini mei elementissimi, cum Serenissima Austriaca Familia ac Diuis Hispaniarum Indiarumque Catholicis Regibus, Majestatis V. decessoribus, arctissima semper intercesserit, multiplicibusque sancita et confirmata sit necessitudinibus, non immerito in ea conseruanda nouisque officiis tuenda S. Regia M. sibi adnitendum semper putauit. Cum autem amicitiae iura postulent, ut ii, qui illius nexu sibi mutuo deuincti sunt, prospera et aduersa communia censeant, gratissima fuit Regiae Majestati ea Majestatis Vestrae optimae voluntatis significatio, quam, facta per Legatum suum, Illustrem virum Abrahamum, Baronem a Dhonaw, ob felicem, rebus prospere in Moscouia gestis, reditum, partasque isthic victorias, gratulatione, Majestas V. declarauit. Agnoscit Regia M. non locorum immensis spatiis, non curarum, quarum in tot Regnorum atque prouinciarum gubernatione, Majestas V. magna mole premitur, varietate * cursum eximii in M. Regiam, Dominum meum, amoris atque propensionis praeclarae impediri potuisse. Id pro fructu optato amicitiae accipit, et maximi officii habet loco. Vicissim autem granissimo Regia M. affecta est dolore, morte Serenissimae ac omni memoria dignissimae Hispaniarum Reginae, Majestatis V. consortis. Dolet ex animo, quod et Principem, arcta sanguinis necessitudine sibi deuinctam, immaturum fatum, non modo M. Vestrae et illius dulcissimis liberis, verum etiam omnibus, sanguine affinitateque illi coniunctis, abstulit, ac M. Vestram, fratrem, affinemque suum charissimum, luctu insperato perculit et maerore. Serenissimam quidem Reginam, vita hac mortali perfunctam, sanctitatis et pietatis suae fructu in aeterna illa beatudine perfrui non dubitat. Nos vero eorum obitum ferre moderate debemus, qui licet aetatem ad multos annos non produxerint, memoria tamen vitae, per virtutem actae, et hic apud posteritatem vigent, et, quod longe optabilius est, aeterna gloriam sunt consequuti. Habet praeterea Majestas V. eximia leuamenta doloris, communes liberos pignora charissima, et tam Illustris matrimonii fructum optatum, cuius aspe-

---

* *Въ подлинникѣ:* varietatem.

ctus ipse et spectata sperataque indoles ad eximendam omnem animo tristitiam potest sufficere. Quid quod diuinae voluntati reluctari, Christiana pietas prohibet, ille autem ita benignus est, ut posteaquam vulnus aliquod inflixerit, cito plagam sanet, felicitate cumulata. Is igitur ut domesticam iacturam prosperrimis rerum omnium successibus rependat, tranquillum pacatumque Regnorum statum, gloriae incrementa, diuturnam denique felicemque valetudinem Majestati V. largiatur, Serenissimus Rex meus ex animo precatur. Quod quidem non modo votis et precationibus Majestas Regia, Dominus meus concipit, verum etiam ita animo comparata est, ut sua omnia ad Majestatis V. gloriam ac felicitatem, siue propugnandam, siue amplificandam, alacriter, si quando usu venerit, sit collatura. Ita enim statuit florentem M. Vestrae statum multum ad Christianae Reipublicae amplitudinem tuendam sustentandamque pertinere. Neque vero multis verbis mihi de summo Majestatis Regiae erga S. M. V. studio agendum censeo, cum ex ipsa sanguinis communione facile sit iudicare, quanta beneuolentia M. Regia in M. Vestram incensa sit, quantamque illi prosperitatem optet et cupiat. Finem iam dicendi facio, ne Majestati V. prolixiori sermone sim molestus. Caetera, quae a Serenissimo Rege meo mandata habeo, tum cum a M. V. mandatum fuerit, expositurus.

Priuatae deinde audientiae copiam nactus, de gestis in Moscouia rebus, deque causis eius belli atque progressu in eam sententiam verba faciet:

Fuit ea S. R. Maiestatis Poloniae Sueciaeque Regis, Domini mei Clementissmi, mens et voluntas, ut cum grave et arduum atque uniuersae Reipublicae Christianae iuuandae accomodatum, ad tranquillitatem vero suarum ditionum, necessarium Moscouiticum bellum susciperet, de ea re inprimis ad M. Vestram, coniunctissimum sibi Principem, referret atque consilia communicaret. Etsi enim non ignoraret, M. Vestram ab illis regionibus longe esse dissitam ac propterea non multum ad rationes Majestatis V. Regnorum pertinere posse videri, quid in Septentrionali illa orbis Christiani plaga geratur, tamen cum M. Vestrae imperium ita late pateat, ut nulla fere in Europa alicuius Regni conuersio rerumque mutatio accidere possit, quin ea quoque statum et tranquillitatem Regnorum Majestatis V. attingat, et susceptum a Regia M. negotium primum et praecipuum finem religionis Catholicae propagationem, qua Diui Majestatis V. maiores aeternam nomini suo gloriam pepererunt, eamque haereditario iure ad M. Vestram transmiserunt, propositum habeat, non existimabat Majestas Regia celandum esse Majestati Vestrae consilium institutumque suum, in quo Majestatem V., Diuorum maiorum exemplo, curas cogitationesque suas defixisse non ignoraret, neque dubitaret conatus etiam hosce, ab eadem mente profectos, Majestatem V. vel maxime probaturam. Ac fecisset id iam antea Regia M., nisi cum ipsa biennalis expeditio, tum etiam post reditum ab ea difficillimae publicae Regni occupationes Majestatem Regiam praepediuissent. Neque vero existimabat aut Suae, aut Majestatis V. fuisse dignitatis de iis rebus, quae, variante fortuna, nunc in hanc, nunc in illam partem inclinabant, incerti aliquid ad M. V. referre. Nunc, diuina benignitate, facto insigni progressu, illatis in ipsa Moscouiae penetralia armis, amplissimo ad res gerendas patefacto aditu, deiectis et in potestatem redactis Impostoribus et iniustis Imperii illius inuasoribus, cum in eum statum res deducta sit, ut Regiae Majestati

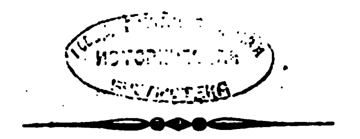
coepta urgenda sint, maiorique apparatu bellum prosequi cogitet, non alienum putauit, quid initio hac in re spectauerit et nunc propositum habeat, quoue iure et quibus de causis arma nationibus illis intulerit, sincere Majestati V. operire, ut Majestas V., rei aequitate perspecta, tanto propensiori voluntate optimis Regiae Maestatis conatibus faueat ac Regi sibi coniunctissimo, rem Christianam tuenti, et promouenti, tanquam in communi causa deesse nolit. Amplissimae illae Septentrionales regiones, etsi a populis, qui lingua et origine Polonis consentiunt atque Christiano nomine censentur, habitentur, siue tamen coeli asperioris inclementia, siue Principum, qui dummodo tyrannidem impune exercerent nihil quidquam pensi habebant, instituto, longe a cultu et humanitate alienae semper fuerunt habitae. Homines afferi et barbari, Graeca, quam verbis quam factis profitentur, religione aut superstitione potius imbuti, in seruandis pactis eadem Graeca fide uti soliti. Cum his S. R. M. maioribus, Regibus Poloniae, a sexcentis et ultra annis, cum ii adhuc nullo alio, nisi Russorum nomine censerentur, grauia et diuturna bella fuerunt, saepe victi et debellati, quod gens, Schismati addicta, innato quodam odio Latinos (ita enim Catholicos ii appellant) prosequeretur, nunquam pacari potuerunt, et licet multis sanguinis necessitudinibus cum Regibus Poloniae Principes illi fuerint coniuncti, et Diuus Iagelo, Matre Russa genitus, uxorem quoque ex eadem gente, unicam Principis filiam duxerit, et ex ea eam subolem, quae domum Iageloniam deinceps propagauit, susceperit haerioque iure posteris imperium illud quaesierit, contineri tamen in officio non potuerunt, quin eo plane tempore, obscuris initiis ortum Moscouiticum imperium, concedentibus in fidem noui Principis eiusdem gentis hominibus, tanta mox incrementa sumpsit, ut in eam quam proxime orbis Christianus miratus est, atque adeo Machometanae etiam gentes extimuerunt, magnitudinem excreuerit, graueque vicinis populis, ac potissimum Poloniae Regno, diuturno tempore fuerit; sed etenim cum vix ducentis annis eius sanguinis Principes, qui Moscouiticum imperium condiderant, durassent, Theodori, qui nostra memoria postremus regnauit, ignauia res ad Hodonum, priuatum hominem, deuenit. Qui cum tantae fortunae par non esset, vanis, quasi reuiuiscentis Demetrii, quem ille, Theodoro rebus potiente, clam necauerat, terroribus deiectus imperio, orbum illum principatum reliquit. Nam et is, qui Demetrii nomine falso adscito, Polonicis copiis adiutus, imperium inuaserat, a Moscis ipsis, ludibrii tanti pertaesis, paucos intra menses interfectus fuerat. Erat eo tempore in Moscouia non contemnenda manus Polonorum, quae partim ut ficto illi Demetrio militarem operam nauaret, partim ut sponsam eius, Senatoris cuiusdam, splendidi in Regno Poloniae viri, filiam, ad eum honoris causa deduceret, illius promissis illecta, concesserat, videbaturque non parum ad occupandum illum dominatum momenti afferre potuisse. Erant quoque iustae et legitimae causae belli suscipiendi, quod Mosci, caeso illo Demetrio, Legatos quoque suos, publico more eo missos, in custodiam dedissent, hominesque complures Illustres et Nobiles, officii causa eo profectos, contumeliose habuissent. Sed cum suffragiis populi Suiscius quidam, ipse quoque e Ducibus oriundus, Princeps renunciatus esset, cum eo sibi agendum et iure gentium de iniuriis expostulandum, resque clare repetendas Regia M. existimauit. Quod cum, missis nunciis suis, Majestas Regia

fecisset, homo temerarius Hereticorum quorundam vicinorum Principum, cum quibus consilia conferebat, fretus auxiliis, eosdem etiam paene in vincula coniecit, ultra quidem annum detinuit, nec nisi cum bellum contra se parari videret, demisit. Quod quidem bellum S. Regia M. Dominus meus Clementissimus, iis de causis suscipere necesse habuit, primum ut recentes iniurias violatumque ius gentium ultum iret, deinde vetustum ius Regni maiorumque suorum Iagielonicae stirpis haereditatem armis assereret ac fraude et vi Moscouiae Principum auulsas et interceptas prouincias recuperaret, et hae fortassis priuatae dici possunt, illa vero totius Christianitatis publica. Videbat Serenissimus Rex ab una parte Turcas et Tartaros, ab altera Haereticos quosdam Principes, utroque nomini Catholico infestos, nondum stabilito et veluti vacuo imminere imperio. Erant multa in exercitu Suyscii Tartarorum millia, erant ex Haereticis, Gallis et Hollandis atque Britanis decem, aut eo amplius, equitum peditumque auxiliares circiter millium copiae, eorum opera conscriptae, qui pedem eo inferre et conspiratione in Regiam M. Regnumque Poloniae cum barbaris, quorum illa septentrionalis pars ferax est, facta, religionem Catholicam exterminare, haereticique imperii adscitis Caesareis, quos Moschi sibi dudum vendicant, titulis fundamenta ponere in animo habuerunt. His ut Regia M. obsisteret ac cum praeterea a nonnullis gentis Moscouiticae viris primariis, bellorum et Suyscii tyrranidis pertaesis, accerseretur, bellum hoc suscepit, ductisque ad Smolenscum, arcem quondam iuris Polonici, magnitudine praestantem, natura et arte munitissimam, defensoribus, quorum non pauciores sexaginta millibus fuisse constat, commeatu praeterea omnique belli apparatu probe instructam, copiis, eam obsidione cinxit. Quae res cum ab initio non ad votum Regiae Majestatit prouenisset, difficiliorque Smolensci obsidio videretur, singulari tamen Dei benignitate, Regia Majestatis constantia, militumque robore victa est hostis pertinacia, neque solum vi Smolenscum receptum, sed ingentes praeterea copiae, quas Suyscius ex eo hominum genere, de quo supra dixi, et ex Moscorum selectissimis quadraginta millibus, ad soluendam Smolensci obsidionem inferendaque Poloniae arma, Suiscio, fratre suo, Duce, miserat, a parte Regiae Majestatis exercitus, quam Serenissimus Rex, suas cum Stanislao Zolkieuio, exercitus sui Capitaneo, partitus copias, contra eos expediuerat, memorabili praelio profligatae sunt, exutusque imperio et in potestatem redactus Suyscius ac Regiis praesidii arx ipsa et Metropolis Moscouiae insessa, promotumque in ipsa latissime patentis imperii penetralia bellum, atque ii, qui imperium Regiae M. obstinatis animis abnuebant, magna ex parte perdomiti, victa et eiecta ab Haereticis submissa auxilia. Sed dum tantae molis opus Regia M. non infelici conatu magna contentione promouet, noua quotidie emergunt obstacula, quae suae Majestatis cursum morantur. Primum enim Mosci ipsi, nondum tot fracti cladibus et exundante hominum multitudine, ad rebellandum prompti, summis viribus resistunt, atque impostoribus et perfidiae adsueti, bella ex bellis, quod in tam vasto imperio, et longe ab inuicem desitis prouinciis factu haud difficile est, serunt et renouant. Iam vero Turcae, qui Regiam M. amplissimi illius Regni accessione sibi formidabilem euasuram non ignorant, et Haeretici praterea, quibus utrisque Regiae Majestatis cum Catholica M. V. ac Serenissima Austriaca Familia coniunctio valde suspecta est et formidolosa, omnem (quod aiunt) lapidem mouent,

quo Regiae Majestatis conatus remorentur. Non satis erat Turcis, quod superioribus annis, crebris Tartarorum incursionibus, fines Regni lacessierint, nisi nunc ad extremum pace, ubi cum a S. R. M. discederem ferebatur, grauissimis conditionibus cum Persarum Rege facta, quo aduersus Regiam Majestatem belli suscipiendi occasionem quaererent, Palatinum Moldauiae, Principem Regiae Majestatis fiduciarium exturbarent aliumque constituerent, ac praeterea Batoreum, Principem Transyluaniae, desertae religionis Catholicae perfidia, vecordem et persuasionibus Turcarum oportunum suis auxiliis suffarcinarent, hominemque, sceleri paratum, opibus accingerent atque in Regiae Majestatis ditiones, quo illa ab incepto negotio auocaretur, vel distineretur, immitterent. Tot igitur grauissimi belli Regia M. undique difficillimis pressa angustiis et Catholici nominis hostium pene circumscripta, conspirationibus ad Catholicam M. V., amicissimum sibi Principem, curas et sollicitudines suas defert, easque apud M. V. deponit, matureque denunciat, si (quod Deus omen auertat) aduersus aliquis casus conatibus suis obstiterit, rem Christianam in maximo periculo constitutam iri, penetraturas per illas Septentrionis latebras barbaras nationes, consensuros cum iis iuratos Catholicorum hostes, cum quibus iam clandestina agitant consilia, grandeque periculum Catholico nomini conflaturos. Non ignorant Turcae, quas opportunitates habeat Moscouia ad instruendas classes sternendumque Oceanum nauibus, inde portus in Oceanum patentes, omni mercimoniorum genere refertos, defuisse hactenus Moscis rerum terra marique gerendarum idoneos Duces et magistros, ea gente, quae multitudine est innumera, ad euertendam Rempublicam Christianam, non remittentibus, sed pene iuuantibus, vel saltim conniuentibus plerisque Christianis Principibus, quorum diuersa est de religione Christiana opinio. Hanc esse eius hostis persuasionem, idque eum moliri Regia M. non vanis suspitionibus adducta, sed re ipsa experta, ad M. Vestram defert, daturam se operam spondet ac pollicetur Regia M., ut etiam, si ita Deo volente, vita profundenda sit, ne muneri suo desit, sed dignum se maioribus suis praestet. Inprimis autem cum in M. Vestra plurimum momenti ad tutandam rem Christianam situm esse sciat, libenter consiliis cum M. V. communicatis, id quod in commune conducet, suscepturum se profitetur. Certo autem sibi persuadet M. Vestram, Regem sibi magna necessitate deuinctum atque causam communem sustinentem, non esse deserturam, parique consensu et concordi voluntate ad promouendam tutandamque in remotis illis partibus Rempublicam Christianam, arcendosque aduersarios accessuram, ita ut diuina inprimis gloria longe lateque propagetur, et dignitas atque immortalis gloria Majestatum Vestrarum immortalitati consecretur. Regiae quidem Majestati, Domino meo, non desunt oportunae vires, non desunt veteranae in Moscouia copiae, noua quoque supplementa habet iam comparata. Neruus belli sustentandi aliquantulum deficit, quod et super triennium iam numerosum exercitum alat, et Regnum illius praeteriti temporis domesticis tumultibus non mediocriter attritum, et aerarium ipsius Majestatis imminutum ac prope exhaustum. Haec difficultas vel maxime obsistit, quominus ad optatum finem, ita uti Reipublicae Christianae rationes exposcunt, suscepta res celeriter deduci possit. Nouit ipsius M. Majestatem quoque Vestram Regiam in tot Regnorum praesidiis magnam vim pecuniariam assidue collocare, nihil autem unquam a Majestate V.

sibi exposcendum existimat, quod illi graue sit aut molestum. Attamen pro ea, quae inter Majestates Vestras est, summa amicitiae fiducia non dissimulandum sibi apud eam putauit, quo in statu res illae Moscoviticae versentur, et quid felicem exitum illius belli retardet. Ipsa M. Regia V. pro eximia in Catholicam fidem pietate et Majestatem Regiam beneuolentia dispiciet, num oportuno et necessario tempore non tantum Regiae Majestati, verum etiam communi rei Christianae opis aliquid afferre possit. Totum id Serenissimus Rex meus Majestatis V. Regiae permittit arbitrio. Si quid autem sine incommodo suo Majestas V. in eo genere fecerit, non modo ipsa eiusque posteri, Maiestatis V. liberis sanguinis coniunctione deuincti, verum etiam uniuersa Christiana Respublica plurimum Majestati V. debebit aeternumque sibi nomen stabilitae Reipublicae Christianae M. Vestra comparabit.

Negotia nostra Neapolitana secundum informationem internuncii nostri Neapolitani, quam ut literis suis illi perscribat et quid postulandum sit significet eidem iniunximus diligentissime, tam Serenissimo Hispaniarum Regi, quam eius Majestatis Officialibus nostro nomine commendabit, quaeque rescripta impetranda erunt, dabit operam ut obtineat, eaque ad internuncium nostrum Neapolim transmittat.

ИНОСТРАННЫЕ

СОЧИНЕНІЯ и АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО РОССІИ,

собранные

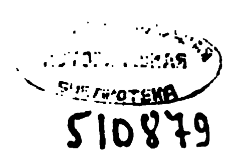
К. М. Оболенскимъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1848.

По опредѣленію Общества, декабря 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

4.

БАРЕЦЦО БАРЕЦЦИ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

о

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ,

СОБРАННОЕ

Бареццо Барецци.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества, октября 27-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Италіянскій подлинникъ »Реляціи,« переводъ которой мы нынѣ предлагаемъ, былъ въ первый разъ напечатанъ въ 1605 г., подъ заглавіемъ: Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno imperio, conseguita dal serenissimo giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fù coronato l'ultimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. In Venezia, appresso Barezzo Barezzi, 1605, in 4°.

Это сочиненіе вышло въ свѣтъ подъ именемъ издателя; имя автора не означено. Впрочемъ, »Реляція« приписывается Поссевину, котораго участіе въ составленіи этой книги довольно замѣтно. Чіамии (см. въ его Bibliografia critica, т. II, стр. 293) полагаетъ, что она напечатана *подъ руководствомъ Поссевина* *. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что »Реляція, напеча»танная въ Венеціи, въ 1605 г., подъ именемъ типографщи»ка Бареццо Барецци, должна, безъ сомнѣнія, быть припи»сана Іезуиту Антонію Поссевину,.... ибо явно, что первая »глава написана имъ« **. Опираясь на слова Чіампи, и Аделунгъ *** приписываетъ составленіе »Реляціи« Поссевину. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Іезуитъ жилъ тогда въ Венеціи,

---

* Colla direzione del Possevino fù stampata la „Relazione della segnalata conquista, etc.

** См. въ „Esame Critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch,“ стр. 4 и 5.

*** Uebersicht der Reisenden in Russland, т. I, стр. 349 и т. II стр. 172.

занимаясь тамъ изданіемъ своихъ сочиненій *. Замѣчательно, что »Apparatus ad Philosophiam«—сочиненіе Поссевина, вышедшее въ 1605-мъ же году, напечатано также въ Барецціевой типографіи, гдѣ издана и »Реляція« **. Къ тому же этотъ дѣятельный Іезуитъ находился постоянно въ сношеніяхъ съ Іезуитами, бывшими въ то время въ Москвѣ, и получалъ отъ нихъ подробныя извѣстія обо всемъ, что тамъ происходило: это видно изъ вышеприведеннаго письма Поссевина къ Великому Герцогу Тосканскому, гдѣ говорится о *разныхъ письмахъ*, полученныхъ имъ изъ Россіи ***. Наконецъ, разсматривая самую »Реляцію«, не льзя не замѣтить первой главы ея, на которую указываетъ и Чіампи: здѣсь весьма подробно говорится объ обстоятельствахъ, которыя привели Поссевина въ Россію, и о слѣдствіяхъ его посольства. Можно указать и на то, что въ концѣ »Реляціи« припечатано объявленіе объ изданіи »Комментаріевъ« того же Поссевина ****. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, должно заключить, что если Поссевинъ не авторъ »Реляціи«, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ большое участіе въ ея составленіи и изданіи.

Упомянемъ, что у Чіампи есть въ одномъ мѣстѣ ***** слѣдующая ссылка: »V. Lavicio Andrea Relazione della segnalata conquista, etc.« Но это опечатка—вѣроятно, что Чіампи ссылается здѣсь и на письмо Лавицкаго и на »Реляцію,« хотя Аделунгъ, основываясь на его ссылкѣ, думаетъ, что Чіампи приписываетъ Лавицкому участіе въ сочиненіи этой книги.

Впрочемъ, кто бы ни былъ настоящій авторъ »Реляціи«, она весьма любопытна. Сообщаемыя здѣсь извѣстія основаны

---

* Poichè sono qui in Venezia *dietro alle mie stampe*, le quali piacendo, a Dio *si finiranno questa istade*.... (См. въ Esame crit. Письмо Поссевина къ Великому Герцогу Тосканскому, отъ 10 Іюля, 1605 года).

** Antonii Possevini „Apparatus ad Philosophiam, primo ad eam, quae vera est, mox ad Platonicam.“ Venetiis, apud Baretium, 1605.

*** Giungendomi di Moscovia et di Cracovia *diuerse lettere*, hora ne mando una a V. A. la quale *mi è scritta da quel Padr*[illegible] *presso il detto Principe di Moscovia*.... (Esam[illegible]

**** См. „Relatione,“ изд. 1606-го года, [illegible]

***** Bibliografia critica, t. I., p. 75.

4.

БАРЕЦЦО БАРЕЦЦИ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОМЪ И ПОЧТИ ЧУДЕСНОМЪ

ЗАВОЕВАНІИ

ОТЦОВСКОЙ ИМПЕРІИ,

СОВЕРШЕННОМЪ ЯСНѢЙШИМЪ ЮНОШЕЮ

ДИМИТРІЕМЪ, ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ,

ВЪ 1605 ГОДУ.

СЪ ОПИСАНІЕМЪ ЕГО ВѢНЧАНІЯ И ВСЕГО, ЧТО ОНЪ СДѢЛАЛЪ ПОСЛѢ СВОЕГО ВѢНЧАНІЯ — СЪ ПОСЛѢДНЯГО ЧИСЛА ІЮЛЯ И ДО СЕГО ДНЯ.

СОБРАЛЪ ИЗЪ ДОСТОВѢРНѢЙШИХЪ ИЗВѢСТІЙ

Бареццо Барецци.

ВО ФЛОРЕНЦІИ, У ГУИДУЧЧИ,

1606.

СЪ ПОЗВОЛЕНІЯ СТАРШИХЪ.

Границы Московскаго Государства.

Все Государство Великаго Князя Московскаго сопредѣльно, на Сѣверѣ, съ Ледовитымъ моремъ.

На Востокѣ, съ Татарами, преимущественно съ тѣми, которые называются Черемиссами, и съ Каспійскимъ моремъ въ Азіи.

На Югѣ, съ Турками и съ Поляками.

На Западѣ, съ Ливоніею и съ Финляндіею, подвластною Шведскому Королевству, которое принадлежитъ Сигизмунду Третьему, яснѣйшему Королю Польскому.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

о

достопамятномъ завоеваніи

ОТЦОВСКОЙ ИМПЕРІИ

ДИМИТРІЕМЪ, ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ,

въ 1605 году.

Великій промыселъ Божій въ приготовленіи этого предпріятія.

ГЛАВА I.

Димитрій, недавно (можно сказать, чудесно) достигшій престола Великаго Княжества Московскаго и другихъ отцовскихъ владѣній, какъ Русскихъ, такъ и Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ, покоренныхъ отцемъ его, представляетъ намъ случай начертать полное описаніе этого событія, какъ потому, что оно собрано изъ рукъ въ руки отъ тѣхъ, которые въ Польшѣ и въ Московіи лично видѣли все, касающееся до этого дѣла, такъ и потому, что въ исторіи нѣскольких столѣтій едва ли найдется примѣръ, въ которомъ бы такъ ясно отражался Промыселъ Божій.

Приступая къ этому описанію, необходимо предварительно разсказать событія, которыя показывали, что это дѣло должно было руководиться разумомъ, выше человѣческаго, дабы привести къ какой нибудь великой цѣли, для пользы Христіанства.

Блаженной памяти Папа Григорій XIII, во все продолженіе своего первосвященничества, постоянно заботился объ усиленіи всякаго блага и о распространеніи Католической Вѣры. Какъ всемірный Отецъ, оказывая другимъ народамъ многія пособія, онъ намѣревался пригласить Государей, еще чуждавшихся Апостольскаго Престола, къ ихъ собственному спасенію, а, слѣдовательно, и къ спасенію ихъ народовъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мысли Его Святѣйшества были заняты желаніемъ пріобрѣсти пособіе Московіи, какъ крайняго Государства въ Европѣ, простирающагося и во внутренность Азіи до Каспійскаго моря. Посылая кардинала Мороне легатомъ къ Императору Максимиліану на Регенсбургскій Сеймъ, онъ поручилъ ему переговорить съ Его Величествомъ объ избраніи способнаго прелата Нѣмецкаго для отправленія его съ грамотами отъ Императора и отъ Его Святѣйшества нунціемъ къ Іоанну Васильевичу, бывшему тогда Великимъ Княземъ Московскимъ. Когда это отправленіе было опредѣлено (хотя нашлись нѣкоторые люди, старавшіеся помѣшать ему изъ ненависти къ Католической Религіи), нунцій, готовившійся къ путешествію, занемогъ и умеръ *. Такъ кончились эти переговоры, но рѣшимость Григорія отъ того не охладѣла. Онъ избралъ другой путь: призвавъ къ себѣ Александра Канобіо, умершаго послѣ епископомъ Форлійскимъ, онъ отправилъ его въ Московію съ инструкціями, дарами и грамотами, какія казались нужными для подобнаго предпріятія. Александръ отправился. Хотя, по прошенію Папы, онъ получилъ отъ Польскаго Короля пропускную грамоту и проводниковъ, однако, по прибытіи къ границамъ Королевства, былъ не только ограбленъ, но и задержанъ тѣми, которые не желали, чтобы Католическая Вѣра распространялась столь далеко, такъ что онъ не могъ продолжать путешествія, и безъ успѣха возвратился въ Римъ. Тогда Папа, съ постоянствомъ принося Богу это желаніе, имѣлъ случай отправить священника съ нѣсколькими товарищами къ Іоанну III, Королю Шведскому, отцу Сигизмунда III, нынѣшняго Короля Польскаго и Шведскаго. Это было въ слѣдствіе того, что Іоаннъ III присылалъ въ Римъ своего посланника, который, переговаривая о разныхъ дѣлахъ, просилъ Его Святѣйшество прислать особу, которой Король могъ бы довѣрчиво и безъ опасности для Королевства открыть средства, какія онъ хотѣлъ употребить для возвращенія своихъ подданныхъ къ древней Католической Вѣрѣ и для того, чтобы и самому перейти въ нѣдра святой Церкви, какъ онъ послѣ и сдѣлалъ относительно себя и многихъ другихъ. И такъ этимъ то путемъ, чрезъ Финляндію, сопредѣльную Московіи, Григорій вознамѣрился послать нѣсколько своихъ грамотъ къ Великому Князю. Но такъ какъ Шведскій Король былъ тогда въ войнѣ съ Москвитянами, то онъ отвѣтилъ, что, не время посылать означенныя грамоты чрезъ его посредство: изъ этого отвѣта можно было заключить, что онъ боялся, чтобы Московскій Государь не вооружился противъ него сильнѣе прежняго, подумавъ, что онъ нуждается въ такихъ грамотахъ для прекращенія войны. Такимъ образомъ и этотъ путь былъ оставленъ. Господь своимъ небеснымъ промысломъ хотѣлъ открыть новую, неугаданную самимъ Папою, дорогу, какъ для того, чтобы вся слава принадлежала одному Богу, такъ и для того, чтобы показать Папѣ, что постоянныя стремленія къ усиленію Христіанства будутъ со временемъ предшественниками событій, которыя выше всего, что человѣкъ могъ вообразить.

Григорій не оставлялъ этой мысли, какъ по желанію блага Москвитянамъ, такъ и потому, что онъ предвидѣлъ, что, по соединеніи ихъ съ Апостольскимъ Престоломъ и по умиреніи съ Польскимъ Королевствомъ, этихъ двухъ Государей будетъ

* Нунцій, избранный (въ 1576 г.) кардиналомъ Мороне, былъ священникъ Рудольфъ Кленхенъ (см. извѣстное объ немъ письмо кардинала къ Царю Іоанну Васильевичу.).

достаточно для поддержанія Христіанства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что когда получится отъ Великаго Князя Московскаго позволеніе (которое и было получено) посылать людей сухимъ путемъ чрезъ его Имперію къ Персидскому Государю и въ Индію, то будутъ открыты весьма обширныя врата для блага всей Церкви Христовой.

И такъ Божія премудрость, сама подготовившая основу этой ткани, чтобы тѣмъ легче было послѣ довершить ее трудами Апостольскаго престола, опредѣлила слѣдующее: Іоаннъ Васильевичь, отецъ Димитрія, уже два раза пораженный войскомъ Стефана Баторія, Короля Польскаго, и видя что на третій годъ приготовляется новое войско, чтобы пройти далѣе съ новыми побѣдами, припужденъ былъ отправить къ Григорію своего посла, по имени Северигина *, съ письмами отъ себя и отъ Императора Рудольфа, и съ прошеніемъ, чтобы Его Святѣйшество немедленно прислалъ особу, которая могла бы отклонить Короля Стефана отъ намѣренія начинать новую войну. Письма Великаго Князя Московскаго были того содержанія, что Григорій долженъ уговорить и убѣдить Короля Стефана обнажить мечь противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы стараться проливать кровь Христіанскую, и что Великій Князь сдѣлаетъ тоже самое, какъ скоро Король прекратитъ съ нимъ войну.

Тогда Папа, принявши со всевозможною благосклонностью Московскаго посла, пребывшаго по истеченіи пятидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ уже не было ни одного посланника изъ Московіи въ Римъ, рѣшился отправить того же священника, который, по вызову Его Святѣйшества, недавно возвратился изъ Швеціи въ Римъ, и ему было поручено стараться о мирѣ между Королемъ Польскимъ и Государемъ Московскимъ.

Изъ успѣха этихъ стараній видно было, что самъ Богъ располагалъ всѣмъ дѣломъ: для переговоровъ объ означенномъ мирѣ нуженъ былъ именно человѣкъ, который бы хорошо зналъ дѣла Королевства Шведскаго, такъ какъ и объ немъ надлежало разсуждать при этихъ соглашеніяхъ, человѣкъ, который бывалъ въ Германіи и посѣщалъ разныя мѣста, дабы лучше знать всѣ дѣла, и который бы уже прежде находился въ переговорахъ съ Стефаномъ, Королемъ Польскимъ, касательно требованій его со стороны Шведскаго Короля, для того, чтобы одно дѣло не мѣшало другому и чтобы оба Короля остались единодушными въ случаѣ заключенія мира съ Московскимъ Государемъ.

По этому упомянутый священникъ, пробывшій при Шведскомъ Королѣ въ первый разъ пять мѣсяцевъ, а во второй разъ цѣлый годъ, и производившій переговоры съ Императоромъ и съ Польскимъ Королемъ, незамѣтно пріобрѣлъ столько свѣдѣній объ этихъ дѣлахъ, что по истеченіи семи мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Московіи, (т. е., два мѣсяца подъ Псковомъ, въ войскѣ Польскаго Короля, и два мѣсяца при Великомъ Князѣ Московскомъ, при Божіей помощи, заключенъ былъ миръ, по которому Ливонія съ 33 крѣпостями снова присоединена къ Королевству Польскому, положено основаніе Епископству Венденскому въ Ливоніи, учреждены двѣ Коллегіи, въ Ригѣ и въ Дерптѣ, городѣ, лежащемъ на границѣ Мос-

---

* Московскій гонецъ Шевригинъ былъ посланъ къ Императору и къ Папѣ въ 1580 г.

ковской, а въ Вильнѣ по прежнему оставлена семинарія для Русскихъ, основанная на счетъ Апостольскаго Престола для образованія дѣятелей, которые бы могли быть со временемъ полезными для Московіи. Мы не упоминаемъ о другихъ благахъ, которыя оказались послѣ, какъ слѣдствія перваго желанія, Богомъ внушеннаго и поддержаннаго въ Григоріѣ XIII.

КАКІЕ СЫНОВЬЯ БЫЛИ У ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, В. КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО.

ГЛАВА II.

Въ то время, какъ отъ имени Григорія начаты были переговоры о мирѣ съ Королевствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, Іоаннъ Васильевичъ имѣлъ двухъ сыновей. Старшій былъ Іоаннъ, 20 лѣтъ, женатый и склонный къ добру; второй назывался Ѳеодоромъ, которому, какъ говорятъ, еще въ дѣтствѣ, дано было какое то питіе для лишенія его разсудка, чтобы онъ, какъ полуумный и неопасный, не могъ спорить съ старшимъ братомъ объ отцовской Имперіи. По этой причинѣ священнику, присланному отъ Григорія для распространенія Религіи и для утвержденія мира, не было позволено видѣть этого сына и подать ему грамоту Папы, который писалъ также и къ нему. Но Богъ попустилъ, чтобы отецъ поссорился съ старшимъ сыномъ, Іоанномъ, за его жену, впрочемъ, въ дѣлѣ не безчестномъ: ударивъ его сильнѣе, чѣмъ хотѣлъ, палкою, окованною желѣзомъ, которую всегда носилъ съ собою, онъ его убилъ. Такимъ образомъ, по смерти его, Имперія досталась Ѳеодору. За два года до смерти Государь еще женился на молодой женѣ, отъ которой родился Димитрій, нынѣ царствующій въ отцовской Имперіи. Передъ смертію Іоаннъ назначилъ нѣсколько важнѣйшихъ вельможъ опекунами каждому изъ сыновей особо, т. е., Ѳеодору и Димитрію.

ѲЕОДОРЪ НАСЛѢДУЕТЪ ПРЕСТОЛЪ ОТЦА СВОЕГО, ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА; БОРИСЪ ГОДУНОВЪ ОВЛАДѢВАЕТЪ ИМПЕРІЕЮ ПО СМЕРТИ ѲЕОДОРА.

ГЛАВА III.

Ѳеодоръ, восшедшій на престолъ послѣ отца своего, былъ женатъ на умной женщинѣ, которая видя, что мужъ не можетъ управлять государствомъ и по болѣзнямъ неспособенъ имѣть дѣтей, приставила къ нему своего брата, Бориса Го-

дунова, для того, чтобы пріучить его къ управленію Имперія. Съ помощью сестры, Борисъ вскорѣ овладѣлъ всѣми дѣлами, и во имя Θеодора долго правивши всѣмъ (дакъ то гда казалось) весьма хорошо, захотѣлъ сдѣлаться Вел. Княземъ, ибо видѣлъ, что съ неспособностью Θеодора соединялась надежда на кратковременность его жизни. По этому онъ искусно отдѣлался отъ опекуновъ, приставленныхъ къ Θеодору Іоанномъ Васильевичемъ, отправивъ ихъ въ Казань, въ Астрахань и въ другія отдаленныя мѣста, съ титуломъ намѣстниковъ и приказаніемъ вести войну съ остальными, еще непокоренными, Татарами. Послѣ этого всѣ они въ скоромъ времени или умерли или изчезли, такъ что не было извѣстно, что съ ними сталось. Не прошло много времени, какъ Борисъ уже сдѣлалъ тоже самое съ опекунами Димитрія, и, сверхъ того, рѣшился умертвить самаго Димитрія, воспитывавшагося въ отдаленномъ отъ Двора замкѣ, который, вмѣстѣ со всею провинціею, назначенъ былъ ему отцемъ. Когда Борисъ прислалъ людей для убіенія Димитрія, воспитатель его (который, какъ говорятъ, былъ Нѣмецъ изъ окрестностей Кельна) увѣдомленъ былъ матерью Димитрія о ихъ прибытіи, а также и о мѣстѣ и времени избранныхъ для убіенія Царевича. По этому наставникъ положилъ въ одну постель съ Димитріемъ мальчика такихъ же лѣтъ и сходной наружности, не сказавши о томъ никому, и какъ скоро мальчикъ уснулъ, велѣлъ тайно унести Димитрія изъ постели. Когда пришло время, назначенное для убіенія Димитрія, посланные Бориса, думая скрыть преступленіе во мракѣ ночи, пошли къ постели Царевича и убили положеннаго туда мальчика, считая его за Димитрія. Домашніе слуги, услышавъ шумъ и нѣсколько криковъ мальчика, побѣжали къ постели Димитрія: увидѣвъ умершаго и принявъ его за Димитрія, они были поражены ужасомъ и горестью. Слухъ объ этомъ событіи тотчасъ распространился въ ближнія мѣста, въ слѣдствіе чего стеченіе народа сдѣлалось тамъ велико, что отъ тѣсноты или отъ другихъ причинъ погибли еще другія дѣти. Между тѣмъ воспитатель Димитрія, поручивъ его какому то дворянину и отправивъ къ безопасное мѣсто, притворно показывалъ сильную горесть по случаю его смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы умершій мальчикъ не былъ узнанъ и чтобы обманъ не открылся. Борисъ, боясь, чтобы не распространился слухъ объ убійствѣ, приказалъ разсказывать, что язва свирѣпствуетъ въ этомъ городѣ, и что Димитрій и другія дѣти умерли отъ нея. Москвитяне несказанно боятся язвы. По этому городъ былъ оцѣпленъ, и подъ тяжкими наказаніями было запрещено не только выходить оттуда, но и входить въ городъ или приближаться къ нему. Потомъ Борисъ, показывая будто боится, чтобы, не смотря на всѣ этѣ мѣры, язва не вышла оттуда и не распространилась во всемъ государствѣ, велѣлъ сжечь весь городъ со всѣми людьми, которые тамъ находились. Вскорѣ послѣ того умеръ Θеодоръ, и Борисъ, думавшій, что отстранилъ всѣ препятствія и не упустилъ изъ виду ничего, безъ противорѣчія провозглашенъ Великимъ Княземъ. Это было сдѣлано тѣмъ охотнѣе, что всѣ думали, что уже не осталось никого изъ роду настоящихъ Государей; притомъ, во время жизни Θеодора, Борисъ недурно управлялъ общественными дѣлами.

ДИМИТРІЙ, ТАЙНО ВОСПИТАННЫЙ, ПО ПРОШЕСТВІИ НѢКОТОРАГО ВРЕМЕНИ ЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ЛИТВѢ И ВЪ КОРОЛЕВСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

ГЛАВА IV.

Между тѣмъ Димитрій, тайно воспитанный своимъ наставникомъ, убѣжавшимъ изъ сожженнаго города, узналъ отъ того же наставника, вскорѣ умершаго, что онъ законный наслѣдникъ Іоанна Васильевича. Чтобы не быть узнаннымъ, воспитатель совѣтовалъ ему вступить въ какой нибудь монастырь этой страны, гдѣ монахи не Католическіе и не ученые. Димитрій вступилъ въ монастырь, но не долго тамъ оставался и перешелъ въ другой, а потомъ еще въ новый монастырь, мѣняя такимъ образомъ мѣста изъ страха (какъ онъ самъ говорилъ), чтобы не быть узнаннымъ или чтобы не быть принужденнымъ постричься. Наконецъ, никому не открываясь, онъ прошелъ въ Литву съ монахомъ одного монастыря, находящагося близь границы области Кіевской. Тамъ онъ вскорѣ оставилъ монашеское платье и началъ служить сперва въ домѣ воеводы Острожскаго, потомъ у какого то Польскаго господина, по имени Гольскаго: говорятъ, что онъ служилъ даже на кухнѣ. Наконецъ, услышавши о ненависти Московскихъ народовъ къ Борису за то, что онъ отдалился отъ прежняго образа правленія и приближался къ тираніи, Димитрій рѣшился открыться одному благородному господину или, какъ они называютъ, князю, по имени Вишневецкому, зятю Сендомирскаго воеводы. Димитрій просилъ, чтобы онъ черезъ своего тестя выхлопоталъ ему позволеніе явиться ко Двору Польскаго Короля, дабы объяснить, кто онъ такой и въ какой мѣрѣ справедливы его притязанія. Означенный князь привезъ его въ Краковъ, давъ ему приличныя одѣянія и снабдивъ его слугами и другими необходимыми предметами. Здѣсь просили Короля, чтобы дѣло Димитрія было выслушано нѣсколькими Сенаторами, что и было позволено. Тогда Димитрій съ великимъ достоинствомъ и силою разсказалъ событія своей жизни, ссылаясь на свидѣтелей и на вѣрные признаки, а также показывая собственныя примѣты, именно, весьма замѣтную бородавку близь праваго глаза со стороны носа, и одну руку, бывшую гораздо длиннѣе другой: поэтому Его Величество и Сенаторы остались убѣжденными въ истинѣ.

Въ рѣчи, произнесенной предъ самимъ Королемъ, Димитрій, между прочимъ, сказалъ слѣдующія слова: »Вспомните, Ваше Величество, что вы родились узникомъ: Богъ, освободивъ васъ вмѣстѣ съ вашими родителями, хочетъ, чтобы вы освободили меня отъ изгнанія и возвратили мнѣ родительскую Имперію.« Для уразумѣнія этихъ словъ должно знать, что Іоаннъ III, Король Шведскій, отецъ Польскаго Короля, до восшествія своего на престолъ, вмѣстѣ съ Королевою, супругою своею, содержался въ заключеніи, по повелѣнію брата его, Генриха, бывшаго Королемъ, между тѣмъ какъ Іоаннъ былъ Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Заключеніе продолжалось четыре года, и въ это время рожденъ Сигизмундъ III, нынѣшній Король Польскій. Возведенный дворянствомъ на престолъ, Іоаннъ заключилъ въ темницу своего брата, Короля Генриха, и въ продолженіи осьми

лѣтъ держалъ его въ заключеніи, въ которомъ Генрихъ и умеръ. Въ рѣчи своей Димитрій упомянулъ также о пользѣ, какую оказанная ему помощь могла бы принести всему Христіанству: возвративши подъ свою власть Московію и прочія части своей Имперіи, Димитрій могъ бы оказать пособіе Польскому Королю для завоеванія Шведскаго Королевства изъ подъ власти мятежника Карла, а также содержать въ страхѣ Турецкаго Султана, дабы онъ не могъ распространять далѣе своихъ завоеваній. Между тѣмъ Димитрій, около трехъ лѣтъ пробывши въ предѣлахъ Литвы, въ кругу упомянутыхъ дворянъ Польскихъ, уже научился говорить по Польски, а отчасти и по Латынѣ, и чувствовалъ склонность къ обрядамъ Католической Церкви. Прибывши въ Краковъ, онъ посѣщалъ тамошніе храмы и ежедневно все болѣе и болѣе проникался ученіемъ Католическимъ, такъ что изъявлялъ желаніе глубже изучить его. Услышавъ о томъ, Король поручилъ этотъ трудъ Іезуиту Каспару Савицкому, начальнику Краковскій Іезуитской школы. Вскорѣ Димитрій, весьма прозорливый и исполненный усердія, написалъ собственноручное письмо къ блаженной памяти Папѣ Клименту VIII. Въ этомъ письмѣ, поручая себя молитвамъ Его Святѣйшества и прося его благословенія, онъ обѣщалъ употребить всѣ усилія для распространенія божественнаго исповѣданія въ отцовской Имперіи, какъ скоро она возвратится подъ его власть.

БОРИСЪ, ТРЕВОЖИМЫЙ УПРЕКАМИ СОВѢСТИ И СЛУХОМЪ, ЧТО ДИМИТРІЙ ЖИВЪ, СНАЧАЛА СТАРАЕТСЯ СКЛОНИТЬ НА СВОЮ СТОРОНУ ИНОСТРАННЫХЪ ГОСУДАРЕЙ, А ПОТОМЪ ПЫТАЕТСЯ ОСТАНОВИТЬ ПРЕДПРІЯТІЯ ДИМИТРІЯ.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ какъ все это готовилось, Борисъ Годуновъ, не задолго предъ симъ узнавъ о переходѣ Димитрія въ Польшу, склонилъ на свою сторону многихъ Москвитянъ, готовыхъ къ возстанію, и испытывалъ разныя средства для убіенія Димитрія и для отвращенія тѣхъ событій, которыми угрожали ему сознаніе тиранства и собственныя преступленія. Такъ, съ самаго начала своего царствованія, онъ писалъ письма въ Италію и въ другія мѣста, распространяя славу о себѣ, какъ о Государѣ милосердомъ, и приглашая разныхъ людей ѣхать въ Московію, гдѣ они будутъ пользоваться его щедростью и узнаютъ, что его правленіе не походитъ на правленіе его предшественниковъ, болѣе склонныхъ къ жестокости, нежели къ милосердію. Онъ отправлялъ пословъ къ Императору Рудольфу, предлагая ему продолженіе дружбы и пособіе въ войнѣ, которую Императоръ велъ въ Венгріи противъ Турокъ. Впослѣдствіи онъ послалъ къ Рудольфу множество соболей: хотя былъ слухъ, что цѣнность ихъ восходила до милліона золотомъ, однако они стоили не болѣе 200 тысячъ скудій. Императоръ, раздавъ ихъ своимъ приближеннымъ,

получилъ небольшое облегченіе, а не помощь; принятіе же Московскихъ пословъ и отправленіе ихъ назадъ въ Московію съ дарами еще уменьшило выгоды, полученныя отъ Бориса.

Но послѣ, видя усилившуюся недовѣрчивость въ своихъ и близкія приготовленія Димитрія, къ которому стекались разные сенаторы и дворяне, убѣждавшіе его идти въ отцовское государство, Борисъ употребилъ три средства для отвращенія будущихъ событій. Во первыхъ, онъ послалъ къ Польскому Королю на Варшавскій сеймъ, съ жалобами на нарушеніе міра пособіями его врагу; онъ утверждалъ, что Димитрій сынъ священника и обманщикъ, и потому требовалъ, чтобы выдали его, живаго или мертваго. Во вторыхъ, онъ вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми Поляками, чтобы разстроить это предпріятіе, о чемъ послѣ будетъ сказано. Въ третьихъ, онъ разставилъ войска по границѣ и распространялъ въ Московіи слухъ, что Димитрій волшебникъ, весьма извѣстный въ той странѣ. Но Польскій Король мудро отвѣтствовалъ посламъ, не обращая вниманія на слышанныя имъ клеветы и угрозы, и рѣшился по прежнему оказывать пособія, обѣщанныя Димитрію: этимъ-то онъ и доказывалъ сохраненіе мира и дружбы въ отношеніи къ Москвитянамъ.

ПОХОДЪ ДИМИТРІЯ ИЗЪ КРАКОВА ВЪ МОСКОВІЮ.

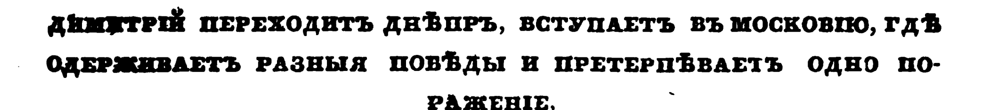
ГЛАВА VI.

Король далъ Димитрію позволеніе тайно набрать въ Королевствѣ 5000 человѣкъ, которые бы выступили въ походъ и собрались около границъ Литовскихъ; между ними должны были находиться и такіе солдаты, которые уже воевали въ Московіи при Королѣ Стефанѣ. Съ ними должны были еще соединиться 5000 Козаковъ, которые обыкновенно находятся въ предѣлахъ Королевства: привыкнувъ жить грабежемъ, Козаки поспѣшно пошли къ Димитрію. Равнымъ образомъ Король уступилъ воеводѣ Сендомирскому нѣкоторую сумму денегъ, которую воевода долженъ былъ заплатить Его Величеству за Самборское имѣніе; кромѣ того далъ еще денегъ Димитрію, дабы онъ могъ содержать себя сообразно съ своимъ достоинствомъ. Съ такими пособіями Димитрій отправился въ Московію, находясь подъ руководствомъ означеннаго воеводы, который взялъ съ собою двухъ Францисканскихъ монаховъ (изъ тѣхъ, которые въ Польшѣ называются Бернардинцами, по причинѣ преобразованій св. Бернардина) и двухъ отцевъ, принадлежавшихъ къ Іезуитскому обществу, съ однимъ изъ ихъ товарищей: они, какъ люди весьма добродѣтельные, должны были духовнымъ оружіемъ подкрѣплять войско. Эти Іезуиты были отецъ Николай Чирзовскій и отецъ Андрей Лавицкій: они постоянно находились при Димитріи, между тѣмъ какъ Бернардинцы вскорѣ возвратились въ свой монастырь. Войско собралось по сю сторону Днѣпра. Значительная часть его быстрымъ переходомъ и перемѣною пути избѣгла засадъ, приготовленныхъ другимъ благороднымъ Полякомъ, подъ предлогомъ Королевской службы и мира, заключеннаго

съ Московіею: чрезъ это ему хотѣлось остановить предпріятіе, отъ котораго онъ видѣлъ, что не только не будетъ ему никакой чести, но, напротивъ, усилится власть Короля и значеніе Сендомирскаго Воеводы, что было противно его намѣреніямъ.

По сю сторону Днѣпра оставались нѣсколько долѣе, чѣмъ думали: это произошло отъ того, что не всѣ были усердны въ содѣйствіи походу; кромѣ того, въ распредѣленіи провіанта и въ способѣ перехода чрезъ Днѣпръ, который былъ весьма глубокъ, надлежало поступать осторожно. Къ тому же, при переходѣ чрезъ эту рѣку, нужно было знать, по какой дорогѣ можно было всего безопаснѣе идти впередъ; и хотя для того всего лучше казалось продираться сквозь густые лѣса, простирающіеся на 40 миль, однако здѣсь должно было скорѣе ожидать засадъ, которыя могли быть разставлены приверженцами тирана Бориса.

Тѣмъ не менѣе эта остановка на нѣсколько недѣль была дѣломъ Провидѣнія, потому что воины Димитрія, и особенно Поляки, имѣли время слушать слово Божіе изъ устъ Католическихъ священниковъ: многіе изъ нихъ лучше узнали дѣла Вѣры, въ коихъ нѣкоторые были весьма несвѣдущи; многіе подкрѣпили себя Св. Таинствами. Это такъ усилило ихъ бодрость и вѣрность во многихъ великихъ предпріятіяхъ, что впослѣдствіи храбрѣйшіе изъ нихъ продолжали сотнями причащаться каждую недѣлю. Такой примѣръ былъ весьма назидателенъ для Москвитянъ, потому что Богъ располагалъ такимъ образомъ событія для распространенія Католической Вѣры въ сихъ обширныхъ Сѣверныхъ странахъ.

ДИМИТРІЙ ПЕРЕХОДИТЪ ДНѢПРЪ, ВСТУПАЕТЪ ВЪ МОСКОВІЮ, ГДѢ ОДЕРЖИВАЕТЪ РАЗНЫЯ ПОБѢДЫ И ПРЕТЕРПѢВАЕТЪ ОДНО ПОРАЖЕНІЕ.

ГЛАВА VII.

Но Димитрій, благополучно переправившись чрезъ Днѣпръ и отправясь съ войскомъ обширнымъ лѣсомъ, не встрѣтилъ ни засадъ непріятельскихъ, ни сопротивленія; когда же приблизился къ первой пограничной крѣпости Московской, то она добровольно сдалась ему, не ожидая ни пальбы, ни приступа, хотя Борисъ снабдилъ ее гарнизономъ, состоявшимъ изъ осьми сотъ человѣкъ, укрѣпилъ пушками и велѣлъ сжечь предмѣстіе, дабы оно не могло служить станомъ для Димитрія. Оставивъ здѣсь значительный отрядъ своего войска, Димитрій отправился къ другой крѣпости, которая сильнѣе первой, но и она сдалась ему. Не разъ вступая въ битву съ воинами Бориса, который прислалъ войско для защищенія этой страны въ открытомъ полѣ, Димитрій нанесъ имъ нѣсколько пораженій, особенно подъ крѣпостью Новгородомъ *. Когда же онъ удалился отъ Новгорода, не имѣя возможности взять его, въ войскѣ произошло такое смятеніе,

* Новгородомъ Сѣверскимъ.

что, не будучи никѣмъ преслѣдуемо, оно раздѣлилось на три отряда. Одинъ пошелъ къ Чернигову, другой къ Путивлю: эти оба отряда хотѣли идти въ Польшу, частію съ Сендомирскимъ Воеводою, частію съ своими предводителями. Наконецъ третій отрядъ отправился въ Комарницкую волость, съ самимъ Димитріемъ. Настигнутый въ той же области весьма многочисленнымъ Борисовымъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ Москвитянъ, были и Татары и Нѣмцы, въ битвѣ 30-го января, прошедшаго 1605 года, Димитрій былъ такъ пораженъ, что не могъ возобновить сраженія для склоненія побѣды на свою сторону: виною этого пораженія были Козаки, на которыхъ онъ слишкомъ много полагался. Всѣ такъ упали духомъ, что каждый старался спастись бѣгствомъ, которое кончилось только за 14 миль отъ поля битвы, у Рыльска, второй крѣпости, сдавшейся Димитрію. Пробывъ здѣсь два дня для собранія воиновъ и для отдохновенія, Димитрій сдѣлалъ новый переходъ въ 12 миль, до Путивля, который ближе къ границамъ Польскаго Королевства. Козаки, не будучи впущены въ Путивль, отправились назадъ въ Запорожье (Zazurosso), откуда они пришли. Одна часть Поляковъ ушла въ Польшу, другая же осталась съ Димитріемъ: послѣдняя состояла изъ 500 человѣкъ. Съ этими воинами и съ другими, приставшими къ нему, Димитрій старался привести въ порядокъ войско, ободрить сдавшіяся ему крѣпости и послалъ въ Польшу за новою помощію: все это онъ дѣлалъ съ духомъ, болѣе нежели геройскимъ, не смотря на то, что находился въ описанномъ нами положеніи.

НОВЫЕ ЗНАКИ БОЖІЯ ПРОВИДѢНІЯ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ДИМИТРІЮ.

ГЛАВА VIII.

Но Богъ, который уязвляетъ и исцѣляетъ, оживилъ въ Димитріѣ и въ его приверженцахъ твердую надежду на счастливое продолженіе и окончаніе предпріятій. Полководецъ Борисовой рати, думая, что остатки Димитріева войска бѣжали въ Польшу, преслѣдовалъ его только одинъ день, т. е., до Рыльска. Рыльскъ, весьма сильная крѣпость, передалась (какъ уже сказано) Димитрію; къ ней принадлежала весьма пространная область. Противъ нихъ пошла часть войска Борисова: жители, поддерживаемые небольшимъ числомъ воиновъ, присланныхъ къ нимъ Димитріемъ, вышли на встрѣчу, убили тысячу, взяли въ плѣнъ 200 человѣкъ, и нанесли остальнымъ такое пораженіе, что непріятели оставили осаду и искали спасенія въ бѣгствѣ, какъ кто могъ. Тутъ были захвачены 2 пушки, а палатки частію сожжены, частію разграблены. Кромѣ того, пять другихъ, весьма сильныхъ, крѣпостей добровольно сдались Димитрію, вмѣстѣ съ обширными своими областями, именно, Осколъ, Нолойка *, Норонишъ **, Борисовъ градъ,

* Валуйки. — ** Воронежъ.

съ Московіею: чрезъ это ему хотѣлось остановить предпріятіе, отъ котораго онъ видѣлъ, что не только не будетъ ему никакой чести, но, напротивъ, усилится власть Короля и значеніе Сендомирскаго Воеводы, что было противно его намѣреніямъ.

По сю сторону Днѣпра оставались нѣсколько долѣе, чѣмъ думали: это произошло отъ того, что не всѣ были усердны въ содѣйствіи походу; кромѣ того, въ распредѣленіи провіанта и въ способѣ перехода чрезъ Днѣпръ, который былъ весьма глубокъ, надлежало поступать осторожно. Къ тому же, при переходѣ чрезъ эту рѣку, нужно было знать, по какой дорогѣ можно было всего безопаснѣе идти впередъ; и хотя для того всего лучше казалось продираться сквозь густые лѣса, простирающіеся на 40 миль, однако здѣсь должно было скорѣе ожидать засадъ, которыя могли быть разставлены приверженцами тирана Бориса.

Тѣмъ не менѣе эта остановка на нѣсколько недѣль была дѣломъ Провидѣнія, потому что воины Димитрія, и особенно Поляки, имѣли время слушать слово Божіе изъ устъ Католическихъ священниковъ: многіе изъ нихъ лучше узнали дѣла Вѣры, въ коихъ нѣкоторые были весьма несвѣдущи; многіе подкрѣпили себя Св. Таинствами. Это такъ усилило ихъ бодрость и вѣрность во многихъ великихъ предпріятіяхъ, что впослѣдствіи храбрѣйшіе изъ нихъ продолжали сотнями причащаться каждую недѣлю. Такой примѣръ былъ весьма назидателенъ для Москвитянъ, потому что Богъ располагалъ такимъ образомъ событія для распространенія Католической Вѣры въ сихъ обширныхъ Сѣверныхъ странахъ.

ДИМИТРІЙ ПЕРЕХОДИТЪ ДНѢПРЪ, ВСТУПАЕТЪ ВЪ МОСКОВІЮ, ГДѢ ОДЕРЖИВАЕТЪ РАЗНЫЯ ПОБѢДЫ И ПРЕТЕРПѢВАЕТЪ ОДНО ПОРАЖЕНІЕ.

ГЛАВА VII.

Но Димитрій, благополучно переправившись чрезъ Днѣпръ и отправясь съ войскомъ обширнымъ лѣсомъ, не встрѣтилъ ни засадъ непріятельскихъ, ни сопротивленія; когда же приблизился къ первой пограничной крѣпости Московской, то она добровольно сдалась ему, не ожидая ни пальбы, ни приступа, хотя Борисъ снабдилъ ее гарнизономъ, состоявшимъ изъ осьми сотъ человѣкъ, укрѣпилъ пушками и велѣлъ сжечь предмѣстіе, дабы оно не могло служить станомъ для Димитрія. Оставивъ здѣсь значительный отрядъ своего войска, Димитрій отправился къ другой крѣпости, которая сильнѣе первой, но и она сдалась ему. Не разъ вступая въ битву съ воинами Бориса, который прислалъ войско для защищенія этой страны въ открытомъ полѣ, Димитрій нанесъ имъ нѣсколько пораженій, особенно подъ крѣпостью Новгородомъ *. Когда же онъ удалился отъ Новгорода, не имѣя возможности взять его, въ войскѣ произошло такое смятеніе,

* Новгородомъ Сѣверскимъ.

что, не будучи никѣмъ преслѣдуемо, оно раздѣлилось на три отряда. Одинъ пошелъ къ Чернигову, другой къ Путивлю: эти оба отряда хотѣли идти въ Польшу, частію съ Сендомирскимъ Воеводою, частію съ своими предводителями. Наконецъ третій отрядъ отправился въ Комарницкую волость, съ самимъ Димитріемъ. Настигнутый въ той же области весьма многочисленнымъ Борисовымъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ Москвитянъ, были и Татары и Нѣмцы, въ битвѣ 30-го января, прошедшаго 1605 года, Димитрій былъ такъ пораженъ, что не могъ возобновить сраженія для склоненія побѣды на свою сторону: виною этого пораженія были Козаки, на которыхъ онъ слишкомъ много полагался. Всѣ такъ упали духомъ, что каждый старался спастись бѣгствомъ, которое кончилось только за 14 миль отъ поля битвы, у Рыльска, второй крѣпости, сдавшейся Димитрію. Пробывъ здѣсь два дня для собранія воиновъ и для отдохновенія, Димитрій сдѣлалъ новый переходъ въ 12 миль, до Путивля, который ближе къ границамъ Польскаго Королевства. Козаки, не будучи впущены въ Путивль, отправились назадъ въ Запорожье (Zazurosso), откуда они пришли. Одна часть Поляковъ ушла въ Польшу, другая же осталась съ Димитріемъ: послѣдняя состояла изъ 500 человѣкъ. Съ этими воинами и съ другими, приставшими къ нему, Димитрій старался привести въ порядокъ войско, ободрить сдавшіяся ему крѣпости и послалъ въ Польшу за новою помощію: все это онъ дѣлалъ съ духомъ, болѣе нежели геройскимъ, не смотря на то, что находился въ описанномъ нами положеніи.

НОВЫЕ ЗНАКИ БОЖІЯ ПРОВИДѢНІЯ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ДИМИТРІЮ.

ГЛАВА VIII.

Но Богъ, который уязвляетъ и изцѣляетъ, оживилъ въ Димитріѣ и въ его приверженцахъ твердую надежду на счастливое продолженіе и окончаніе предпріятій. Полководецъ Борисовой рати, думая, что остатки Димитріева войска бѣжали въ Польшу, преслѣдовалъ его только одинъ день, т. е., до Рыльска. Рыльскъ, весьма сильная крѣпость, передалась (какъ уже сказано) Димитрію; къ ней принадлежала весьма пространная область. Противъ нихъ пошла часть войска Борисова: жители, поддерживаемые небольшимъ числомъ воиновъ, присланныхъ къ нимъ Димитріемъ, вышли на встрѣчу, убили тысячу, взяли въ плѣнъ 200 человѣкъ, и нанесли остальнымъ такое пораженіе, что непріятели оставили осаду и искали спасенія въ бѣгствѣ, какъ кто могъ. Тутъ были захвачены 2 пушки, а палатки частію сожжены, частію разграблены. Кромѣ того, пять другихъ, весьма сильныхъ, крѣпостей добровольно сдались Димитрію, вмѣстѣ съ обширными своими областями, именно, Осколъ, Нолойка *, Норонишъ **, Борисовъ градъ,

* Валуйки. — ** Воронежъ.

Бѣлгородъ. Въ послѣдней крѣпости было 150 пушекъ. Начальники всѣхъ этѣхъ крѣпостей, называемые Воеводами, отведены въ заключеніе въ Путивль и переданы во власть Димитрія. Равнымъ образомъ схваченъ былъ Гришка Отрепьевъ, этотъ знаменитый магъ и волшебникъ, о которомъ тиранъ распространялъ слухъ, что не Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, а этотъ магъ, извѣстный во всей Московіи за дурнаго человѣка, приходилъ вмѣстѣ съ Козаками Польскими, чтобы отнять у него престолъ. Такимъ образомъ, праведный судъ Божій, который всегда обрушаетъ на главы клеветниковъ ихъ собственныя клеветы, явно обнаружилъ, что совсѣмъ разные люди были этотъ магъ и Димитрій, законный Государь. Черезъ нѣсколько дней двѣ другія крѣпости вмѣстѣ съ ихъ областями также добровольно покорились Димитрію: онѣ называются Елецъ и Лепина *; послѣдняя изъ нихъ болѣе Путивля и гораздо важнѣе прочихъ въ военное время. По этому Димитрій, уразумѣвъ, что Богъ, хотѣвшій предшествовавшимъ пораженіемъ наказать войско за какой нибудь грѣхъ, тѣмъ не менѣе покровительствовалъ ему во всемъ прочемъ, прилежно старался возблагодарить Его и предаться днемъ и ночью въ волю Его десницы, такъ что Москвитяне и ихъ священники, называемые попами, дивились этому и назидались.

Когда Димитрію покорилось уже все Сѣверское Княжество и 8 крѣпостей внѣ этого Княжества, а успѣхъ его предпріятія все болѣе разглашался по Московіи, Бѣлогородцы перехватили письмо полководца Борисова войска, который уже нѣсколько недѣль осаждалъ Кромы, важную крѣпость, сдавшуюся Димитрію. Въ этомъ письмѣ полководецъ писалъ Борису, находившемуся въ Москвѣ, что онъ уже не въ силахъ удержать въ послушаніи солдатъ, которые разбѣгаются, что, кромѣ того, онъ ежедневно терпитъ уроны, наносимые крѣпостями, сдавшимися Димитрію, почему и просилъ, чтобы ему, какъ можно скорѣе, было прислано другое войско на помощь, въ противномъ же случаѣ хотѣлъ распустить своихъ людей и возвратиться въ Москву. Около 8-го Марта, того же 1605 года, тайно пришли въ Путивль три старца, посланные Борисомъ изъ Москвы къ народу Путивльскому, съ письмами, въ которыхъ Борисъ обѣщалъ Путивльцамъ простить ихъ за возмущеніе и поручалъ имъ убить Димитрія или прислать его плѣннаго, а также перебить или захватить въ плѣнъ находившихся при немъ Поляковъ. Были также письма отъ Патріарха или Митрополита Московскаго, который отлучалъ ихъ отъ Церкви и предавалъ проклятію. Но эти старцы были схвачены прежде, чѣмъ могли распространить въ народѣ письма; одинъ изъ нихъ, подвергнутый пыткѣ, открылъ все дѣло, и такимъ образомъ упомянутыя письма вынуты изъ ихъ сапоговъ, гдѣ они были зашиты. Прощенные Димитріемъ, старцы писали тирану и Патріарху, что они узнали въ Димитріѣ законнаго наслѣдника и Государя, и что напрасны будутъ всѣ старанія, противныя справедливости. Въ Путивлѣ была открыта еще другая измѣна: одинъ Москвитянинъ письменно призывалъ Борисово войско, обѣщаясь предать самаго Димитрія живаго. Измѣнникъ былъ отданъ народу, который разстрѣлялъ его.

---

* Ливны.

ДѢЛА БЛАГОЧЕСТІЯ И РАЗГОВОРЫ ДИМИТРІЯ СЪ ПОЛЬСКИМИ СВЯЩЕННИКАМИ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ПУТИВЛѢ.

ГЛАВА IX.

Димитрію нужно было долго оставаться въ Путивлѣ, такъ что онъ провелъ тамъ великій постъ того года и нѣсколько недѣль послѣ Пасхи: тогда онъ явилъ новые знаки благочестія. Свѣдущій въ обрядахъ Русскихъ, онъ разсуждалъ о нихъ съ своими попами такъ, что могъ ихъ научить и привести къ лучшему состоянію Вѣры изъ того внѣшняго и невѣжественнаго положенія, въ которомъ они содержали дѣла божественныя *. Онъ показывалъ столько благоговѣнія къ Блаженной Дѣвѣ, что ежедневно предъ образомъ Ея молился долго и усердно, поручая себя Ея заступленію. Изъ одной крѣпости, называемой Курскомъ **, ему принесенъ былъ образъ Богоматери, украшенный драгоцѣнными камнями, золотомъ и серебромъ: по словамъ Москвитянъ, во время пожара, случившагося въ храмѣ, этотъ образъ остался цѣлъ и неповрежденъ огнемъ. Димитрій пошелъ на встрѣчу образу, вмѣстѣ съ своими воинами, попами и Москвитянами, и съ великими почестями сопровождалъ его въ Путивль; на слѣдующій день онъ повелѣлъ торжественно носить этотъ образъ около крѣпости, и потомъ съ благочестіемъ снова поставилъ его въ городѣ. По случаю приближенія праздника Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы, который отцы Iезуиты и Польскіе воины собирались праздновать, Димитрій, зная объ этомъ, прислалъ имъ въ даръ другой образъ Пресвятой Дѣвы, весьма древній, хорошо писанный и тоже въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями: онъ хотѣлъ, чтобы въ такой торжественный день благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ еще болѣе возбудилось въ душахъ Поляковъ. Для праздниковъ Пасхи Димитрій подарилъ другой образъ, нѣсколько болѣе блестящій, и Персидское одѣяніе, изъ котораго сдѣланы риза и покровъ для украшенія алтаря; сперва же священники употребили этотъ покровъ на украшеніе гроба, выставляемаго Католиками на страстной недѣлѣ, въ воспоминаніе Господа нашего Іисуса Христа. Для этого торжества, равно какъ для торжества во время ночи, предшествующей дню Пасхи, когда въ Польшѣ празднуется память Христа воскресшаго, которую и въ Путивлѣ праздновали Польскіе солдаты въ этомъ году, начальникъ ихъ стана, господинъ Доржицкій, получилъ отъ Димитрія позволеніе вывезти изъ крѣпости нѣсколько большихъ и полевыхъ пушекъ къ дому, гдѣ Польскіе Католическіе священники отправляли богослуженіе; объ этомъ были предувѣдомлены главные изъ Москвитянъ, дабы пушечная пальба при отправленіи богослуженія не произвела тревоги. По этому настоящая ночь прогремѣла не только въ Путивлѣ, но гораздо далѣе, пушечною пальбою, барабаннымъ боемъ, звуками трубъ и литавръ и церковными пѣснопѣніями. Хотя Москвитяне изумились, однако остались проникнутыми удивленіемъ къ обрядамъ и благочестію Католиковъ.

---

* Читатели не забудутъ, что эти слова написаны Iезуитомъ, ревностнымъ приверженцемъ Католицизма.

** Въ подлинникѣ: Cursa.

Не смотря на то, что у Димитрія было на рукахъ огромное предпріятіе—завоевать отцовскую Имперію и содержать въ повиновеніи и вѣрности покорившіяся ему крѣпости и страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ отражать въ разныхъ мѣстахъ вторженія и нападенія враговъ, и сверхъ того наблюдать за всѣми дѣйствіями Бориса, особенно же охраняться отъ столькихъ предательствъ, безпрестанно замышлявшихся противъ него, тѣмъ не менѣе каждый можетъ удивляться не только его благочестію, но и заботливости о томъ, чтобы учредить со временемъ въ Московіи Академія и Коллегіи, въ которыхъ юношество могло бы воспитываться подобно тому, какъ въ Польшѣ. Объ этомъ Димитрій часто разсуждалъ съ Поляками и съ нѣкоторыми изъ своихъ: онъ жаловался на нерадѣніе и невѣжество Москвитянъ, изъ коихъ весьма немногіе умѣютъ читать, а еще менѣе знаютъ дѣла Вѣры; къ числу ихъ принадлежатъ и монахи, которые живутъ въ такомъ невѣжествѣ и своеволіи, что преобразованіе ихъ кажется необходимымъ *. Димитрій говорилъ, что онъ хочетъ, по восшествіи на престолъ Великаго Княжества Московскаго, призвать молодыхъ и хорошо воспитанныхъ иностранцевъ, для того, чтобы примѣромъ ихъ возбудить Московскихъ дѣтей къ изученію наукъ и искусствъ. Частые разговоры его объ этомъ предметѣ тѣмъ еще не кончились: онъ хотѣлъ въ немного дней имѣть понятіе о томъ, что древніе Латинскіе авторы писали касательно реторики и философіи.

ТИРАНЪ БОРИСЪ УМИРАЕТЪ СТРАШНОЮ И ВНЕЗАПНОЮ СМЕРТІЮ, А ЖЕНА ЕГО И СЫНЪ УМИРАЮТЪ ОТЪ ЯДА.

ГЛАВА X.

Между тѣмъ какъ Димитрій дѣйствовалъ такимъ образомъ въ Путивлѣ, Господь Богъ иначе дѣйствовалъ въ его пользу. 29-го Апрѣля, того же 1605 г., когда Борисъ принималъ какихъ то иностранныхъ пословъ, въ присутствіи своихъ Сенаторовъ и многочисленнаго дворянства, онъ внезапно былъ пораженъ рукою Божіею: открылось обильное кровотеченіе изъ его глазъ, носа, рта и ушей, такъ что онъ палъ мертвый. Свидѣтели этого были такъ устрашены, что почти всѣ стали тогда бояться суда Божія и признали, что само Провидѣніе защищаетъ правое дѣло Димитрія. Тѣмъ не менѣе жена Борисова побуждала сына своего, Θеодора, поскорѣе вступить въ управленіе Государствомъ; но она не могла успѣть въ своихъ намѣреніяхъ: народъ, возставши въ пользу Димитрія, заключилъ ее въ темницу вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью, дабы предать ихъ Димитрію для наказанія. Въ то время, какъ Димитрій находился въ Тулѣ и намѣревался идти къ Москвѣ, ему принесено было это извѣстіе Польскимъ капитаномъ, Домарацкимъ, который взятъ былъ

* Подъ словомъ *преобразованіе* авторъ разумѣетъ введеніе Католической Вѣры въ Россіи: — любимая мысль Іезуитовъ того времени. Не должно забывать, что это настоящая причина, почему здѣсь порицается состояніе нашего духовенства.

въ плѣнъ при пораженіи Димитрія подъ Новгородомъ и находился въ Москвѣ; освобожденный тогда, онъ явился съ извѣстіемъ о томъ, что видѣлъ собственными глазами, сказывая также, что многіе другіе плѣнные, находившіеся въ заключеніи у Москвитянъ, собирались идти къ Димитрію. По этому жена, сознавая жестокость своего мужа, уже умершаго, равно какъ и собственныя вины, приняла сама яду въ темницѣ и дала его дѣтямъ, въ слѣдствіе чего она и сынъ вскорѣ умерли; но дочь, при помощи врачей, давшихъ противуядіе, осталась жива.

ДИМИТРІЮ ПЕРЕДАЕТСЯ МНОГОЧИСЛЕННОЕ ВОЙСКО БОРИСА, ОСАЖДАВШЕЕ КРѢПОСТЬ КРОМЫ.

ГЛАВА XI.

Съ другой стороны Богъ позволилъ, чтобы Борисъ, собравши многочисленнѣйшее войско, какое когда либо собиралъ, именно болѣе 100 тысячь воиновъ, весь цвѣтъ Московіи, повелѣлъ Іоанну Годунову, своему двоюродному брату и предводителю въ этихъ предпріятіяхъ, взять важную крѣпость Кромы (о чемъ мы выше говорили). Эта крѣпость, сдавшаяся Димитрію, получила отъ него подкрѣпленіе около Духова Дня, послѣ того, какъ она уже выдержала десять жестокихъ приступовъ непріятеля. На помощь ея отправился господинъ Запорскій; при немъ было 200 человѣкъ Польской конницы изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ носятъ копья съ весьма острымъ желѣзомъ, и 100 человѣкъ пѣхоты: они приняли отъ священниковъ въ Путивлѣ обычное благословеніе. Приблизившись къ Кромамъ на разстояніе двухъ миль, Запорскій остановился и соединился съ 10,000 Московскихъ солдатъ, присланныхъ Димитріемъ. Въ это время Кромскіе воины, услышавъ, что многіе изъ Борисова войска склонялись на сторону Димитрія, вошли съ ними въ сношеніе. Вышедъ изъ крѣпости, они побили множество изъ тѣхъ солдатъ, которые еще оставались вѣрными Борису; тѣ же, которые были приверженцы Димитрію, притворно обратившись въ бѣгство, оставили Кромскихъ воиновъ убивать непріятелей, какъ они и сдѣлали. Въ это же время Запорскій отправилъ гонца къ Кромскому войску, съ письмомъ, содержаніе котораго состояло въ томъ, что 40,000 человѣкъ конницы идутъ изъ Польши и на слѣдующій день вступятъ въ битву съ Борисовымъ войскомъ, которое принуждено будетъ оставить осаду. Этому гонцу Запорскій наказалъ ѣхать вправо, въ направленіи къ непріятельскимъ постамъ, которые схватили его вмѣстѣ съ письмомъ и доставили письмо въ войско, гдѣ оно и прочтено. Подвергнутый пыткѣ, гонецъ объявилъ, что великое множество Поляковъ находится весьма близко. Въ Борисовомъ войскѣ сдѣлалось сильное волненіе, соединенное со страхомъ. Полководецъ отправилъ противъ подкрѣпленія, присланнаго Димитріемъ, сперва 200, а потомъ 2000 солдатъ; другой отрядъ Борисова войска слѣдовалъ за ними. Сшибка началась съ различными возгласами съ обѣихъ сторонъ; но враги, увидѣвъ копья Польской конницы и храброе нападеніе Димитріевой пѣхоты съ

боку, подумали, что это многочисленнѣйшее войско, и, не надѣясь одержать побѣду, добровольно сдались. Важнѣе же было то, что одинъ Москвитянинъ, по имени Басмановъ, который подъ Новгородомъ очень утомлялъ войско Димитрія, первый, съ нѣсколькими тысячами своихъ воиновъ, двинулся впередъ и, въ виду всего Борисова войска, громко закричалъ, что Димитрій его господинъ и наслѣдникъ Московіи, и за тѣмъ съ присягою предался войску Димитрія. Остальное войско послало къ Запорскому трехъ Воеводъ, которые, именемъ всѣхъ, поддались Димитрію; потомъ они прибыли къ нему въ Путивль съ 500 изъ войсковыхъ старшинъ и во имя всего войска дали присягу покорности и вѣрности: это было 23 Мая. Іоаннъ Годуновъ, начальникъ всего войска, по отъѣздѣ Мстиславскаго и Шуйскаго (отозванныхъ въ Москву), хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но пойманный и связанный своими же воинами, былъ приведенъ къ Димитрію и заключенъ въ Путивльской темницѣ, потому что не хотѣлъ преклонить главы предъ Димитріемъ. Трудно было бы изобразить, какъ велика была радость по случаю этого благодѣянія, посланнаго Богомъ, и съ какимъ усердіемъ приносило Ему благодаренія все войско. Часто были слышны слѣдующіе возгласы: „Богъ и молитвы нашихъ отцевъ покорили сердца враговъ и приклонили ихъ предъ яснѣйшимъ Государемъ, Димитріемъ.“ Были также слышны слѣдующія слова Димитрія, обращенныя къ священникамъ Іезуитскаго общества: „Теперь исполнилось то, что вы, отцы, предсказывали мнѣ во время нашего бѣдственнаго бѣгства, ибо вы говорили, что Господь Богъ, сильно поразившій меня, также сильно меня обрадуетъ, и что поэтому я не долженъ терять надежды на полную побѣду.“

ДИМИТРІЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ИЗЪ ПУТИВЛЯ И НАПРАВЛЯЕТЪ ПУТЬ СВОЙ КЪ МОСКВѢ, СТОЛИЦѢ И МИТРОПОЛІИ МОСКОВІИ.

ГЛАВА XII.

25 Мая, 1605 года, когда Димитрій покорилъ уже все Сѣверское Княжество и другія, такъ что вся Московія преклоняла выю предъ его властью; когда къ нему явились уже многіе воеводы и столько же духовныхъ лицъ, сколько свѣтскихъ, для того, чтобы признать его законнымъ Государемъ и испросить у него прощеніе, тогда, сопутствуемый многочисленною толпою, онъ двинулся изъ Путивля и отправился въ Москву. Изъ Путивля онъ направилъ путь свой къ Рыльску, и оттуда прибылъ 3-го Іюня въ Кромы. Онъ остановился здѣсь и далъ своимъ воинамъ случай удивляться и восхвалять Бога, который отнялъ разумъ и силы у столь огромнаго войска Борисова, между тѣмъ какъ такъ мало было войска у Кромскихъ жителей, которые непобѣдимо защищались и сохранили вѣрность къ Димитрію. Не говоря о войскѣ тирана, которое (какъ уже было сказано) состояло болѣе чѣмъ изо 100,000 воиновъ, здѣсь находилось 70 большихъ пушекъ, стрѣлявшихъ противъ крѣпости, и между ними нѣкоторыя были столь огромны, что два человѣка не могли обхватить ихъ. Но осажденные, имѣя глубокіе рвы, под-

копы и подземные ходы, и дѣлая разные вылазки, такъ поражали враговъ, что безъ всякихъ уроновъ имѣли всегда преимущество надъ ними. Равнымъ образомъ они сдѣлали двойные рвы, весьма глубокіе, не считая другихъ оборонительныхъ средствъ и оградъ крѣпости, такъ что если бы непріятель занялъ первый фронтъ города, то они въ замкѣ стали бы защищаться до тѣхъ поръ, пока у нихъ оставались бы жизнь и дыханіе. Оттуда Димитрій отправился въ Тулу, городъ, находящійся въ 36 миляхъ отъ Москвы, гдѣ было 600 старыхъ солдатъ Польскихъ изъ тѣхъ, которые подъ начальствомъ Короля Стефана Баторія уже воевали противъ Москвитянъ. Здѣсь отдыхали два дня, и въ продолженіе этого времени Димитрій имѣлъ особенное попеченіе о больныхъ. Потомъ онъ снова двинулся и прибылъ въ Орелъ. Его вездѣ встрѣчали новыя толпы народа, приходившаго отовсюду, особенно изъ Москвы. Видно было, что путеводителемъ Димитрія былъ самъ Богъ, который, отвративъ разныя козни враговъ, безопасно привелъ его съ войскомъ въ Москву. Тамъ, съ должными приготовленіями, торжествами и со всеобщею радостью, Димитрій былъ провозглашенъ Императоромъ всей Россіи, Великимъ Княземъ Московскимъ и другихъ Княжествъ, Царемъ Казани и Астрахани (такъ обыкновенно именуется Великій Князь). Послѣднія двѣ провинціи, называемыя у Русскихъ Татарскими Ордами, были завоеваны Іоанномъ, отцемъ Димитрія, какъ уже выше сказано. День вѣнчанія Димитрія на царство былъ послѣдняго числа Іюля, послѣ котораго слѣдуетъ праздникъ св. Петра и веригъ: какъ Петръ былъ освобожденъ отъ заключенія Иродова, такъ онъ умолилъ небо, чтобы и Димитрій былъ освобожденъ изъ рукъ другаго Ирода и возведенъ на отцовскій престолъ.

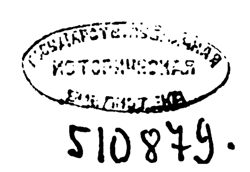
ДИМИТРІЙ, ВѢНЧАННЫЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИМЪ ВѢНЦОМЪ, СТАРАЕТСЯ ПРИНЕСТЬ БЛАГОДАРЕНІЯ БОГУ И УСТРОИТЬ ДѢЛА СВОЕЙ ИМПЕРІИ.

ГЛАВА XIII.

Человѣческій разумъ едва можетъ постигнуть, съ какимъ смиреніемъ, силою души и благоразуміемъ Димитрій принесъ благодаренія Богу и началъ устроивать дѣла своей Имперіи. Изъ того уже, что совершено за нѣсколько недѣль предъ симъ, можно понять прошедшее и дѣлать предположенія о томъ, чего должно ожидать въ будущемъ.

Главное состоитъ въ слѣдующемъ: Димитрій уже девять недѣль мирно царствовалъ; монета чеканилась съ его изображеніемъ и надписью; Воевода со всею Псковскою областью далъ ему присягу въ вѣрности; въ церквахъ совершались общественныя моленія о Димитріи и проклиналось имя Бориса; Полякамъ открыты свободныя сношенія съ Московіею и входъ въ нее; въ казнохранилищѣ найдено девять сундуковъ съ драгоцѣнностями; 74 семейства, державшія сторону Бориса (изъ коихъ многіе были его родственники) заключены и отправлены въ ссылку въ разныя мѣста Имперіи—всѣ они въ однихъ рубашкахъ везены въ телѣгахъ, въ виду

всей Москвы; Димитрій писалъ къ жителямъ Пскова, даруя прощеніе всѣмъ, кто носилъ оружіе противъ него; равнымъ образомъ онъ писалъ къ Московскому дворянству, приказывая быть въ готовности, чтобы, по первому повелѣнію, начинать войну противъ Шведовъ, отложившихся отъ Короля Польскаго; Димитрій велѣлъ вырыть тѣло Бориса изъ мѣста погребенія Великихъ Князей, находящагося въ храмѣ св. Михаила, и похоронить его внѣ Москвы, въ монастырѣ св. Амвросія; Петръ Басмановъ съ 332 особами и 260 лошадьми отправленъ съ драгоцѣнными дарами и почетнымъ посольствомъ къ Королю Польскому, чтобы принести ему благодарность и чтобы заключить тѣснѣйшую дружбу съ Королевствомъ Польскимъ: это посольство прибыло въ Краковъ въ то время, какъ Король приказалъ приносить общественныя благодаренія Богу по тому случаю, что въ Ливоніи небольшое войско его побило 9,000 солдатъ мятежнаго Герцога Карла и разсѣяло и взяло въ плѣнъ до 14,000, при чемъ, между прочими, Герцогъ Люнебургскій съ своими Нѣмцами и съ однимъ изъ Графовъ Мансфельтъ, и Ландерсонъ, Губернаторъ Ревельскій, пришедшіе на помощь Герцогу Карлу, убиты, а самъ Герцогъ, Карлъ, былъ раненъ и спасся на корабли, съ которыми отправился обратно въ Швецію. Димитрій намѣревался также отправить другое посольство къ Папѣ Римскому, чтобы получить отъ него новое благословеніе, ибо ему было извѣстно, что отецъ его, Іоаннъ, не только отправилъ къ Папѣ первое посольство для заключенія мира съ Польшею, но еще другое для принесенія благодарности за послѣдовавшій миръ. Кромѣ дружественной грамоты къ Королю Польскому, послана другая къ Сендомирскому Воеводѣ, съ 40 связками соболей * въ даръ и съ 100,000 талеровъ для его дочери, на которой Димитрій хотѣлъ жениться: онъ приглашалъ воеводу привезти ее къ нему какъ можно скорѣе. Такимъ образомъ два знаменитые и царственные брака (Короля Польскаго и Димитрія) должны послѣдовать почти въ одно время, съ надеждою, что имѣя жену Католической Вѣры, Димитрій станетъ распространять благочестіе Да будетъ Богу слава!

* Въ подлинникѣ: 40 Timarri (?) di zibellini.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПИСЬМО ЯСНѢЙШАГО ГОСПОДИНА КАРЛА ХОДКЕВИЧА, ПРЕДВОДИТЕЛЯ ВОЙСКА СВѢТЛѢЙШАГО КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО ВЪ ЛИВОНІИ, КЪ ЯСНѢЙШЕМУ И ДОСТОПОЧТЕННѢЙШЕМУ Г ВИЦЕКАНЦЛЕРУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, О ПОБѢДѢ, ОДЕРЖАННОЙ НАДЪ КАРЛОМЪ, ГЕРЦОГОМЪ ЗЮДЕРМАНЛАНДСКИМЪ И ДРУГИМИ МЯТЕЖНИКАМИ. ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА ИТАЛІЯНСКІЙ.*

Я опишу вамъ въ этомъ письмѣ все, что здѣсь дѣлается и что говорятъ. Я благополучно окончилъ все дѣло съ врагомъ нашимъ, Карломъ, и притомъ скорѣе, чѣмъ думали я и мои подчиненные. Услышавъ, что я прибылъ къ Кирхгольму, Карлъ съ 14,000 своего войска пришелъ 27 Сентября въ то мѣсто, гдѣ я находился, съ моимъ войскомъ. Неизвѣстно, почему онъ показывалъ тщеславныя надежды. Удивительно, какъ онъ въ своемъ воображеніи думалъ поглотить всю Ливонію; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его усиліямъ. Въ самомъ дѣлѣ, я вовсе не равенъ былъ съ нимъ по числу воиновъ, ибо изъ войска моего Свѣтлѣйшаго Короля въ послѣдовавшемъ сраженіи со мною, было не болѣе 3,400 солдатъ и 300 человѣкъ Нѣмецкой конницы, съ которою яснѣйшій Герцогъ Курляндскій присоединился къ намъ. На моей сторонѣ было право и благоволеніе Божіе, которыя благопріятствовали мнѣ, потому что они во время помогаютъ невиннымъ и рѣшаютъ все по справедливости. Въ продолженіи часа, между тѣмъ какъ оба войска сражались мужественно и изо всѣхъ силъ, побѣда была сомнительна. Наконецъ, послѣ самыхъ большихъ усилій нашего войска, враги прогнаны съ мѣста битвы и изъ ихъ стана; въ смятеніи обратились они въ бѣгство и своею кровью обагрили Кирхгольмскія поля вдоль и поперегъ. Карлъ, также раненный, спасся бѣгствомъ и съ помощью своихъ людей укрылся на корабляхъ. Изъ его войска 9,000 остались мертвыми на мѣстѣ. Прочіе разсѣялись въ этомъ бѣгствѣ, по ту сторону Двины, въ Курляндіи: всякой, встрѣчавшійся съ ними, убивалъ ихъ. Многіе также потонули въ Двинѣ, въ Кіеннѣ, въ болотахъ и въ озерахъ. Герцогъ Люнебургскій и Ландерсонъ, предводитель войска Карла Зюдерманланд-

---

* Письмо это на Латинскомъ языкѣ помѣщено въ Латинскомъ изданіи „Повѣствованія о Димитріи Самозванцѣ, 1606 г.,“ а въ переводѣ съ Латинскаго на Италіянскій языкъ также въ изданіи Бареццо Барецци; мы передаемъ его, какъ и все сочиненіе, на основаніи послѣдняго, не зная достовѣрно, сообщается ли оно въ первомъ изъ этихъ изданій въ подлинномъ видѣ, или же, какъ можно скорѣе предполагать, въ переводѣ съ Италіанскаго. Тоже должно замѣтить и о слѣдующемъ письмѣ.

скаго, и многіе другіе благородные военачальники были тамъ убиты. Взятыхъ въ плѣнъ было болѣе 460; знамена и 11 пушекъ отбиты у непріятеля; словомъ, этою побѣдою мы обязаны не нашимъ силамъ: Божія воля и десница сокрушили Фараона. Изъ войска Свѣтлѣйшаго Короля убито немного менѣе ста человѣкъ. Въ лошадяхъ наши солдаты потерпѣли великую потерю: многія ранены. Но если примемъ въ соображеніе столь многочисленное войско, каково было непріятельское, и столь частые пушечные и ружейные выстрѣлы, то найдемъ, что еще весьма малое число ихъ погибло. Господь Богъ спасалъ меня и нашихъ воиновъ отъ выстрѣловъ артиллеріи. Онъ такъ обуздалъ и уничижилъ гордость враговъ, что, по моему мнѣнію, они не скоро и не легко снова соберутся съ силами.

Изъ Риги, 29 сентября, 1605.

ИЗЪ ДРУГАГО ПИСЬМА ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНАГО ГОСПОДИНА ВОЙНЫ КЪ ЕГО БРАТУ, И ВЕРНАДИНЦА ОТЦА ЯЛОРАЦКАГО КЪ ЕГО ВИЛЕНСКОМУ НАМѢСТНИКУ.

Сраженіе происходило въ самый день св. Станислава, когда въ крѣпости назначены были сорокачасовыя моленія въ храмѣ этого святаго. Пишутъ, что Карлъ Зюдерманландскій получилъ денегъ для своего войска отъ Бориса, тирана Московскаго. Говорятъ, что убитъ одинъ изъ Графовъ Мансфельтъ, бывшій вмѣстѣ съ мятежникомъ Карломъ. Весь лагерь и палатки враговъ сдѣлались добычею нашихъ солдатъ. Герцогъ Курляндскій прибылъ только за полчаса до битвы: подъѣхавъ къ Двинѣ и увидѣвъ, что наши приготовлялись къ сраженію, онъ, вмѣстѣ съ своею лошадью, бросился въ рѣку, которая весьма глубока; его воины послѣдовали за нимъ, и такимъ образомъ они благополучно прибыли къ нашему войску. Нашъ яснѣйшій военачальникъ приходилъ въ нашу Рижскую церковь благодарить Бога за одержанную побѣду *.

* За тѣмъ, въ Италіянскомъ подлинникѣ припечатано еще „Avvertimento a lettori nella presente Relatione." Содержаніе его слѣдующее: „Здѣсь сказано (именно, на строкахъ 8 и 35 страницы 4-ой), что блаженной памяти Григорій XIII, по прошенію Московскаго Государя, отправилъ въ Московію священника для переговоровъ о мирѣ съ Королемъ Польскимъ: это былъ отецъ Антоній Поссевинъ, изъ общества Іезуитовъ, сочинитель „Комментаріевъ о Московіи," въ которыхъ заключаются полныя свѣдѣнія объ обрядахъ и религіи этихъ народовъ, также обо всемъ, послѣдовавшемъ при заключеніи означеннаго мира. Любопытные могутъ видѣть это изъ самыхъ Комментаріевъ, напечатанныхъ въ Мантуѣ, у Франциска Осанны."

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЪИДУЩЕЙ МОСКОВСКОЙ ИСТОРІИ *.

Божіею помощію и содѣйствіемъ Поляковъ получивъ отеческій престолъ и скиптръ, покоривъ и утвердивъ миромъ области Московской Имперіи, Димитрій прежде всего подумалъ о принесеніи благодарности тѣмъ, отъ кого получилъ такія благодѣянія. По этому онъ отправилъ посломъ къ Свѣтлѣйшему Королю Польскому, Сигизмунду Третьему, Аѳанасія Ивановича Власьева Roasiloviae), начальника своей казны, котораго Поляки (10-го Ноября) съ почестями ввели въ Краковъ, вмѣстѣ со всею его свитою, состоявшею почти изъ 500 человѣкъ. 14-го числа того же мѣсяца онъ былъ торжественно допущенъ Королемъ на аудіенцію: привѣтствовавъ Государя отъ имени Димитрія и изложивъ Божіи милости и пособія Свѣтлѣйшаго Короля и Польскихъ вельможъ, помогавшихъ Димитрію въ завоеваніи отцовской Имперіи, которою онъ уже мирно владѣетъ, Власьевъ принесъ благодарность Богу, Свѣтлѣйшему Королю Сигизмунду и вельможамъ Королевства. Потомъ онъ присовокупилъ слѣдующія статьи:

Димитрій, Государь его, весьма огорченъ пораженіями Христіанъ, которые много потерпѣли отъ Турокъ и въ прежніе и въ нынѣшніе годы: Рудольфъ, непобѣдимый Императоръ Христіанъ, раздраженъ и Венгерское Королевство раззорено, хотя это нанесенное ему оскорбленіе обратилось въ безславіе самому Турецкому Императору и принесло ему гораздо тягчайшія бѣдствія. Но всего прискорбнѣе то, что колыбель Христова и земли, ознаменованныя Его стопами, прославленныя Его рожденіемъ, жизнію, поученіями, чудесами, и освященныя Его смертію, находятся во власти столь нечестиваго врага, безъ почитанія и поклоненія. По этому Димитрій рѣшился, съ Божіею помощію и пользуясь дружбою и союзомъ Королевства Польскаго и Христіанскихъ Государей, отнять эти святыя мѣста изъ рукъ Магометанъ. Далѣе, чтобы показать себя благодарнымъ за всѣ благодѣянія Королевства Польскаго и чтобы вступить въ тѣснѣйшій съ нимъ союзъ, онъ просилъ оттуда себѣ подругу жизни и судьбы, испрашивая соизволенія Короля на брачный союзъ его съ дочерью Георгія Мнишекъ, Воеводы Сендомирскаго и Польскаго вельможи. Димитрій полюбилъ ее всего болѣе потому, что отецъ ея не только оказывалъ ему содѣйствіе въ Польшѣ, но и защищалъ его въ Московіи во многихъ битвахъ съ врагами, въ слѣдствіе чего онъ и занялъ отцовскій престолъ.

На эти статьи Свѣтлѣйшій Король Сигизмундъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: Ему пріятно посольство Димитрія, какъ доказательство любви и благодарности. Привѣтствіе его онъ принимаетъ съ тѣмъ, чтобы послать ему подобное же привѣтствіе, соединенное съ желаніемъ успѣха во всемъ. Онъ радуется и поздравляетъ его съ возвращеніемъ отцовскаго государства, утвержденнаго столь неожиданнымъ миромъ и всеобщимъ согласіемъ. Горесть Димитрія о пораженіяхъ, нанесен-

---

* Это продолженіе находится только въ Латинскомъ изданіи „Повѣствованія о Димитріи Самозванцѣ“ 1606-го года (см. выше), на основаніи котораго мы и предлагаемъ здѣсь переводъ его.

ныхъ Христіанамъ, весьма справедлива; что же касается до приглашенія вступить въ союзъ противъ Турокъ, то мысль Димитрія пріятна ему, какъ доказательство ревности къ защищенію и распространенію Христіанской Вѣры; но онъ не можетъ рѣшиться на столь великое дѣло безъ совѣта и согласія чиновъ Королевства Польскаго. Онъ изъявляетъ свое соизволеніе на брачный союзъ Димитрія съ просимою имъ особою: желанія его относительно супружества Димитрія состоятъ въ томъ, чтобы онъ съ нею счастливо прожилъ много лѣтъ, во славу Божію, для твердаго и постояннаго союза съ сосѣдними Государствами и для мира и спокойствія подданныхъ.

По окончаніи аудіенціи, посланникъ Димитрія, именемъ Государя своего, торжествовалъ бракъ съ Маріею Анною, дочерью Сендомирскаго Воеводы. Невѣсту передалъ посланному яснѣйшій и достопочтенный Кардиналъ Краковскій: это происходило 22-го Ноября. За тѣмъ послѣдовалъ брачный пиръ, на которомъ былъ самъ Король Польскій, также какъ большая часть Польскихъ вельможъ и посланники иностранныхъ Государей, въ томъ числѣ и Персидскій посолъ. Потомъ невѣстѣ и ея родителю переданы присланные отъ Димитрія дары, которыхъ цѣнность выше 200,000 флориновъ. Почти въ тоже время прибыла Свѣтлѣйшая невѣста Короля Польскаго, Констанція Австрійская, дочь блаженной памяти Карла, Эрцгерцога Австрійскаго, и Анны Маріи; ее сопровождали Свѣтлѣйшая мать ея, Свѣтлѣйшая сестра, Марія Христіерна, и Свѣтлѣйшій братъ, Эрнестъ Максимиліанъ. По этому случаю Димитрій прислалъ другаго посла съ богатыми дарами и вмѣстѣ съ тѣмъ грамоту, въ которой поздравляетъ Короля со вступленіемъ въ бракъ и увѣдомляетъ, что онъ послалъ въ Швецію, къ мятежнику Карлу, грамоту съ объявленіемъ ему войны, если онъ не возвратитъ Королевства законному Государю. Вотъ списокъ съ этой грамоты:

„Мы Свѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Государь, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Императоръ и Великій Князь всея Россіи, Государь и Царь всѣхъ Татарскихъ Царствъ и многихъ другихъ Государей, подчиненныхъ Московской Державѣ.

По древнему обычаю мы увѣдомляемъ почти всѣхъ сосѣдственныхъ Государей о благополучномъ вѣнчаніи нашемъ, также какъ о милости всемогущаго Бога къ намъ и строгости Его въ отношеніи къ нашему врагу. Мы знали, что таковой Божій судъ доставитъ много удовольствія истиннымъ Государямъ. Но мы думали, что всего нужнѣе увѣдомить объ этомъ тебя, который уже прежде показалъ себя врагомъ Величества Государей. У насъ съ Свѣтлѣйшимъ Королемъ Польскимъ и Шведскимъ, нашимъ братомъ, а твоимъ Государемъ, заключенъ тѣснѣйшій союзъ и дружба, какъ въ слѣдствіе необходимыхъ отношеній между всѣми законными Государями, такъ и по причинѣ отеческой къ намъ любви Его Величества, которую мы недавно испытали въ нашемъ дѣлѣ. Ты же, нарушивъ всѣ законы народные, естественные и Божіи, въ противность вѣрности и присягѣ, данной Его Величеству, не только беззаконно отнялъ у него наслѣдственное Королевство, но и поднялъ противъ него нечестивое оружіе, и донынѣ пребывая въ мятежномъ состояніи, безъ всякаго права удерживаешь и присвоиваешь себѣ Шведское Королевство. Въ слѣдствіе этого, по праву нашего союза, мы убѣждаемъ тебя возвратиться къ долгу и здравомыслію, просить прощенія у Свѣтлѣйшаго Короля и Го-

сударя твоего и возвратить ему дѣдовское его Королевство, какъ того требуютъ всѣ права Божественныя и человѣческія. Если же ты не сдѣлаешь этого, то мы не будемъ долѣе терпѣть столь безславнаго оскорбленія, нанесеннаго тобою брату, другу и сосѣдственному Государю; но рѣшились всѣми силами нашими помогать Его Величеству въ завоеваніи Шведскаго Королевства. Мы не сомнѣваемся, что самъ Богъ будетъ вспомоществовать намъ въ нашихъ предпріятіяхъ и воевать за насъ въ столь справедливомъ дѣлѣ. И такъ, если въ тебѣ есть еще сколько нибудь благочестія, обдумай все это, и изъ недавней и бѣдственной гибели нашего врага познай, что Богъ прилежно бдитъ о поставленныхъ имъ Короляхъ и Государяхъ, за всѣми же врагами и убійцами ихъ наблюдаетъ такъ строго, что никакое вѣроломство противъ нихъ не остается безъ Его наказанія. Писано въ Москвѣ, 22-го октября, 1605.

Димитрій Царь."

RELAZIONE

della segnalata,

ET

COME MIRACOLOSA CONQVISTA

DEL PATERNO IMPERIO.

CONSEGVITA DAL SERENISS. GIOVINE

DEMETRIO GRAN DUCA DI MOSCOUIA,

l'anno 1605,

CON LA SUA CORONAZIONE, ET CON QUEL CHE HÀ FATTO DOPPO CHE FÙ CORONATO L'VLTIMO DÌ DI LUGLIO, FIN' À QUESTO GIORNO.

RACCOLTA DA SINCERISSIMI AUUISI PER

Barezzo Barezzi.

IN FIRENZE, APPRESSO IL GUIDUCCI.

MDCVI.

Con licenza de'Superiori.

Confini del Regno di Moscouia.

Tutto l'Imperio del Gran Duca di Moscouia verso il Settentrione, è terminato dal Mare Glaciale.

Dall' Oriente, da Tartari, massime da quei che si chiamano Czeremissi, et dal Mare Caspio nell' Asia.

Dal mezogiorno, da Turchi, et da Pollacchi.

Dall' Occidente, dalla Liuonia, et dalla Finlandia soggetta al Regno di Suetia, il qual Regno è di Sigismondo Terzo Sereniss. Re di Polonia.

RELAZIONE

della segnalatissima conquista

DEL PATERNO IMPERIO,

CONSEGUITA DA

DEMETRIO GRAN DUCA DI MOSCOUIA,

L'ANNO MDCV.

PROVIDENZA GRANDE DI DIO NELL' ORDIRE QUESTA IMPRESA.

CAP. I.

Demetrio nuouamente assunto (può dirsi miracolosamente) al grande Ducato di Moscouia, et à gli altri Paterni Dominij, tanto della Russia, quanto de' Tartari di Casano, et di Astracano, già da suo Padre soggiogati; ci porge occasione di scriuerne vna compita narratione; sì perche si è raccolta di mano in mano da coloro, i quali in Polonia, et in Moscouia si sono trouati presenti à tutto quel ch'intorno à questo fatto è seguito; sì anco perche nell' Istorie di alcune centinaia d'anni appena può trouarsi vn simile essempio, in cui così espressamente riluca la prouidenza di Dio.

Per far questo è necessario ripetere da alto quelle cose, le quali furono indicij, che da più alto consiglio, che dall' humano, questo negocio doueua guidarsi, per ridurlo à qualche gran fine, per beneficio del Christianesimo.

Visse Gregorio Terzodecimo Pontefice di beata memoria, in tutto'l suo Ponteficato con vna perpetua brama di promouere ogni bene, et di propagare la Fede Catolica. Et fra molti aiuti dati a nationi straniere, come da Padre vniuersale, hebbe la mira d'inuitare i Prencipi, ancorche alieni dalla Sede Apostolica, alla salute loro, et conseguentemente de' suoi popoli.

Frà questi durò per alcuni anni fisso nel pensiero di sua Santità il desiderio dell' aiuto di Moscouia, come vltimo Regno dell' Europa, che anco si stende dentro nell' Asia fino al mare Caspio. Pertanto mandando il Cardinal Morone per Legato à Massimigliano Imperadore nella dieta di Ratisbona, gli diede commissione, che operasse colla Maestà sua, che elettosi vn buon Prelato Tedesco,

si potesse mandare con raccomandatione dell' Imperadore, et con breue di sua Santità, per Nuncio à Giouanni di Basilio, allhora gran Duca di Moscouia. Il che essendosi conchiuso (se bene non mancarono alcuni, i quali per odio della Religione Catolica cercarono d'impedirlo) mentre detto Nuncio si preparaua pel viaggio, cadde infermo, et si morì. Così passato questo negocio, non si raffreddò però la volontà di Gregorio, laonde tentò altra strada; percioche chiamato à se Alessandro Canobio, il quale poi morì Vescouo di Forlì, l'inuiò verso Moscouia con quelle instruzzioni, doni, et Breui, i quale à tale impresa paruero necessarij. Andossene Alessandro, il quale quantunque per raccomandazione del Pontefice hebbe dal Rè di Polonia passa porti, et guide; nondimeno giunto a' confini del Regno, non solo fù spogliato, ma impedito da quei, che non voleuano, che la Fedè catolica si propagasse tanto oltre: si che non potendo passare più innanzi, ritornò senza effetto à Roma. Allhora il Pontefice perseuerando nell' offerire à Dio questo suo desiderio, hebbe occasione di mandare vn Sacerdote con alcuni compagni al Rè Giouanni Terzo di Suetia, padre del presente Sigismondo Terzo Rè di Polonia, et di Suetia; perchioche Giouanni Terzo haueua mandato à Roma vn suo Ambasciadore, il quale fra alcun' altre cose trattasse con sua Santità, che da lei fosse mandata persona, nel cui petto potesse confidentemente, et senza alterazione de' suoi Regni, manifestare i modi, che desideraua, per restituire i suoi sudditi alla Fede antica Catolica, et insieme ridurre se stesso dentro la Santa Chiesa, si come per la sua parte, et di molti altri fece. Per questa strada dunque tentò Gregorio, che si potessero mandare alcuni suoi Breui dalla parte di Finlandia contigua alla Moscouia, à quel gran Duca. Ma essendo il Re di Suetia in armi contra Moscouiti, rispose, che non era tempo, che per suo mezo si mandassero detti Breui, dubitando, per quanto dalla sua risposta si congietturò, ch'il Moscouito non s'inalzasse tanto più contra esso Re, quanto giudicasse di hauere necessità di tai Breui per pacificarsi seco. Così anco esclusa questa via, Iddio attendeua colla sua Diuina prouidenza ad aprirne vn'altra impensata all' istesso Pontefice, accioche et à Dio ridondasse l'intera gloria, et al Pontefice mostrasse, che i continuati desiderij di aiutare il Christianesimo, sarebbero col tempo precursori de' maggiori effetti, di quel che giamai huomo poteua imaginarsi.

Era, come si è detto, Gregorio fisso in questo pensiero non solo per la salute de' Moscouiti, ma perche antiuedeua, che coloro vniti colla Sede Apostolica, et rapacificati col Regno di Polonia, amendue questi Potentati basterebbero per aiuto del Christianesimo; et che insieme ottenendosi dal Gran Duca di Moscouia facoltà di poter mandare pel suo Imperio huomini al Re di Persia, et all' Indie per terra ferma, si come si ottenne, si apriua vna porta assai grande à beneficio di tutta la Chiesa di Christo.

Or la sapienza di Dio, la quale co i suoi fili ordiua questa tela, per darla poi più facile à tessersi nelle mani della Sede Apostolica; dispose, che Giouanni di Basilio, et padre di Demetrio, assalito già due volte dall' essercito di Stefano Batori Re di Polonia, et vedendō ch'el terzo anno preparaua nuouo essercito per spuntare più oltre à nuoue vittorie, fù costretto à mandare all'istesso Gregorio vn suo Internuncio, ò Ambasciatore nominato Seuergeno, tanto con sue lettere,

quanto con quelle di Rodolfo Imperadore; accioche sua Santità mandasse subito persona, la quale procurasse, che Stefano Re desistesse da muouergli nuoua guerra. Le lettere del Gran Duca di Moscouia erano di questo tenore, che Gregorio doueua esortare, et indurre Stefano Re à sfoderare la spada più tosto contra il nimico comune, che à cercare di spandere il sangue Christiano; et che anco esso Gran Duca farebbe il medesimo, quando il Re deponesse l'armi contra di lui.

Allhora dunque il Pontefice hauendo accolto con ogni benignità l'Internuncio del Moscouito, doppo cinquanta anni, che di Moscouia non n'era venuto altro à Roma, si risolse di mandare il medesimo Sacerdote, che pochissimi giorni richiamato da sua Santità era giunto di Suetia à Roma, accioche fra'l Re di Polonia, e'l Moscouito procurasse la pace.

Videsi col successo di questi maneggi, come Iddio era quello, il quale disponeua tutto questo fatto; perchioche nel trattare detta pace conueniua essere molto informato di molte cose del Regno di Suetia, di cui anco bisognaua ragionare in quegli accordij conueniua parimente essere stato in Germania, et hauere comunicato in varij luoghi per prenderne scambieuole luce; et finalmente conueniua hauere trattato prima con Stefano Re di Polonia di ciò che con lui dal Re di Suetia si pretendeua accioche l'vn negocio non impedisse l'altro, et questi due Re più restassero vn giorno vnanimi, quando seguisse la pace col Moscouito,

Però il sudetto Sacerdote sendo stato la prima volta cinque mesi col Re di Suetia, et la seconda vn' anno intero, et hauendo trattato prima di quest' vltima volta coll' Imperatore, et col Re di Polonia, riceuette occultamente tanta luce di questi negocij, che poi hebbe in pronto efficaci ragioni, per le quali, Dio aiutante, in sette mesi, che stette in Moscouia, cioè due mesi nell' essercito del Re di Polonia sotto Plescouia, et due mesi col Gran Duca di Moscouia, si conchiuse la pace, si restituì la Liuonia al Regno di Polonia, con trentatre fortezze, si fondò in Liuonia il Vescouato di Venda, si eressero due Collegij in Riga, et Derpato finitimo alla Moscouia; et si lasciò in piedi vn Seminario per i Ruteni in Vilna, à spese della Sede Apostolica, accioohe vi si formassero operarij, i quali giouare potessero col tempo alla Moscouia: oltre altri beni, che seguirono poi, tutti effetti di quel primo desiderio, che Iddio inspirato, et continuato haueua in Gregorio Terzodecimo.

QVALI FIGLIVOLI HEBBE GIOVANNI DI BASILIO GRAN DUCA DI MOSCOUIA.

CAP. II.

Or Giouanni di Basilio haueua due figliuoli, quando si cominciò in nome di Gregorio à trattare la pace col Regno di Polonia, et col grande Ducato di Lituania. Il primo era Giouanni di età di venti anni, già maritato, et propenso alla benignità; l'altro Teodoro, à cui da fanciullo, per quanto si disse, fù fatta dare vna beuanda, accioche restasse priuò d[illegible] ome scemo, et innocente,

perche non hauesse à competere del paterno Imperio con suo fratello maggiore: la qual cosa parimente cagionò, che al Sacerdote mandato da Gregorio per promuouere la Religione, et la pace, non fu permesso di vederlo, ne di dargli il Breve di sua Santità, il quale oltre gli altri, anco à lui per vfficio paterno si scriueua. Ma Iddio permise, ch'el padre venendo à contesa con Giouanni suo primogenito per conto della sua moglie, in cosa però non dishonesta, et ferendolo più grauemente di quel che voleua, con quel bastone ferrato, che'gli soleua portare, l'vccidefse, et cosi lasciasse, morendo, à Teodoro l'Imperio; hauendo però due anni preso vna moglie giouane, della quale nacque Demetrio, che hora regna nell' Imperio paterno; et hauendo assignato alcuni principali Signori per tutori ad amendue i figliuoli separatamente, cioè à Teodoro, et à Demetrio.

TEODORO SVCCEDE NELL' IMPERIO À GIOUANNI DI BASILIO SUO PADRE; BORIS DI HODUNO S' IMPADRONISCE DEL DETTO IMPERIO DOPPO LA MORTE DI TEODORO.

CAP. III.

Teodoro adunque succedendo nell' Imperio al padre, hebbe per moglie vna donna accorta; la quale vedendo il marito nè atto à gouernare, nè per le sue indisposizioni bastante per hauere prole, gli mise appresso vn suo fratello nominato Boris Hoduno, accioche si insinuasse nell' amministrazione dell' Imperio. Cosi coll' aiuto della sorella in breue tempo si puose in mano il gouerno d' ogni cosa; et doppo hauere vn pezzo in nome di Teodoro amministrato (per quel che allhora si vedeua) il tutto assai bene, disegnò di farsi Gran Duca, vedendo che colla detta inhabilità di Teodoro, si congiungeua la speranza della sua breue vita. Si sbrigò dunque destramente de' Tutori lasciati da Giouanni di Basilio à Teodoro, mandandogli verso Casano, et Astracano, et ad altri luoghi lontani, con titolo di Gouernatori, et con ordine, che guerreggiassero con gli altri Tartari non ancora soggiogati: doppo il qual fatto tutti in breue tempo ò morirono, ò si dispersero in modo, che non si seppe ciò che di loro auenisse. Ne passò lungo tempo, che Boris fece lo stesso à i Tutori di Demetrio, quando ancora determinò di far morire Demetrio, il quale si alleuaua in vn Castello lontano dalla Corte, che dal padre gli era stato lasciato, con tutta quella Prouincia. Et hauendo mandato huomini per fare l' effetto, il Gouernatore di Demetrio (il quale si dice, che fosse Tedesco, di vn luogo presso Colonia) fu auisato dalla madre di Demetrio della loro venuta, et del luogo, et tempo nel quale s'era determinato di vccidere Demetrio: mise dunque il Gouernatore à dormire in vn medesimo letto con Demetrio, vn figliuolo dell' istessa età, et fattezze, senza dire ad alcuno cosa veruna; et come fu addormentato, fece portare Demetrio secreta-

mente fuori del letto. Venuto il tempo determinato di ammazzare Demetrio, i sudetti mandati da Boris, pensando coprire il misfatto coll' oscurità della notte, andarono al letto di Demetrio, e strangolarono quell' altro figliuolo, credendo che fosse Demetrio: I seruitori domestici del quale hauendo sentito strepito, et qualche grido del figliuolo, corsero al letto di Demetrio, et vedendo il figliuol morto, et credendo, che fosse Demetrio, restarono tutti attoniti, et addolorati. Corse in vn momento la fama di questo fatto à luoghi circonuicini, onde fu subito tanto il concorso della gente, che ò dalla calca, ò da altro, furono soffocati altri putti. Intanto il Gouernatore di Demetrio, il quale lo haueua confidato ad vn nobile, et mandatolo in luogo sicuro, daua segni di esser tutto accorato per la morte (come di fuori mostraua) di lui; non lasciando insieme di fare ogni cosa, perche il figliuol morto non fosse conosciuto, nè l'inganno scoperto. Boris dubitando, che non si diuolgasse l'homicidio, fece spargere voce, che la peste era in quel Castello, et che Demetrio, et gli altri putti soffocati erano di quella morti. Or i Moscouiti temono più che dire si possa la peste, si che fu serrato il Castello, et sotto grauissime pene prohibito, che niuno hauesse ardire non solo di vscirne, ma ne anco di entrarui, nèpure di accostaruisi. Boris poi fingendo di dubitare grandemente, che con tutto ciò la peste non vscisse di là, et infettasse tutto'l paese, fece abbruciare tutto'l Castello con quei che v'erano dentro. Poco tempo dapoi venne à morte Teodoro, et Boris, che pensaua di hauere leuati tutti gl' impedimenti, et proueduto ad ogni cosa, fù senza contradizzione coronato Gran Duca: Ilche fù fatto tanto più volentieri, quanto non si pensaua, che ci fosse più alcuno della stirpe de'veri Prencipi; oltre ch'esso Boris haueua in vita di Teodoro gouernato non male nel restante della publica amministrazione.

DEMETRIO NASCOSTAMENTE NODRITO, DOPPO ALCUN TEMPO VIENE IN LITUANIA, ET NEL REGNO DI POLONIA.

CAP. IV.

In questo mentre Demetrio sendo nascostamente nodrito dal suo Gouernatore, che già vscito era da quel Castello, il quale fù bruciato, doppo alcun tempo, che dallo stesso Gouernatore, il quale infermatosi morì, fù auisato come egli era il legittimo herede di Giouanni Basilio, et consigliato ad entrare in vn Monasterio di quel paese, oue sono monaci non catolici, ne' dotti, per non essere scoperto. Entrouui, ma non vi si fermò molto, et si trasferì in vn altro, et da questo in vn' altro, mutando cosi luogo, per paura (si come egli stesso disse) ò di non esser conosciuto, ò di non venire a stretto à farsi professo. Vltimamente senza mai scoprirsi ad alcuno, se ne venne in Lituania con vn monaco di vn monastero posto su i confini del paese di Chiouia, doue non molto dapoi spogliatosi

dell' habito di monaco, si diede prima à seruire in casa del Duca di Ostrogia, poi di vn Signore Pollaco nominato Golski, et si dice, che seruisse anco in cucina. Finalmente hauendo Demetrio inteso dell' odio conceputo da i popoli di Moscouia contra Boris, per essersi allontanato dal primiero modo di gouernare, et accostatosi ad vn tirannico, deliberò di scoprirsi con vn Signore nobile, ch'essi chiamano Knes, cioè Duca, il cui cognome era Vuisnouuizki, genero del Palatino di Sendomiria; pregandolo che volesse procurare per via del Suocero di potere andare a la Corte del Re di Polonia, per far conoscere chi egli si fosse, et quanto giuste erano le sue pretensioni; si che dapoi venne à Cracouia condotto dal sudetto Duca, il quale l'haueua fatto vestire honoratamente, et proueduto di seruitori, et di altre cose necessarie. Quiui facendo supplicare il Re, che la causa sua fosse vdita da alcuni Senatori, l'ottenne. Et allhora con tanta dignità, et vigor espresse gli accidenti della sua vita, producendo insieme testimonij, et indicij certi, et anco segni sopra la sua persona, cioè vn porretto appresso l'occhio destro dalla parte del naso, molto apparente, et vna mano più lunga assai, che l'altra, onde sua Maestà, e i Senatori restarono conuinti dal vero.

Et fra l'altre cose, le quali in vn' Orazione, ch'egli recitò auanti al Re stesso, disse queste parole: Ricordisi V. Maestà, ch'ella nacque prigione, et insieme con suoi padre, et madre essendo stata da Dio liberata, Iddio vuole, ch'essa anco liberi me dall'essilio, et dalla priuazione nella quale sono del paterno Imperio. Circa la qual cosa dee sapersi, che Giouanni Terzo Re di Suetia, padre di quel di Polonia, fù prima, che ascendesse al Regno, tenuto colla Regina sua moglie in prigione, da Henrico suo fratello Re, mentre Giouanni era gran Duca di Finlandia. Et la prigionia essendo durata quattro anni, quiui generò Sigismondo terzo, ch'è Rè di Polonia. Dapoi ammesso alla Corona da' nobili, pose in prigione Henrico Rè suo fratello, tenendolo prigione otto anni, doppo i quali vi morì. Aggiunse il detto Demetrio in quell' orazione il beneficio, che dell' aiuto, il quale gli si darebbe, poteua ridundare alla Christianità; poiche racquistando la Moscouia col restante del suo Imperio, haurebbe potuto aiutare il Re di Polonia alla conquista del suo Regno di Suetia da Carlo suo ribelle, et à tenere in freno il Turco, si che non procedesse più oltre. Hor Demetrio essendo stato circa tre anni ne' confini di Lituania, et con quei Signori del Regno di Polonia, de quali si disse, haueua già appreso la lingua Pollacca, et alquanto della latina, et cominciato à sentire gusto de' riti della Chiesa Catolica, il quale giunto poi in Cracouia, et frequentando i luoghi sacri, et restandone giornalmente più edificato, mostrò desiderio di esserne più adentro instrutto. Il che intesosi dal Rè, ne fù commessa la cura à Gasparo Sauicio della Compagnia di Giesv, Preposito della casa professa di lei nella Città di Cracouia. Ne passò molto tempo, che Demetrio assai perspicace, et pieno di buona volontà, scrisse di suo pugno à Clemente Ottauo Pontefice di santa memoria. Nella qual lettera raccomandandosi alle orazioni di Sua Santità, et chiedendone la benedizzione, prometteua di fare ogni sforzo, che il culto di Dio si propagasse nel paterno Imperio, quando ricourato l'hauesse.

BORIS ET PEL RIMORSO DELLA CONSCIENZA, ET PEL ROMORE, CHE DEMETRIO VIUEUA, CERCA PRIMA CONCILIARSI I PRENCIPI STRANIERI, ET POI IMPEDIRE I DISEGNI DI DEMETRIO.

CAP. V.

Mentre le sudette cose si preparauano, Boris di Hoduno hauendo vn pezzo innanzi saputo, come Demetrio sendosi ritirato in Polonia, haueua commosso il cuore di molti Moscouiti, i quali erano pronti à solleuarsi, tentò varie strade, per le quali, et Demetrio fosse vcciso, et riparasse quegli incontri, i quali già la conscienza della Tirannide, e i suoi misfatti gli minacciauano. Così fin da principio, ch'egli cominciò à regnare, scrisse lettere anco in Italia, et altroue, spargendo fama di Principe clemente, inuitando diuersi ad andare in Moscouia, oue haurebbero participato della sua liberalità, et prouato, che altro era il suo gouerno, di quel che i suoi predecessori haueuano vsato più per via di crudeltà, che di clemenza. Mandò anco à Rodolfo Imperadore Ambasciatori, offerendogli continuatione di amicitia, et soccorso per conto della guerra, ch'egli sosteneua in Vngheria contra Turchi; laonde anco dapoi gli mandò grande quantità di Zibellini, la somma de' quali se bene corse romore, che ascendeua ad vn millione d'oro, nondimeno non eccedette il valore di ducento mila scudi; i quali anco distribuiti dall' Imperadore à varij suoi principali Seruitori, poco rilieuo fecero, essendo che non lo soccorsero; et il riceuere gli Ambasciatori Moscouiti, e'l rimandargli in Moscouia carichi di doni, pareggiò l'emolumento, il quale riceuuto n'haueua.

Ma poscia vedendo Boris, che cresciuti i sospetti ne' suoi, et il vicino apparecchio di Demetrio, à cui diversi et Senatori, et nobili concorreuano, i quali lo stimolauano ad entrare nel Regno paterno; vsò tre modi per riparare i futuri incontri. L'vno fù di mandare Ambasciatori al Re di Polonia alla dieta di Varsauia, i quali si querelassero della rotta pace mentre sosteneua vn suo nimico, allegando che Demetrio era figliuolo di vn Prete, et vn, ingannatore, et però glielo desse viuo, ò morto nelle mani. L'altro di fare pratica con alcuni di Polonia, per isturbare questa impresa, come poco dapoi si dirà. Il terzo fù di porre presidij alle frontiere, et à far spargere voce per Moscouia, che Demetrio era vno incantatore assai conosciuto in quel paese. Ma il Re di Polonia rispose sauiamente à gli Ambasciatori, senza far conto delle calunnie, et minaccie, le quali haueua vdito, et attese à proseguire senza strepito l'aiuto, che giustamente haueua proposto di dare à Demetrio, poiche questo era appunto il conseruare la pace, et l'amore con Moscouiti.

SPEDITIONE DI DEMETRIO DA CRACOVIA VERSO MOSCOUIA.

CAP. VI.

Così il Re concedette à Demetrio, che secretamente si facesse vna leuata di gente di cinque mila del suo Regno, i quali marciassero, et facessero la massa verso i confini di Lituania, fra i quali fossero di quei soldati, i quali sotto Stefano Re haueuano militato già in Moscouia; et che con questi si congiungessero cinque mila Cosacchi, che sogliono stare ne'confini del Regno, i quali per essere auuezzi à viuere di rapina, vi andarono prontamente. Donò parimente vna certa somma dì danari al Palatino di Sendomiria, de quali era debitore à sua Maestà, per l'economia, che tiene di Sambor, et à Demetrio altri, co'quali potesse mantenersi nel suo grado. Con questa speditione dunque Demetrio si partì verso Moscouia, sotto la guida, et condotta del detto Palatino, il quale per viaggio prese due Padri Franciscani, di quei, che per la riforma di S. Bernardino si chiamano in Polonia Bernardini, et due Padri della Compagnia di Giesv, con vn loro compagno; i quali, come huomini di molta virtù, aiutassero coll'armi spirituali l'essercito. Et questi della Compagnia, che poi sempre accompagnarono Demetrio, essendo doppo qualche tempo ritornato i Padri Bernardini al loro Monastero, furono il Padre Nicolo Czyrzooschi, e'l Padre Andrea Lauicio. La massa si fece di quà dal fiume Boristene, hauendo prima vna buona parte della militia, colla celerità, et con pigliare altro camino declinato dall' insidie, le quali da altro nobile Pollaco sotto pretesto del seruitio del Regno, et della pace fatta già con Moscouia, erano state tese per impedire il progresso di tale impresa, della quale vedeua, che non solo gli toccherebbe parte di honore veruno, ma all'incontro si aggiungerebbe autorità al Re, et credito al Palatino di Sendomiria, contra i suoi disegni.

Stettesi di quà dal Boristene alquanto più tempo di quel che si credeua; et questo percioche non tutti furono (come si desideraua) diligenti di concorrere alla mossa; et perche anco nelle prouisioni, et nel modo di passare il Boristene, il quale era profondo, era necessario procedere circospettamente: oltre che douendo passarlo, bisognaua sapere per qual più sicuro camino douesse spuntarsi innanzi, et massime, che se bene la più sicura strada era il douere superar folte selue per lo spacio di quaranta leghe, nondimeno erano più sospetti gli aguati, i quali poteuano essere stati posti da' seguaci del Tiranno Boris.

Fù nondimeno prouidenza di Dio tutta questa dimora di alquante settimane percioche l'essercito di Demetrio, et massime i Pollacchi hebbero ocio di vdir la parola di Dio da Catolici sacerdoti, et molti di esser meglio instrutti nelle cose della Fede, nelle quali alquanti erano molto rozzi, et di munirsi de' santi sacramenti. Il che cagionò poi tanto animo in loro, et fedeltà in alcune grandi imprese, che dapoi continuarono i più valorosi di loro di communicarsi à centinaia ciascuna settimana. Ilche hà grandemente edificato i Moscouiti, seruendosi Dio di tai cose; per l'apertura à suo tempo della Religione Catolica in quel gran tratto Settentrionale.

DEMETRIO PASSA IL BORISTENE, ENTRA IN MOSCOUIA, OUE HÀ DIUERSE VITTORIE, ET ANCO VNA PERDITA.

CAP. VII.

Ma Demetrio hauendo traghettato sicuramente Boristene, et essendosi coll' essercito incaminato per la grande selua, non trouò aguati de' nimici, ne oppositione veruna; quando già auuicinatosi alla prima frontiera di Moscouia, essa volontariamente gli si arrese, senza aspettare batteria, ne assalto, quantunque Boris vi hauesse posto dentro presidiò di ottocento soldati, et munitala con parecchi pezzi di artiglieria, et fattone bruciare i borghi, accioche non seruissero Demetrio per accamperuisi; il quale lasciatoui vn buon corpo de' suoi soldati, et marchiando verso la seconda fortezza più forte della prima, quella parimente gli si arrese. Et venendo più d'vna volta alle mani colle genti di Boris, il quale le haueua mandate per difendere in campagna quel paese, Demetrio diede loro varie rotte, specialmente sotto la fortezza di Nouoguardia; quando partendosi da Nouoguardia senza potere compire quell' impresa, nacque tanta confusione nel suo essercito, che senza che alcuno lo perseguitasse, si diuise in tre parti; l'vna verso Cernihouia; l'altra verso Putiuolo, per andarsene queste due al Regno di Polonia, parte côl Palatino di Sendomiria, et parte co i loro Capitani; l'altra parte finalmente nel Dominio, et giurisdittione Comarnicense, coll' istesso Demetrio: il quale dapoi nel medesimo paese soprauenuto da vn molto numeroso essercito di Boris, nel quale oltre i Moscouiti, erano misti i Tartari, et Germani, alli 30. di Gennaio dell' anno prossimo passato 1605. in vn fatto d'armi, per colpa de' Cosacchi, ne i quali troppo si confidaua, la vittoria fù talmente perduta, che non puote Demetrio rimetterla in essere dal suo canto; Anzi ciascuno restò cosi abbattuto, che si sforzò di saluarsi colla fugà, la quale non finì insino che quattordici leghe lungi dal fatto d'armi giunsero à Rilsco, ch'era la seconda fortezza, che à Demetrio si era arresa. Quiui due giorni raccogliendosi, et riposati, di nuouo in vn tratto marciò dodici altre leghe verso Putiuolo, il quale è più verso i confini del Regno di Polonia. Però i Cosacchi perche non furono lasciati entrare in Putiuolo, si partirono per ritornare à Zazurosso, onde già erano venuti. Vna parte de' Pollacchi se n'andò in Polonia, l'altra restò con Demetrio, et questa al numero di cinquecento. Con queste et con gli altri, che lo seguirono, attese à rifare l'essercito, inanimire le fortezze, che gli si erano arrese, mandare in Polonia per nuouo soccorso, et tutto con animo più che heroico, con tutto che si ritrouasse nello stato, nel quale si è detto.

NVOVI SEGNI DELLA DIVINA PROVIDENZA VERSO DEMETRIO.

CAP. VIII.

Ma Iddio, che ferisce et sana, rauuiuò in Demetrio, et ne' suoi vna ferma speranza del prospero progresso, et fine delle sue imprese; percioche il Generale dell' essercito di Boris credendo che tutto quel che dell' essercito di Demetrio si era saluato, se ne fosse fuggito in Polonia, no'l seguitò se non vna giornata, cioè fino à quel Castello nominato Rilsco. Era Rilsco fortezza munitissima, la quale (come si è detto) à Demetrio si era arresa, congiunta con questa era la Terra assai grande, contra le quali sendo andata vna parte dell essercito di Boris, i terrazzani con alcuni pochi soldati mandati loro in soccorso da Demetrio, gli vscirono incontro, et hauendone vcciso mille, et presi dugento, posero talmente in rotta tutto 'l restante, ch'el nimico abbandonato l'assedio, chi di quà, chi di là, al meglio che ciascuno poteuà, cercò di saluarsi colla fuga. Cosi furono anco presi due cannoni da batteria, e i padiglioni parte bruciati, parte posti à sacco. Oltre ciò cinque altre fortezze molto munite, insieme colle terre loro assai grandi, spontaneamente si arresero à Demetrio, i nomi delle quali sono Oszkol Noloikà, Noronisz, Borisongrod, Bialogrod. Et in questa vltima erano cento cinquanta pezzi di artiglieria: dalle quali furono condotti prigioni i loro Gouernatori, nominati Palatini, à Putiuolo, et dati in potere di Demetrio. Fù parimente condotto prigione vn nominato Hrisko Otrepeion, ch'era quel celebre Mago, et incantatore, di cui il Tiranno haueua sparso fama, che non Demetrio figliuolo di Giouanni di Basilio, ma esso mago conosciuto per huomo sciagurato da tutta la Moscouia, veniua insieme co i Cosacchi di Polonia, per occupargli il Principato: laonde per giusto giudicio di Dio, il quale rouescia sempre sopra i capi de' maledici le loro maledicenze, apparue manifestamente, che altro era quel Mago, et altro Demetrio il Prencipe leggitimo. Pochi giorni doppo, due altre fortezze, insieme colle loro Terre, vennero pure spontaneamente à prestare vbidienza à Demetrio. Queste si chiamauano Ielec, et Lepina, delle quali quest' vltima è maggiore di Putiuolo, et in quel tempo di guerra assai più opportuna dell' altre. Laonde riconoscendo Demetrio, che Iddio hauendo voluto castigare qualche peccato dell' essercito, per la rotta, che dianzi hauuto hauea, voleua nondimeno fauorirlo nel restante; attese con ogni diligenza à ringratiarne sua Maestà Diuina, et à porsi con tanta assiduità giorno, e notte nelle sue mani, che i Moscouiti, co i loro Sacerdoti chiamati Popi, ne restauano con molta marauiglia edificati.

Et essendosi à lui già reso tutto'l grande Ducato di Seueria, et otto fortezze fuori del detto Ducato; e spendendosi sempre più per la Moscouia il progresso delle cose di Demetrio, furono da quei di Bialogrod intercette lettere del Generale dell'essercito di Boris, il quale già alquante settimane era intorno à Cromo fortezza importante arresasi già à Demetrio per ripigliarla. Nelle quali lettere il detto Generale scriueua à Boris, ch'era nella Città di Moscua, che non poteua più ritenere sotto la sua vbidienza i soldati, i quali se ne fuggiuano, oltre che riceueua di giorno in giorno danni dalle fortezze, che à Demetrio si erano rese;

et che però ò gli mandasse altro essercito quanto prima in soccorso, ò ch'esso, dando comiato à quei ch'erano seco, ritornarebbe à Moscua. Parimente circa gli otto di Marzo dell'istesso anno 1603 erano venuti nascostamente à Putiuolo tre vecchi, mandati dalla medesima Città di Moscua da Boris al popolo di Putiuolo, con lettere, per le quali prommetteua perdono della ribellione loro, et gli commetteua, che ouero vccidessero Demetrio, ò à se lo mandassero prigione, vccidendo anco i Pollacchi, ch'erano con lui, ò facendogli prigioni. Haueuano anco lettere dal Patriarca, ò Metropolita di Moscouia, per le quali gli scommunicaua, et malediceua. Ma prima che potessero spargere le dette lettere furono presi quei vecchi, et dall'vno posto ne' tormenti fù scoperto tutto l'fatto, et cosi furono insieme cauate le dette lettere da i loro stiualetti, oue erano dentro cucite; laonde receuuti da Demetrio à perdono, risposero al Tiranno, et al Patriarca, che haueuano riconosciuto per vero herede, et Principe, Demetrio, et che però essi si faticherebbero indarno contra la giustitia. Fù anco in Putiuolo scoperto vn'altro tradimento di vn Moscouito, il quale con sue lettere inuitaua l'essercito di Boris, nelle cui mani darebbe viuo l'istesso Demetrio. Il traditore dunque dato in mano del popolo, lo trafisse con varie archibugiate, onde spirò.

ATTI DI PIETA, ET RAGIONAMENTI TENUTI DA DEMETRIO CO I SACERDOTI POLLACCHI, MENTRE STETTE IN PUTIUOLO.

CAP. IX

Ore come fù necessario, che Demetrio si trattenesse molti giorni in Putiuolo, si che vi passò la Quaresima del medesim' anno, et alcune settimane doppo Pasqua; così diede nuoui segni di pietà: et come perito de'riti, che vsauo i Ruteni, ne ragionaua co i suoi Popi in modo, che loro poteua esser maestro, et incaminargli à miglior stato di religione, di quella, che esternamente con molta ignoranza delle cose diuine teneuano. Verso la Beatissima Vergine poi mostrò tanta veneratione, che non passaua giorno, che innanzi ad vna Imagine di lei non facesse lunga, et feruente oratione à Dio, raccomandandosi all'intercessione di lei. Gli fu portata vn' Imagine di detta Beatissima Vergine, ornata di gemme d'oro et d'argento, da vna Fortezza detta Curssa, laquale i Moscouiti dicono, che nell' incendio auuenuto in vn Tempio, restò illesa, et intatta dal fuoco. Demetrio dunque le andò incontro, insieme co i suoi soldati, et Popi, et co i suoi Moscouiti, et con ogni honore l'accompagnò nel Castello di Putiuolo, procurando ch'el giorno seguente si portasse in processione intorno al Castello con gran deuotione, et con questa iui la ripuose. Et essendo vicina la festa dell' Annunciatione della Beatissima Vergine, la qual festa egli seppe, che i due Padri della Compagnia di Giesv, insieme colla Soldatesca Pollacca, doueuano celebrare, mandò loro à donare vn' altra Imagine della Beata Vergine, la qual pittura era molto antica,

et fatta decentemente, et parimente guarnita di gemme, et pietre pretiose, sopra vna lama di argento dorata; accioche tanto più la diuotione verso la B. Vergine in cosi celebre giorno si suegliasse ne gli animi de' Pollacchi. Diedene parimente vn'altra per le feste di Pasqua, alquanto più lucida, et con questa vna veste di Persia, la quale seruì per farne vna Pianeta, et vn drappo per ornare dinanzi l' Altare, di cui prima i Sacerdoti vsarono per ornamento del Sepolcro, ch'en memoria di Christo Signor nostro sogliono i Catolici fare la Settimana santa; nella celebrazione del quale, et della notte precedente il giorno della Pasqua, nella quale in Polonia si suole fare la memoria di Christo risurgente, et la quale i Soldati Pollacchi fecero in Putiuolo l'istesso anno, il Mastro di Campo loro nominato il Signore Doorziski, impetrò da Demetrio, che alcuni pezzi d'artiglieria, parte grossi, parte da Campagna, si conducessero fuori della fortezza à basso, vicino alla casa oue i Sacerdoti Catolici Pollacchi celebrauano, hauendosi prima auisati i principali Moscouiti, accioche non si solleuasse qualche tumulto, quando l'artiglieria per quella santa celebrità si scaricasse. Rimbombò dunque la detta notte non solo in Putiuolo, ma molto lungi, per i varij tiri di artiglieria, tamburi, trombe, e timpani et canti Ecclesiastici; si che i Moscouiti, ancorche attoniti, restarono però ad vn tempo con molta marauiglia, et edificatione del culto, et pietà de' Catolici.

Or, benche Demetrio hauesse vna cosi grande impresa alle mani, quale era quella di ricouerare l' Imperio paterno, et contenere in vfficio, et fedeltà le fortezze, et paesi, che gli si erano arresi, et insieme di combattere in varij luoghi contra le scorrerie, et oppugnationi de'nimici, et oltre ciò di osseruare in diuerse parti gli andamenti di Boris, et sopra il tutto di custodire se stesso contra tanti tradimenti, i quali sempre gli si ordiuano contra; nondimeno può ciascuno marauigliarsi, come, oltre la pietà, et diuotione, hauesse tanto grande apprensione, et sollecitudine, ch'in Moscouia si potessero vn giorno fondare Academie, et Collegij, ne i quali la giouentù s'instruisse nel modo, che veduto haueua farsi in Polonia, percioche di questo souente ne ragionaua co i Pollacchi, et con alquanti de'suoi, deplorando la negligenza, et la rozzezza de'suoi Moscouiti, de i quali appena pochissimi sapeuano leggere, molto meno le cose della Fede, et fra questi i monaci, viuendo in tale ignoranza, et licenza che mostraua esserne necessaria vna sincera riforma. Per questo dicea, ch'el suo disegno era, quando fosse stato assunto nel grande Ducato di Moscouia, di fare venire giouanetti forestieri suegliati, et bene instrutti, accioche con tal stimolo i putti Moscouiti si eccitassero ad apprendere le buone arti, et discipline. Ne finirono quì i frequenti ragionamenti, i quali faceua di questa materia; ma volle per alcuni pochi giorni hauere vn poco di gusto di ciò che gli Autori antichi latini haueuano scritto in soggeto pertinente alla Retorica, et alla Filosofia.

[M]VORE DI SPAVENTOSA, ET SVBITANEA MORTE BORIS IL TIRANNO, ET DI VELENO LA MOGLIE, E' L SUO FIGLIUOLO.

CAP. X.

Or mentre Demetrio faceua in Putiuolo le cose soprascritte, Iddio Signore de gli esserciti combatteua in vn'altro modo per lui: percioche mentre alli 29 d'Aprile dell'istesso anno 1605. Boris haueua ammesso all'vdienza certi Ambasciatori forestieri, in presenza de' suoi Senatori, et di numerosa nobiltà, fù alla sprouista percosso dalla mano di Dio, si che gittando in vn subito abbondante sangue per gli occhi, pel naso, per la bocca, et per l'orecchie, cadde à terra morto, con tanto spauento de'circostanti, quanto cominciò indi à temersi quasi da tutti de' giudicij diuini, et à riconoscere, che la giusta causa di Demetrio era difesa dal Cielo. Et nondimeno la moglie di Boris sollecitando il figliuol suo, et di Boris, nominato Teodoro, ad entrare nel carico del grande Ducato, non puote spuntare innanzi; ma finalmente dal popolo, il quale à fauor di Demetrio dapoi si solleuò, fù la della donna, col figliuolo, et con una figliuola suoi, posti prigioni, con animo di presentargli à Demetrio, accioche gli punisse. Portò questa nuoua à Demetrio, mentre era à Tulla per andar à Moscua, vn Capitano Pollaco nominato Domaraschi, il quale sendo stato fatto prigione in quella rotta, che Demetrio hebbe sotto Nouoguardia, si trouaua in Moscua, et allhora liberato se ne venne attestando di hauere co i propri occhi veduto il tutto, et che anco molti altri fatti prigioni dal medesimo popolo, erano in procinto per condursi à Demetrio. Però la moglie consapeuole tanto della crudeltà di suo marito già morto, quanto delle proprie colpe, diede à se stessa, et à figliuoli il veleno in prigione, onde incontinente ella, e'l figliuolo morirono; ma la figliuola per opera de'Medici con alcuni antidoti restò viua.

SI ARRENDE A DEMETRIO VN NUMEROSSISIMO ESSERCITO DI BORIS, MENTRE IL DETTO ESSERCITO ASSEDIAVA LA FORTEZZA DI CROMO.

CAP. XI.

Da altra parte Iddio haueua permesso, che Boris facendo il più numeroso essercito, c'haueua mai fatto, cioè di più di centomila soldati, col fiore della Moscouia, commandasse à Giouanni di Hoduno suo cugino, et Generale di quell' imprese, che (come si è detto di sopra) si espugnasse vna importante fortezza nominata Cromo, la quale da Demetrio, à cui si era arresa, era stata circa le feste della Pentecoste soccorsa, hauendo di già sostenuto dieci fieri assalti dal nimico. Andò per soccorrerla il Signor Zaporschi con dugento huomini Pollachi à cauallo, di quei, che con altre armi portano etiandio le ancie con ferri molto acuti, et con cento pedoni Pollacchi, hauendo riceuute

da' Sacerdoti in Putiuolo la solita benedittione. Auuicinatosi due miglia presso Cromo, si fermò, et si congiunse con dieci altri mila soldati Moscouiti mandati da Demetrio. Nel qual tempo quei di Cromo intendendo che vna parte dell'esercito di Boris inclinaua à Demetrio, conspirarono con questi, si che vscendo fuori ammazzarono molti di quegli altri soldati, che ancora erano affettionati à Boris, et gli altri bene affettionati à Demetrio, fingendo di fuggire, lasciarono che i Cromesi facessero strage de'nimici, si come fecero di molti. In quel tempo stesso il Signor Zaporschi mandò vn Corriere verso quei di Cromo, con lettere, il tenore delle quali era che quaranta mila lance, cioè caualleggieri, veniuano di Polonia, i quali il seguente giorno erano per combattere coll'essercito di Boris, onde al dispetto suo abbandonarebbe l'assedio. Fù il detto Corriere indrizzato dal Sig. Zaporschi à dirittura verso le sentinelle de'nimici, dalle quali preso insieme colle lettere, queste si portarono all'essercito, et si lessero; Il Corriere posto ne i tormenti, affermò che grande moltitudine di Pollacchi era molto vicina. Nacque grande tumulto nell' essercito di Boris, congiunto con molto spauento: Mandò il Generale prima dugento soldati, poi due mila contra il soccorso mandato da Demetrio; seguendo altro corpo di gente di Boris. Si diede dunque principio alla scaramuccia, con vn'altro grido da amendue le parti, quando i nimici vedute le lance de' Caualieri Pollacchi, et che dal fianco erano assaliti molto brauamente dalla fanteria di Demetrio, persuasi che fosse vn numerosissimo essercito, et disperando di ottenere vittoria, si arresero volontariamente: et quel ch'è più, vn Moscouito nominato Basmanio, il quale sotto Nouoguardia haueua dato che fare assai alle genti di Demetrio, fù il primo, che con alquante migliaia de' suoi soldati si fece auanti, et nel cospetto di tutto l'essercito di Boris gridando ad alta voce, che Demetrio era suo Signore, et herede di Moscouia, con giuramento si diede alle mani delle genti di Demetrio. Il restante poi di tutto l'essercito mandò al Sig. Zaporschi tre principali, i quali in nome di tutti si sottomettessero à Demetrio, à cui poi andando à Putiuolo con 500 de' principali dell' essercito, giurarono à nome di detto essercito vbidienza, et prestarono il giuramento di fedeltà à 23 di Maggio. Or Giouanni da Hoduno Generale dell' essercito, doppo la partita di Mscilauski et di Suiski (percioche questi erano stati chiamati à Moscua) volle saluarsi, fuggendo; ma dalli stessi suoi Moscouiti preso, et legato fu condotto à Demetrio, et così in Putiuolo fù posto prigione, poiche non volle pur piegare il capo per riuerenza à Demetrio, se non sforzatamente. Quanto grande fosse l'allegrezza per questo beneficio, che da Dio si riconobbe, et di quanto cuore da tutto l'esercito fosse ringratiato Iddio, difficilmente potrebbe esprimersi. Furono spesso vdite quelle voci, (Iddio, et le oratione de'nostri Padri, hanno sottoposto i cuori de'nimici; et inclinati sotto il Serenissimo Prencipe Demetrio). Et fù vdita quella voce di Demetrio riuolta à Sacerdoti della Compagnia di Giesv: (Ecco quel, che mi prediceste ò Padri, nel tempo di quella lagrimosa fuga, la quale ci auuenne, si è effettuato adesso; cioè, che come il Signor Iddio molto mi afflisse, cosi all'incontro molto mi consolarebbe, et che però io non perdessi la speranza dell'intera vittoria).

SI PARTE DEMETRIO DA PVTIVOLO, ET S'INCAMINA VERSO LA CITTÀ DI MOSCUA REGIA, ET METROPOLI DI MOSCOUIA.

CAP. XII.

Il giorno ventesimo quinto di Maggio pure del 1605. Demetrio hauendo già soggiogato interamente il Ducato di Seueria, et de gli altri Ducati, si che la Moscouia tutta gli piegaua il collo sotto'l suo Imperio, et essendo à lui venuti molti Palatini, et altri tanto Ecclesiastici, quanto secolari, à riconoscerlo per leggitimo Prencipe, et à chiedergli perdono; si mosse con numeroso seguito da Putiuolo per incaminarsi à Moscua. Di Putiuolo dunque essendo andato à Rilsco, giunse il terzo di Giugno à Cromo. Quiui fermatosi alquanto, diede occasione à suoi di marauigliarsi, et lodare Dio, il quale haueua leuato l'ingegno, et le forze à cosi grande essercito di Boris, con si poco presidio, et gente de' Cromesi, i quali inuittamente si erano difesi, et à Demetrio haueuano conseruato la fede: percioche oltre l'essercito del Tiranno, che (come fù detto di sopra) con più di cento mila soldati gli assediaua, 'eranui anco 70 grossi pezzi di artiglieria, che gli batteuano la fortezza, fra quali pezzi erano alcuni di tanta grossezza, che duè huomini non poteuano abbracciargli; ma quei di dentro con profondissime fosse, con mine, et passaggi sotto terra, facendo diuersi buchi, offendeuano talmente i nemici, ch'essi senza esser offesi, n'haueuano sempre il meglio. Haueuano parimente raddoppiate le fosse pure con molta profondità, oltre certi ripari, et siepi della fortezza, di modo, che se il nimico hauesse occupato la prima fronte della Terra, essi nel Castello si difendessero insino che hauessero fiato, et vita. Di là Demetrio partì verso Tulla, luogo lontano da Moscua 306 leghe, nel qual luogo erano 600. Veterani soldati Pollacchi di quei, che sotto Stefano Batori Re haueuano già combattuto contra Moscouiti. Quiui due giorni riposandosi, doue Demetrio hebbe particolar cura de gl'infermi, mosse, et arriuò ad Orla, oue sendo sempre incontrato da nuoue genti, specialmente di Moscua, mostraua di essere guidato di Dio, il quale finalmente superate varie insidie de'nimici, lo guidò coll'essercito sicuramente in Moscoua, oue colle debite preparationi, et trionfi, et con vna inestimabile allegrezza vniuersale fù acclamato Imperadore di tutta la Russia, Gran Duca di Moscouia, et di tutti gl'altri Ducati, et Cesare (come suole il Gran Duca nominarsi) di Casano, et di Astracano, che sono le due sopranominate Prouincie, da loro dette Horde de' Tartari, le quali (come si disse) Giouanni padre di Demetrio acquistò al suo Imperio. Il giorno poi della coronatione di Demetrio fù l'vltimo di Luglio, seguendo nel seguente giorno la festa di S. Pietro in vincula, il quale si come fu liberato dalla prigione di Herode, così intercedette in Cielo, che Demetrio fosse libero già dalle mani di vn'altro Herode, et assunto al paterno Principato.

DEMETRIO CORONATO GRAN DUCA ATTENDE A RINGRATIARE DIO, ET À DISPORRE LE COSE DEL SUO IMPERIO.

CAP. XIII.

Non può quasi giungere il pensiero humano à comprendere con quanta humiltà, et fortezza d'animo, et con quanta prudenza Demetrio habbia ringratiato Dio, et cominciato à disporre le cose del suo Imperio. Però da quel che fino à poche settimane innanzi era seguito, può farsi concetto del passato, et congietturarsi ciò che può sperarsi.

Il primo è, che già noue settimane pacificamente regnaua; et che la moneta si stampaua col cugno, et inscrittione di Demetrio; Che il Palatino con tutta la Città di Plescouia, gli haueua giurato fideltà: Che nelle Chiese publicamente si pregaua per Demetrio, et si detestaua il nome di Boris; Che à Pollacchi era aperto, et libero ogni commercio, et adito con Moscouia: Che nel tesoro haueua ritrouato noue coffini di gioie: Che settanta quattro famiglie, le quali erano state seguaci, et della fattione di Boris (delle quali molti gli erano parenti) erano state relegate, et mandate in bando in diuerse contrade di quell' Imperio; et tutti coloro colla sola camicia condotti via ne'carri alla vista di tutta la Città di Moscua. Che Demetrio haueua scritto à quei di Plescouia, concedendo perdono à qualunque gli haueua portate l'armi incontro. Che parimente haueua scritto alla nobiltà di Moscouia, che stesse in armi per querreggiare contra i Suedesi ribelli del Re di Polonia, per quanto sarebbe loro intimata guell'impresa: Che Demetrio haueua fatto cauare dalla sepoltura dei gran Duchi, la quale è nella Chiesa di S. Michele, il cadauero di Boris, et fatto, che si sepelisse fuori di Moscua nel Monastero di S. Ambrogio; Che Pietro Basmanoschi con 332. persone, et 260. caualli, era stato mandato con pretiosi doni, et honorata legatione al Re di Polonia, sì per mostrargli segni pieni di gratitudine, sì per stringersi maggiormente in vna perpetua amicitia col Regno di Polonia; la qual legatione era arriuata in tempo à Cracouia, che quel Re haueua fatto rendere publiche gratie a Dio, hauendo i suoi in Liuonia con picciolo essercito ammazzato noue mila soldati del Duca Carlo suo ribelle, et disfatti, et presi altri fino al numero di quattordici mila, fra'quali il Duca di Luneborg co i suoi Germani, et con vn Conte di quei di Mansfelt, et Landerson Gouernatore di Reualia, erano stati vccisi, i quali erano venuti in aiuto al Duca Carlo, et questo ferito era fuggito nelle naui, colle quali fece vela per ritornar in Suetia. Che Demetrio parimente disegnaua di mandare vn' altra Legatione al Sommo Pontefice à Roma per riceuerne nuoua benedittione; sapendo che non solo Giouanni suo padre glie ne haueua mandato la prima per conseguire la pace con Polonia, ma anco la seconda per ringratiarla della pace seguita. Che oltre le lettere amantissime portate al Re di Polonia, haueua portate altre al Palatino di Sendomiria, con quaranta Timarri di zibellini in dono, et con cento mila tallari per la sua figliuola, la quale Demetrio voleua per moglie, inuitandogli à menargliela quanto prima. Si che due grandi, et Regie nozze del Re di Polonia, et di Demetrio seguirebbono quasi in vn tempo, con speranza; et che per mezo di tal moglie, la qual è catolica, Demetrio propagherebbe la pietà. A Dio sia gloria.

HISTORICA NARRATIO,

DE

MIRABILI VIA, AC RATIONE,

QVA PATERNVM IMPERIVM

CONSECVTVS EST SERENISSIMVS

DEMETRIVS MAGNVS DVX MOSCOVIÆ,

ANNO 1605.

DE CORONATIONE EIVSDEM ET REBVS A CORONATIONE GESTIS À MENSE IULIO

ANNI 1605.

GRÆCII,

EXCUDEBAT GEORGIUS WIDMANSTADIUS.

Anno, M. DC. VI.

Confinia Regni Moscoviae.

Omne Imperium Magni Ducis Moscouiae, Septentrionem versus terminatur ab Oceano glaciali.

Ab Oriente à Tartaris, illis praesertim, qui vocantur Czeremissi, et à Mari Caspio in Asia.

A meridie à Turcis et Polonis.

Ab occidente terminat Moscouiam Liuonia, et Finlandia quae subiecta est regno Sueciae, quod Serenissimo Sigismvndo Tertio Regi Poloniae paret.

SINGVLARIS DEI PROVIDENTIA

IN AGGREDIENDO HOC NEGOTIO.

CAP. I.

Demetrius recens, nec sine miraculo, assumptus ad Magnum Moscouiæ Ducatum, aliaque paterna dominia tam Russiæ, quam Tartarorum è Casano et Astracano, quos pater iam ante subiugauerat, latum nobis scribendi campum aperit: non solum quia res tota diligenter collecta est ab ijs, qui in Polonia et Moscouia commorantes, omnia quæ huc pertinent, ipsi coram spectarunt; sed præcipuè quod ex nullis pene, per multa retro acta sæcula historijs, reperire sit exemplum aliud, in quo expressior diuinæ prouidentiæ radius elucescat.

Quod vt commode faciamus, operæ pretium esse duxi, repetere paulo altius prima quasi semina et inditia quæ rem tantam ab altiori, quam sit humanum, consilio proficisci, et in magnum aliquem finem, non nisi Christiana religionis beneficio exire potuisse declarant.

Beatæ memoriæ Gregor. XIII. Pont. Max. toto quo vixit in sede Pontificia tempore, perpetuo quodam, cum omnis boni promouendi amore, tum fidei Catholicæ propagandæ studio incredibili semper exarsit. Ac inter cætera auxilia in exteras deriuata nationes, illud maxime, tanquam communis omnium parens, spectabat, vt viros Principes, tametsi à sede Apostolica dissidentes, et cum ipsis subiectos populos, ad veram salutis lucem intuendam inuitaret, inprimisque in eam Sua Sanctitas curam tota mente, atque animi impetu, ferebatur, vt Moscouiam vltimum Europæ regnum, quod per Asiam sese porrigens, ad Mare vsque Caspium protenditur, præcipua iuuaret opera. Quamobrem cum designaret Cardinalem Moronum legatum Imperatori Maximiliano ad Comitia Ratisbonensia, dedit ei in mandatis, tractaret etiam, atque etiam cum Sua Cæsarea Maiestate, vt electus aliquis è Germania Prælatus, et præclara Imperatoris commendatione, et Breui Pontificio munitus, ad Ioannem Basilium magnum eo tempore Moscouiæ Ducem, Nuncius mitteretur. Iamque de re tota actum diligenter, et constitutum erat (quamuis non deessent qui odio Christianæ religionis pia consilia impedire molirentur) dum Nuncius ille ad iter se comparat, subito correptus morbo extinguitur. Nec ob id tamen Gregorij voluntas refrixit. Nam aliam ingressus viam, accersit ad se Alexandrum Canobium, qui postea Episcopus Foroliuiensis obijt: eum in Moscouiam dirigit, ijs instructum præceptionibus, donis, Breuibusque Apostolicis, quæ ad illam prouinciam obeundam viderentur esse necessaria. Pergensque Alexander, cùm ex Pontificia commendatione, liberum, securumque à Rege Poloniæ transitum, et comitatum accepisset, in ipso regni Poloniæ confinio, non solum rebus omnibus exutus, sed impeditus etiam fuit ab ijs, qui dolerent fidem Christianam in locis tam latè positis disseminari. Ita factum, vt cum longius progredi ne-

quiret Alexander, re infecta Romam rediret. Manebat nihilominus Pontifex in sententia; suumque Deo animum istum offerens, non multo post occasionem nactus, misit vna cum socijs aliquot sacerdotem quendam ad Ioannem Sueciæ Regem Tertium, Sigismundi Poloniæ, et Sueciæ Regis parentem. Nam et Ioannes ille Tertius, suum Romam legatum iam ante miserat, qui vna cum Pontifice, cùm cæteris de rebus ageret; tum illud in primis laboraret, vt sua Sanctitas hominem ad se fidum aliquem destinaret, de quo confidere, et cui citra regnorum suorum perturbationem, aperire tutò posset modum, quem ad antiquæ fidei Catholicæ synceritatem, in pectoribus subditorum inserendam tenere vellet; a quo ipse etiam Ecclesiæ restitueretur, quod quidem postea, Rex optimus, cum alijs non paucis egregiè præstitit. Hac itaque via inuenta, Gregorius Breuia sua ex Finlandia, quæ finitima est Moscouiæ, ad Magnum Ducem dirigere studuit. Sed cum per id tempus, Suecus cum Moscouitis bellum gereret, Rex Sacerdoti Pontificio retulit, non esse tempus, vt auxilio suo, Breuia illa Apostolica transmittantur: veritus, quantum quidem ex verbis ipsius conijcere licuit, ne Moscus contra ipsum tantò amplius sese efferret, quantò Regem ipsum Breuibus talibus, ad conciliandam pacem, magis opus habere iudicaret. Ita verò etiam isto conatu desperato, Deus opt. max. sua singulari prouidentia, aliam quandam, nunquam ante cogitatam viam recludere Pontifici constituit; vt et Deo cederet gloria ex integro, et Pontifici faceret certum, pia iuuandæ religionis desideria, vnà cum tempore ipso, præcurrere optabiliores euentus, quam possent ab hominibus cogitari.

Erat, vt dixi, Gregorius totus in ea cogitatione, non de Moscorum salute solicitus tantum, sed quia præsentiebat animo fore, vt Moscis cum sede Apostolica coniunctis, et Poloniæ regno confœderatis, ambo potentissimi Principes egregiam tuendæ religioni operam nauarent. qua ratione etiam futurum sperabat, vt impetrata à Magno Duce Moscouiæ per ditionem ipsius vltrò, citroque ad Regem Persiæ, Indiasque commeandi facultate (quod iam fieri cernimus) ad summum quoddam Ecclesiæ Christianæ beneficium porta aperiretur.

Itaque diuina sapientia, telam istam talibus filis exorsa, quæ postmodum faciliori opera, sedis Apostolicæ manibus texenda traderetur, salutari consilio disposuit, vt Ioannes Basilij Demetrij pater, altera iam vice, Stephani Bathorei, Regis Poloniæ exercitu cœsus, cum videret Stephanum, nouas parare copias, atque ad nouas gradum facere victorias, Seuerigenum quendam, legatum ad Gregorium Pontificem, cum suis, et Rudolphi Imperatoris literis delegat, oratum, vt sua Sanctitas, designet vnum aliquem in Poloniam, qui Stephanum Regem, à cœptis, et nouo bello reuocet. Porro literæ Magni Duci Moscouiæ, eam fere continebant sententiam, vt Gregorius hortaretur, indu- retque Stephanum Regem, ad communem potius inimicum, hostili ferro ver- randum, quam ad Christianum sanguinem impiè profundendum. quodipsu- ipse Magnus Dux facturus esset, si Polonus, suscepta semel, iterumque ar- deponere statuisset.

Accepit Pontifex perhumaniter Moscouiæ legatum. Nam alius è Mosco- totos quinquaginta annos, ante illum diem, nemo venerat Romam: Et Pon- fex eundem sacerdotem prouinciæ huic præficere decreuit, qui paucis an- diebus, voluntate Pontificis, ex Suecia Romam reuerterat, vt Moscum inte- *et Regem Poloniæ* pacem componeret.

Omnino iam apparet ex tam felici isto rerum successu, Deum fuisse, cuius vnius hæc tota fuerit dispositio. Enimuerò conueniens erat, ad pacis huius percutiendum fœdus, notitiam habere aliquam de regno Sueciæ, cuius in ea conuentione meminisse oportebat: decebat pariter Germaniam vidisse, et variâ peragrasse loca, a quibus mutuum sumeret exemplum: multum denique inter erat, egisse cum Rege Poloniæ Stephano de controuersia, quæ ipsi cum Rege Sueciæ intercedebat; simul ne difficultas vna moraretur alteram; simul vt Reges isti duo firmiori fœdere iungerentur, si noua cum Mosco societas iniretur.

Quare cùm Sacerdos iste Pontificius, et primo omnium suo in Sueciam aduentu, cum Rege quinque menses vixerit; et alio post tempore annum integrum, eandem deinde rem cum Imperatore contulerit, et Rege Poloniæ; tantam ex his omnibus rerum maximarum lucem accepit, vt efficaces illi postmodum rationes suppeterent, quibus, Deo bene iuuante, septem mensium spacio, quos consumpsit in Moscouia, quorum duos in exercitu Regis Poloniæ, duos etiam cum Magno Duce Moscouiæ absoluit, sancita pax fuerit, Liuonia Regno Poloniæ cum triginta tribus locis præsidiarijs restituta: excitatum in Liuonia Vendense Episcopium; duo Collegia erecta, Rigæ vnum, alterum Derpati, quod Moscouiæ adiacet; Vilnæ pro Rutenis, sedis Apostolicæ sumptu positum seminarium, vbi efformarentur operarij, qui consequenti deinde tempore, ad fidei ruinas in Moscouia reparandas submitterentur. Sunt et alia opera pia quam plurima inde profecta; omnia germanus fœtus illius desiderij, quod benignus Deus, Gregorio suo immiserat, et immissum semel constantissimè seruauerat.

QVOS FILIOS HABVERIT IOANNES BASILIUS MAGNUS DUX MOSCOUIAE.

CAP. II.

Erant Ioanni Basilio filij duo cum per Gregorium de pace ageretur inter Poloniæ Regnum, et Magnum Ducatum Lituaniæ: quorum alter ætate grandior Ioannes nomine Viginti annos natus vxorem duxerat; miti fuit ingenio, et iam tum ad facilem quandam benignitatem propenso: alter vero Theodorus, cui iam inde ab infantia potio data fuisse ferebatur, vt ita Theodorus innocens, et bona parte imminutus, iudicii vsu destitutus, vitam sine ratione viueret; eo scilicet consilio ne illi cum fratre ad Regnum paternum contentioso dissidio aspirandi facultas esset. Quæ causa fuit, vt eum Mosci videndum exhibere noluerint Sacerdoti, quem miserat Gregorius ad pacis, Religionisque bonum promouendum: nec potuerit Sacerdos Breue suæ sanctitatis in publicum proferre, quòd pius Pontifex pro patrio quem gerebat affectu, eidem puero transmiserat. Sed Deo sic permittente factum est, vt Ioannes pater inita cum filio Ioanne natu maiore propter Vxorem, in causa non turpi, controuersia, filium, contra quam vellet, baculo ferrato, quem manibus gestare solebat, lethali vulnere perculeret: ex quo moriens Ioannes filius, fratri Theodoro Imperium reliquit. Percommodè accidit, vt duobus ante annis Ioannes pater secundas cum Vxore iuuene nuptias adiret, ex qua suscepit Demetrium, qui nunc Imperij patrij habenas moderatur. Ergo Pater, duobus filijs Theodoro pariter, ac Demetrio suos singulis è præcipua nobilitate Tutores constituit.

THEODORVS SVCCEDIT IN IMPERIO, IOANNI BASILIO PARENTI SVO: BORIS DE HODVNO, MORTVO THEODORO, POTITVR DICTO IMPERIO.

CAP. III.

Itaque Theodorus vbi successisset Patri in imperio, Vxorem habuit sagacem, quæ cum animaduerteret, maritum suum, nec ad imperandum idoneum, et ad prolem generandum ineptum esse, adiunxit ei germanum suum nomine Borim Hodunum, vt hac ratione illi patefaceret aditum ad regni gubernacula. Quare sororis beneficio factum est, vt breui omnis ei cura regendi demandaretur. quam prouinciam, vbi aliquandiu Theodori nomine (vt præseferebat) magna cum laude sustinuisset, vidit non difficilem sibi futurum accessum ad magni Ducis dignitatem, præsertim cum intelligeret Theodorum, præterquam quod ad gubernacula minus idoneus esset, non diu superuicturum. Quapropter singulari quadam vsus dexteritate, se a Tutoribus, quos Ioannes de Basilio, Theodoro reliquerat, quantocyus expediuit, eosque Casanum, et Astracanum versus, atque ad alia longè dissita loca transmisit, vt in ijs præfectorum munere fungerentur, bellumque gererent, aduersus alios Tartaros nondum subiugatos. Hi omnes Tutores, non multo post discessum vel morte in præfatis præsidiarijs arcibus, sublati sunt; vel adeo remotè abierunt, vt nullum de ijs vnquam nuncium haberi potuerit. Non ita longo interiecto temporis spacio, eadem vsus est arte cum Tutoribus Demetrij, simulque cœpit eidem Demetrio qui in arce quadam remota ab Aula, olim à Patre vnà cum tota illa Prouincia testamento eidem relicta, educabatur, necem moliri. Ergo vbi ablegasset omnes qui nefarium suum consilium exequerentur, Demetrij Præfectus (qui fuisse dicitur Germanus quidam natione, ex loco propinquo Coloniæ) à Matre Demetrij admonetur de illorum aduentu, loco, et tempore ad necem constituto. Quid faciat bonus, et fidelis Præfectus? occurrit repentinum consilium. Collocat in eodem lecto cum Demetrio puerum quendam illi coætaneum persimilemque vultu, et statura, idque transigit nullo conscio. vbi vero alienum puerum somnus oppressisset, mandat clam Demetrium ex lecto surripi. Aderat iam destinata hora. qui missi fuerunt a Bori, nocte intempesta ad lectum Demetrij properant, et opinione falsi, loco Demetrij puerum substitutum strangulant. Serui Domestici partim insolito strepitu, partim puerili exciti clamore, ad lectum Demetrii accurrunt, et intuiti puerum suffocatum, arbitrantes Demetrium esse, obstupescunt, ingentis doloris signa edunt. quid plura? ex templo rumor per omnia vicina loca increbuit, quo vicini commoti tanta frequentia aduolarunt, vt siue nimia populi compressione, siue alia ratione acciderit complures alij pueri suffocati fuerint. Interea Demetrij Præfectus, qui eum alteri cuidam nobili custodiendum, et in tutum deferendum tradiderat, grauissimum dolorem ob mortem Demetrij vultu simulat, simulque diligentissimè cauet, ne qua ratione vel cadauer suffocati pueri dignoscatur, vel fraus facta detegatur. Boris, nuncio accepto de nece Demetrij, veritus ne scelus nocturnum in apertum adduceretur, rumores sparsit, arcem illam Demetrij, peste infectam fuisse, ac proinde non modo Demetrium, sed etiam alios complures eiusdem ætatis pueros illo morbi genere extinctos. Et quia Moscouitæ supra quam dici potest pestilentiam exhorrent, arcem subito obserarunt, atque adeo sub grauissimarum pœnarum comminatione, tum inhabitan-

tes egressu, tum exteros ingressu, imo et accessu interdixerunt. Deinde Boris grauiorem simulans metum, ne hac etiam omni diligentia adhibita longius malum illud serperet, totumque regnum inficeret, arcem cum omnibus incolis exuri mandauit. Paulo post Theodorus è viuis excessit. Boris, qui sibi persuaserat iam omnia obstacula sublata esse, nullo aduersante in magnum Moscouiæ Ducem creatur. qui eo facilius ad eam dignitatem peruenit, quo fixius omnium in animis illa opinio hærebat, Borim, viuente adhuc Theodoro, præclarè rempublicam administrasse, neque vllum amplius de stirpe verorum et legitimorum Ducum superesse.

DEMETRIVS CLAM EDVCATVS, POST ALIQUOD TEMPORIS INTERUALLUM IN LITUANIAM ET POLONIAM VENIT.

CAP. IV.

Interea Demetrius occultè à Præfecto educatus, vbi paulò post illud arcis incendium ex eodem Præfecto cognouisset, se legitimum hæredem esse Ioannis Basilij, secutus eiusdem fidele consilium, claustrum Monachorum nec Catholicorum, et indoctorum in eo regno commorantium ingreditur, in quo tamen diuturnam moram non traxit, sed sæpius Monasteria commutando, modo hoc, modo illud adibat, et in quolibet aliquantulum temporis degebat. verebatur enim (vt ipsemet testatus est) ne per diuturnam moram proderetur, aut religionem illam profiteri cogeretur. Tandem, semper incognitus, venit in Lituaniam cum Monacho quodam ex Monasterio in confinibus Prouinciæ Chiouiæ sito: ibi Monachali abiecto habitu, primum famulatus est in domo Ducis Ostrogiæ, deinde Domino cuidam Polono Golsky appellato, et, vt refertur, aliquando culinaria obiuit munia. Denique posteaquam Demetrius intellexisset, Borim, eo quod à pristino regnandi more desciscens, gubernacula sua in Tyrannidem quandam conuertisset, summo ab vniuersa Moscouia odio haberi, constituit se nobili cuidam prodere, quem illi Knes, nos Ducem vocamus, cognomine Wisnouuizky genero Palatini Sendomiriæ. Adit ergo hominem, supplicatque vt per Socerum suum sibi aditum ad Regem Poloniæ impetret, coram quo ius suum dicere possit. Admittit Præfatus Dux Demetrij preces, quem, vbi ei vestes honestissimas comparasset, et de famulis, alijsque rebus necessarijs prospexisset, Cracouiam secum adducit. Hîc, Demetrius Regis beneficio obtinuit, vt coram aliquot Senatoribus causam suam dicere sibi liceret. In consessu Senatorum tanta cum dignitate causam suam perorauit, tam varios vitæ suæ casus recensuit, tam euidentia argumenta, tamque certa indicia (quorum vestigia etiamnum in eius vultu extabant, nempe circulum quoddam inter oculum dextram et nasum, alteramque manum altera longiorem) in medium protulit, vt Regia Maiestas, cæterique Senatores manus veritati dederint, omnesque eum vt veram, et legitimam Ioannis Basilij Prolem agnouerint. Habuit et aliam coram ipso Rege orationem, quæ inter cætera hæc ad verbum continebat. Meminerit vestra Regia Maiestas natam se olim in captiuitate, et vna cum parentibus suis, Dei benignitate, propterea libe-

ratam fuisse, vt vestra Maiestas me quoque ab exilio liberet, et in paternum, ex quo per nefas sum eiectus, Regnum restituat. Quæ vt apertius intelligantur, sciendum est Ioannem tertium Regem Sueciæ, et Parentem Sigismundi, Regis nunc Poloniæ, priusquam Regni solium conscenderet, in carceribus vna cum Regina vxore sua detentum fuisse ab Henrico fratre Germano ipsiusmet Ioannis Regis, cùm Ioannes esset Magnus Dux Finlandiæ. Captiuitas hæc vbi quadriennium expleuisset, in ea Ioannes genuit Sigismundum tertium, nunc Poloniæ Regem. Postmodum à Regni proceribus liberatus, et diademate regio coronatus, duci iussit fratrem suum Henricum Regem, eumque toto octennio captiuum habuit. quo transacto tempore, obijt. In eadem oratione addidit Demetrius, si Rex sibi hoc in negotio suppetias ferret, fore vt non contemnendi fructus in vniuersam Ecclessiam et Rempub. Christianam redundarent, Recuperata enim Moscouia, cum reliquis Regni sui partibus, facile posset ipsi Poloniæ Regi auxilium ferre, tum ad recipiendum Sueciæ regnum ab ipso rebelli Carolo per nefas occupatum, tum ad inijciendum frænum ipsi Turcæ, eumque intra limites suos coercendum. Porro Demetrius tres circiter annos in confinibus Lituaniæ commoratus, Procerumque Polonorum familiaritate vsus, perdidicerat iam Polonicum idioma, et quædam in latinis assecutus fuerat, simulque erga Catholicæ Ecclesiæ ritus, et cæremonias plurimum affici cœperat, cùm Cracouiam veniens ibique loca sacra frequentans, indies magis, ac magis sibi Catholicam religionem probari, atque accuratioris institutionis desiderio de eadem se teneri ostendit. Quod cum ad aures Regis peruenisset negotium hoc datum est Gasparo Sauitio, Præposito Domus professæ Cracouiensis Societatis IESV. breui tempore Demetrius, quæ fuit illius ingenij facilitas, et perspicacia, tam magnos fecit progressus, vt sua manu vnas scripserit ad. S. mem. Clementem VIII. quibus se suæ sanctitatis precibus impensè commendabat, supplexque sacram benedictionem petebat, simulque pollicebatur, si paternum reciperet regnum, pro virili laboraturum esse, vt in eo cultus diuinus indies propagetur.

BORIS, TVM CONSCIENTIAE STIMVLIS EXAGITATVS, TVM NVNCIO DE VITA DEMETRIJ ACCEPTO PERCULSUS, PRIMUM SIBI, PRINCIPES EXTEROS DEUINCIRE, DEINDE DEMETRIJ CONATUS IMPEDIRE STUDET.

CAP. V.

Dvm prædictarum rerum fit apparatus, Boris de Hoduno, quia iam pridem cognouerat, Demetrij in Poloniam fuga multorum Moscorum animos ad commiserationem adductos fuisse, paratosque propterea esse ad iugum tyrannidis excutiendum; omnes iniuit rationes, vt et Demetrius necaretur, et obuiam malis iret, quæ cum ipsamet Tyrannidis conscientia præsagiret, tum grauia patrata facinora minitarentur. Qua de causa ab ipso sui regni exordio, in Italiam aliasque regiones scripsit, quo sibi beneuoli, atque munifici Principis famam colligeret, simulque patefaceret longè diuersam esse suam gubernandi rationem à prædecessorum suorum, qui tyrannide potius, quam benignitate

in suos vsi fuissent. Misit quoque ad Rudolphum Imperatorem Legatos, per quos pristinum amicitiæ fœdus confirmari petebat, auxiliumque eidem Imperatori aduersus Turcas in Vngaria pollicebatur: quæ promissa, vt certiora esse viderentur, paulo post magnam pellium ex ponticis muribus, quas Zibellinas vocant, copiam transmisit, quarum valor, etsi rumore authore, attingere putabatur millionem auri, tamen illarum pretium non excedebat summam ducentorum millium scutatorum. Ex his pellibus imperator donauerat quasdam suis aula principibus viris; vt proinde exiguam attulerint vtilitatem Imperatori, maximè cum promissis, de copijs aduersus Turcas suppeditandis non steterit; et valor impensarum factarum tum in Moscis legatis excipiendis, tum in donis eisdem conferendis, pellium illarum valorem vel superarit, vel certè adæquarit.

Verum cum Boris aduerteret suos in dies à se alienatiores fieri, et Demetrij bellicum apparatum proximum esse, quem auxiliaribus copijs, non modo varij Senatores, sed etiam plurimi regni proceres augerent, ipsique Demetrio calcar ad paternum regnum recuperandum, adderent; triplicem aduersariorum conatus eludendi rationem excogitauit. Primum, dum Varsauiæ Comitia haberentur, Legatos ad Regem Poloniæ transmisit, qui grauissimè quererentur de rupto fœdere tunc, cùm hostem haberet infensissimum; assererent præterea, Demetrium esse Sacerdotis cuiusdam filium, impostoremque insignem, et ideò eum vel viuum, vel mortuum in suam traderet potestatem. Deinde cum Polonis quibusdam transegit, vt hos Demetrij conatus impedirent. Ad extremum arces præsidiarias nouo militum præsidio muniuit, totamque Moscouiam fama compleuit, Demetrium aduentantem præstigiatorem esse illum in ijs regionibus notissimum. Sed Rex Poloniæ spretis eorum calumnijs et minis, sapientissimum Legatis dedit responsum, nec destitit promissas iure merito Demetrio copias quamprimum comparare, propterea quod sibi persuaderet, hanc vnam esse rationem, pacis et beneuolentiæ cum Moscis augendæ et confirmandæ.

PROFECTIO DEMETRII CRACOUIA MOSCOUIAM VERSUS.

CAP. VI.

Rex itaque Demetrio potestatem fecit, copias quinque millium virorum clam in regno Poloniæ colligendi, eidemque in mandatis dedit, vt castra versus confinia Lituaniæ moueret, et quotquot eorum, qui sùb Stephano Rege in Moscouia stipendia meruerant, habere posset, conscriberet, ad illosque adiungeret quingentos Cosacorum, eorum nimirum, qui præsidiarij esse solerent in confinibus regni: eo quod illi assueti viuere rapto, peridonei huiusmodi expeditioni forent. Ad hæc, donauit Rex summam quandam Palatino Sendomiriæ, quam Regiæ Maiestati, ratione œconomiæ in Sambor traditæ Palatinus debebat; aliam verò pecuniam ipsi Demetrio dono dedit, qua se pro status sui conditione aleret. Cum hisce igitur copijs, Duce Palatino commemorato, Demetrius Moscouiam versus mouit. Palatinus ad comitatum suum, assumpsit

duos Patres Franciscanorum eorum, qui propter S. Bernardini reformationem. Bernardini nuncupantur, et duos de Societate IESV cum alio quodam eorundem socio, eo consilio, vt viri germanarum solidarumque virtutum studiosissimi, spiritalibus suis armis exercitum communirent. Et quidem Patres Societatis, reuersis post aliquod temporis spacium ad sua monasteria Bernardinis, perpetui deinde fuere Demetrij comites, quorum nomina hæc. P. Nicolaus Czyrzooschi et P. Andreas Lauitius. Castra metati sunt cis Boristhenem fluuium. vbi tamen prius bona pars exercitus sua celeritate insidias euasit, quas alius quidam de Polonis proceribus, sub specioso fœderis cum Moscis initi nomine, struxerat, vt progressum Demetrianorum conatuum retardaret; propterea quod facilè prouideret fore, vt ex huius negotij felici exitu, nullum honorem consequeretur, neque consilia sua optatum finem sortirentur, sed potius regia auctoritas cresceret, et fides Palatini Sendomiriæ illustrior redderetur.

Cis Boristenem diuturnior, quam credebatur, tracta est mora, quam tarditas militum ad castra conuenientium peperit; impedimento præterea fuerunt commeatus, et ipsa fluuij profunditas, quem traijcere circumspectè oportebat: præterquam quod post ipsum etiam traiectum, ignorabatur, qua tutius iter foret. et quamuis securior via vnanimi consensu, indicaretur per siluas densissimas (per quas iter erat leucarum quadraginta) tamen magnopere insidiæ, quas fecisse putabantur fautores tyranni Boris, timebantur.

Nihilominus tamen hæc omnis mora, diuina omnino prouidentia, aliquot fuit septimanarum. sic enim tum Demetrij exercitui; tum maximè Polonis occasio data fuit, maiori cum otio, verbum diuinum audiendi; accuratiorem de rebus fidei instructionem accipiendi, (quarum ignorantia quidam magnopere laborabant) et se sanctissimis Sacramentis muniendi. quæ res tantas in eorum animis diuini amoris faces accendit, tantumque in difficultatibus subeundis constantiam addidit, vt deinde præstantissimi quique eorum turmatim quauis hebdomada sacram sumerent mensam id quod Moscis maximo veræ pietatis et religionis exemplo fuit; vt vel hoc ipso Deus hac occasione vti voluisse videatur, tanquam certo signo faciendæ olim in ditionibus illis septentrionalibus copiosæ messis.

DEMETRIVS TRAIICIT BORISTENEM, INGREDITVR MOSCOUIAM, OBTINET DIUERSAS VICTORIAS, SEMEL TAMEN SUPERATUR.

CAP. VII.

Demetrius postquam Boristenem tuto traiecisset, iterque cum exercitu suo per magnam syluam fecisset, nullas inimicorum insidias offendit, obstaculum viarum inuenit nullum. Progressus itaque vlterius, appropinquauit primo Moscouiæ præsidio, cuius milites nullum passi assultum nullis tormentorum ictibus petiti, sponte sese dediderunt: quamuis in eo præsidio Boris non ita pridem octingentos milites collocasset, illudque maioribus aliquot tormentis muniuisset, atque suburbia, ne Demetrio vsui esse possent, exuri imperasset.

Demetrius in dedito præsidio bona sui militis parte relicta ad secundum præsidium priore fortius processit: hoc quoque deditione accepit, posteaquam sæpius manus cum milite Boris conseruisset, qui missus fuerat, ad prouinciam illam in aperto campo propugnandam, eumque aliquoties fregisset, maxime ad præsidium Nouoguardiæ. Hic certamine inchoato, et imperfecto relicto, cùm discederet Demetrius, tanta orta est in eius exercitu perturbatio, vt nullo persequente miles ipsius, in tres partes distractus fuerit. vna Cernohouiam, altera Putiuolum versus tetendit, vt hæ duæ in Poloniam redirent, partim cum Palatino Sendomiriæ, partim cum Ducibus suis. altera denique pars in ditionem Cormanicensem cum ipsomet Demetrio est profecta, in qua postmodum a numeroso Boris exercitu, qui permixtos continebat Tartaros, et Germanos die 30 Ianuarij labentis anni 1605. oppressus, culpa Cosacorum quibus nimium tribuebat, victoriam miserè amisit, adeò vt Demetrius nulla ratione suos in ordinem redigere potuerit, et multi fuga, salutem quæsierint. ex qua fuga tandiu miles reuocari nequiuit, quoad Rilscum quod est secundum præsidium, deditione traditum Demetrio, peruentum fuit. Hic duobus diebus morati sese collegerunt, viresque nonnihil restaurarunt, quo facto mox itineri se dedit, et duodecim alias leucas Putiuolum versus, quæ arx magis ad confinia Regni Polonici vergit, confecit. Cosaci tâmen, quia eis non fuerat facta potestas ingrediendi Putiuolum, Zazurossum reuersi sunt; pars alia Polonorum redijt in Poloniam; alia cum Demetrio remansit; hæc milites habebat quingentos. horum ergo, atque aliorum auxilio, qui se fuerant secuti, exercitum restaurare, munire præsidia deditione accepta, studuit, misitque in Poloniam nouas auxiliares copias petitum. Hæc omnia Demetrius, tantis in angustijs constitutus, plusquam heroico transegit animo.

NOVA DIVINAE PROVIDENTIAE INDICIA ERGA DEMETRIUM.

CAP. VIII.

At Deus qui percutit et sanat, animum tum Demetrij tum reliquorum militum in maximam spem felicioris progressus et exitus, rerum incœptarum erexit. Nam supremus Dux exercitus Boris, ratus reliquias militum Demetrianorum, qui fugam capessiuerant, in Poloniam se recepisse, eas non nisi vnius diei itinere persecutus est, hoc est, vsque ad supradictum præsidium Rilscum. Erat Rilscum præsidium munitissimum, quod, vt iam dictum est, deditione in potestatem Demetrij venerat. huic adiunctus erat sat magnus ager, ad quem expugnandum profecti fuerant par militum Boris, quibus illius ditionis incolæ cum exiguo milite ab ipso Demetrio illis subsidio misso egressi sunt obuiam, et trucidatis mille, ducentis captiuis ductis, omnem hostilem exercitum profligarunt, adeò vt relicta obsidione, huc, illucque dilapsi, quiuis saluti fuga consuluerit. Acceperunt præterea incolæ duo muralia tormenta, illorum tamen prius tentorijs partim exustis, partim secum ablatis. Adhæc quinque aliæ præsidiariæ arces munitæ, vna cum ditionibus sat amplis adiunctis, vltro sese Demetrio dediderunt, quarum nomina hæc. Oszkol

steria nouerint. Neque meliori statu sunt Monachi, in quibus insignis inscitia, cum effræni vitæ morumque licentia certat, vt planè magnæ operæ futurum sit ad meliorem tot frugem perducere. Idem dictitabat frequenter, decretum sibi esse, cùm primum ad Magnum Moscouiæ Ducatum peruenisset, ab exteris nationibus pueros aliquot et adolescentes naturæ viuacis, egregiæque indolis euocandos curare, qui exemplo suo indigenas ad artium et disciplinarum accenderent æmulationem. Nec his sermonibus contentus, voluit præterea per aliquot dies gustum capere auctorum Latinorum, qui de Rhetoricis et Philosophicis agunt.

MORTE HORRIBILI ET REPENTINA EXTINGVITVR BORIS TYRANNUS VXOR CUM FILIO VENENO NECATUR.

CAP. X.

Cvm hæc in Putiuolano præsidio ageret Demetrius, Dominus interim exercituum pro illo pugnabat. Nam cùm Boris 29. Aprilis in frequenti Procerum corona publice legatis externis audiendis vacaret, subitò potenti Numinis dextera percussus in terram corruit, copiosoque ex oculis, ore, naribus, auribus, effuso sanguine, infelicem efflauit animam. Quæ res tantum timoris omnibus iniecit, vt iudicia diuina vehementer formidarent, nec dubitarent Demetrij caussam probare, quam cœlum ipsum argumento tam euidenti comprobasset. Nihilominus tamen Vxor defuncti Boris filium suum Theodorum ad paterna gubernacula capessenda stimulabat; sed irrito conatu. Ad extremum enim ipsa cum filio et filia custodiæ mancipata est à populo iam plane in Demetrium inclinato, vt ad ipsius deinde arbitrium plecteretur. Attulit hoc nuncium Demetrio cum Tullæ in procinctu esset versus Moscuam, Capitaneus quidam Polonus (cognomen ei Domaronoski) qui captus in illa clade quam ad Nouoguardiam Demetrius acceperat, et in ipsa Vrbe Moscua tunc versatus, dictaque occasione liberatus venerat. Is oculatum se rerum illarum testem asserebat, et addebat multos in vinculis ab eodem ipso populo iam adduci. Ea de caussa vxor et crudelitatis defuncti coniugis conscia, et suorum criminum, venenum simul cum liberis sponte hausit, quod ipsam cum filio é vestigio necauit; filia vero medicorum opera, ne pari fato interiret, seruata est.

NVMEROSISSIMVS BORIS EXERCITVS QVI PRAESIDIVM CROMENSE OBSIDEBAT, DEMETRIO SE DEDIT.

CAP. XI.

At verò Boris, sic permittente Deo, numerosissimis amplius centum millium florentissimorum militum copijs auctus, consanguineo suo Ioanni vniuersæ militiæ præfecto negotium dederat expugnandi Cromensis præsidij, in quo *plurimum momenti* erat, quodque à Demetrio, cuius in potestatem volunta-

riè concesserat, circa Pentecosten rebus omnibus obsidioni ferendæ necessarijs instructum erat, adeoque grauissimos iam decem assultus sustinuerat. Iuerat ad suppetias ferendas Dominus Zaporski cum 200. Polonis equitib. ex eo genere, quod præter alia arma lanceas peracuto ferro munitas gerit; et centum itidem Polonis peditibus, accepta prius a Sacerdotibus Putiuoli solita benedictione. Vbi eo peruentum vt duobus tantum milliaribus abesset Cromo, moratus aliquandiu, cum alijs decem millibus a Demetrio submissis se coniunxit. Per id tempus præsidiarij Cromenses cognita vnius partis exercitus hostilis in Demetrium propensione, cum ea conspirarunt, factaque excursione multos ex milite qui Bori fauebat, peremerunt, cum interim alij in Demetrium inclinati fugam simularent.

Eo ipso tempore Dominus Zaporski veredarium ad Cromenses miserat cum literis quibus significabatur quadraginta millia equitum leuis armaturæ aduentare ex Polonia, quibuscum postero die aduersus Boris copias essent depugnaturi, eumque ad deserendam obsidionem coacturi. Erat is veredarius de industria a Domino Zaporski per eas vias missus, vt necesse foret eum in vigilias hostium incidere. Incidit, captus est cum literis. et hæ quidem in exercitu lectæ; ille verò in tormentis id ipsum confirmabat quod literis continebatur, magnas Polonorum copias prope diem adfuturas. Vnde tumultus non leuis cum graui metu coniunctus in castris exortus est. Continuo missi à Præfecto generali ducenti primum equites; post, duo millia, qui prohiberent, ne auxilium a Demetrio submissum in arcem ingrederetur: reliquum Boriani exercitus corpus sequebatur. Datum est ergò pugnæ initium, edito vtrinque ingenti clamore hostes partim equitum Polonorum lanceis, partim peditatus Demetriani, qui a latere in eos generose impetum fecerat, ardore consternati, diffisique victoriæ, quòd ingentem exercitum suspicarentur, vltrò se dediderunt. quodque amplius mireris, Moscus quidam (Basmanium appellabant) qui ad Nouoguardiam plurimum molestiæ Demetrianis facessiuerat, primus fuit qui cum aliquot suorum millibus in totius Boriani exercitus conspectu elata voce Demetrium Dominum suum, et Moscouiæ hæredem confessus, postquam fidem suam iureiurando addixisset, Demetrianorum fidei se permisit. Quod reliquum erat exercitus, tres ex præcipuis legauit ad Dominum Zaporskium, qui omnium nomine Demetrio se subiicerent. cui ipsi postea, ijdem cum quingentis, ex flore totius militiæ, Putiuolum profecti sacramento se fidelitatis obstrinxerunt 23. Maij huius labentis anni 1605. Ioannes verò Hodonensis supremus copiarum præfectus post discessum Mscilawsky, et Swisky (hi enim accersiti erant Moscouiam) fuga salutem quæsiuit, sed ab ipsis Moscis captus, et ligatus ad Demetrium deductus est, ab eoque in carcerem coniectus, eò quod ne inclinatione quidem capitis Demetrium venerari vellet, nisi coactus. Quantum extiterit gaudium ob hoc beneficium, quod totum Deo, vt par erat, acceptum referebatur, et quantæ sint Deo actæ gratiæ ab vniuerso exercitu, difficile est explicatu.

Exauditæ sunt illæ militum voces; DEUS, et nostrorum Patrum. Orationes subdiderunt colla inimicorum Serenissimo Principi Demetrio. Audita est etiam vox illa Demetrij ad Patres Societatis Iesv; En quod mihi prædixistis, Patres, in luctuosa illa fuga, effectum iam est, fore nempe, vt quemadmodum Deus me afflixisset, ita rursum esset consolaturus, ideoque nihil esse de abolutissima victoria desperandum.

DEMETRIVS PVTIVOLO MOVET VERSVS MOSCVAM MOSCOUIAE METROPOLIM.

CAP. XII.

Vigesima quinta Maij huius anni Demetrius subiugato plano ducatu Seueriæ et alijs ducatibus, adeò vt Moscoüia iam tota eius auctoritatem agnosceret, multique Palatini et alij tum Ecclesiastici tum sæculares ad eum frequentes venirent, vt tanquam legitimo Principi se submitterent, et erratorum veniam impetrarent; ex Putiuolano præsidio cum nobili et magno comitatu Moscuam versus contendit.

Putiuolo ergo Rilscum profectus, tertio die Cromum attigit. Hic moratus aliquamdiu occasionem militibus dedit admirandi, et prædicandi diuinam bonitatem, quæ tam valido exercitui Boriano vires et animum ademerit, idque tam exiguo Cremensium præsidio, qui acerrimè se defenderant, et datam Demetrio fidem probauerant, quia præter exercitum Tyranni qui cum centum millibus et amplius (vt dictum est supra) eos obsidebat, erant etiam ibi 70 muralia tormenta, quibus castrum verberabatur, et in ijs quædam tam vasta, vt viri duo iunctis brachijs complecti ea non valerent. Verum qui obsidebantur præsidiarij profundis fossis et cuniculis actis, subterraneisque meatibus foramina varia fecerant, ex quibus citra periculum suum hostes grauiter læderent: duplicatisque fossis præter aggeres et sepimenta arcis, hostium vim sperabant se sustinere posse, etiamsi anteriorem arcis partem occupassent. Inde Demetrius Tullam mouit, qui locus distat Moscua 36. leucis, vbi præsidium erat impositum sexcentorum veteranorum Polonorum, ex eorum numero, qui sub Stephano Batthoreo cum Moscis bellum gesserant. Duobus hic diebus quieti et ægrorum curationi datis, itum est Orlam, quo in itinere varij ex omni conditione homines ad Principem suum spectandum se effuderant, maxime vero ex Moscua ciuitate; vt facile appareret eius itineris ducem et auctorem extitisse Deum, qui varijs insidijs inimicorum ereptum, tandem aliquando saluum in Vrbe Moscua cum exercitu collocasset; vbi debito apparatu, totiusque populi incredibili gratulatione acclamatus fuit Imperator Russiæ, Magnus Moscouiæ aliorumque ducatuum Dux, et Cæsar (sic enim magnus Dux nominatur) Casani atque Astracani; quæ sunt Prouinciæ duæ, ab ijs dictæ Hordæ Tartarorum, et, ut supra dictum est, a Ioanne Demetrij parente ad ditionem Moscouiticam adiectæ. Coronatus est Demetrius vltimo Iulij, pridie nempe S. Petri ad vincula. Qui vt liberatus fuit ex carcere Herodis, sic Deum in cœlo exorauit, vt ex alterius Herodis manibus ereptus Demetrius ad paternum principatum assumeretur.

DEMETRIVS CORONATVS GRATIAS DEO AGIT, ET RES IMPERIJ CONSTITUIT.

CAP. XIII.

Magna supra quam credi potest, animi submissione, fortitudine, et prudentia habuit gratias Deo Demetrius, gubernaculorumque tractationem est

aggressus. Ex ijs quæ paucis septimanis acta sunt, quisque conijciet, quid ante gestum sit, et quid in posterum sperare liceat. Itaque iam nouem septimanis tranquille regnabat eiusque inscriptione pecunia insigniebatur.

Palatinus Plescouiæ cum tota ciuitate iuramentum præstiterat. Publicè in templis pro Demetrio precabantur: Nomen verò Boris execrabantur.

Polonis libera erant cum Moscis commercia.

In thesauro repererat Demetrius nouem cophinos gemmarum. Septuaginta quatuor familiæ quæ adhæserant Bori (ex quibus plurimæ vel consanguinitate vel affinitate eum attingebant) exilio damnatæ, et in varias regiones relegatæ fuerant. Omnesque ij solo indusio amicti in curru auecti inspectante vniuersa ciuitate Moscua.

Demetrius per literas Plescouianis omnibus qui contra eum arma tulerant, veniam fuerat benignissime largitus. et nobilitati Moscouiticæ iam denunciarat, vt ab armis parati essent ad bellum contra Suecos Regi Poloniæ rebelles quando dies indiceretur. Idemque curauerat, vt Boris cadauer ex magnorum Ducum sepulchro quod est in templo S. Michaelis erutum, extra vrbem sepeliretur in templo S. Ambrosij.

Petrus Basmanowski cum 302. personis ac 206. equis amplissimi legati nomine missus ad Regem Poloniæ pretiosissima eidem attulerat munera, tum ad grati animi significationem declarandam, tum vt perpetuæ amicitiæ fœdere cum regno Poloniæ arctissime deuinciretur. quæ Legatio Cracouiam commodùm appulerat sub ipsum tempus, quo Rex publicas Deo gratias decreuerat, ob interfecta in Liuonia paruis copijs nouem rebellium Carolinorum millia, aliosque partim captos, partim fugatos, qui in vniuersum numerum quatuordecim millium conficiebant. Inter quot Dux Luneburgensis cum Germanis suis, cum Comite Mansfeldensi, et Landerson Gubernatore Reualiæ occubuerant, qui omnes Carolo auxiliaturi venerant. Ipse autem vulneratus ad naues regressus, in Sueciam vela fecerat.

Aliam quoque adornabat Demetrius legationem ad summum Pontificem pro benedictione accipienda: quandoquidem etiam eius parens Ioannes non tantum primam ad eum miserat pro pace cum Polonis constituenda; sed secundam etiam addiderat, ob eam iam ex voto constitutam.

Præter literas quas amoris plenas legatus ad Regem Poloniæ attulerat. alias etiam exhibuerat Palatino Sendomiriensi cum 40 sexagenis pellium ex muribus ponticis, et præterea centum millibus talerorum pro filia quam in vxorem petebat Demetrius, et vt quam primum adduceretur rogabat. Atque ita maxima duo connubia, Regis Poloniæ et Demetrij vno tempore perficienda erant, non sine certa spe fidei Catholicæ per talem coniugem propagandæ.

LITERAE ILLVSTRISSIMI D. CAROLI CODKEVICII, SVMMI REGIS POLONIAE EXERCITUS IN LIUONIA IMPERATORIS, AD ILLUSTRISS. ET REUERENDISS. VICECANCELLARIUM SUAE MAIEST. DE VICTORIA RELATA CONTRA CAROLVM.

Quæ hic gerantur et gesta sint, breuiter significabo. Mea meorumque opinione celerius, feliciter tamen confeci totum negocium cum inimico nostro Carolo. Vt primum enim ipse intellexit me Kirosolmum perueuisse 27. Septemb. ad mea castra accessit cum 14. millibus. Mirum est quam ille sua imaginatione Liuoniam iam totam deuorauerat. sed exitus votis non respondit. Ego militum numero longe eram inferior. ex regio enim exercitu non habui plus quam tria millia, et 400. milites, Germanosque equites 300. quibus Illustrissimus Curlandiæ Dux adiunctus erat. Sane fauentem, et propitiam expertus sum iustitiam, ac benignitatem Dei, qua innocentibus cum tempus poscit, opitulatur. Vnius horæ spacio cum fortiter vtrinque pugnaretur anceps hæsit victoria.

Demum incredibili nostrorum ardore hostes loco pulsi terga verterunt. Campi Kirolmenses quam latè patebant sanguine inundare visi, Carolus vulneratus ad naues confugit. Ex illius exercitu nouem omninò millia in loco certaminis occubuerunt. Alij dilapsi in fugam vltra Dunam, Curlandiæ flumen, ab obuijs quibusque mactati. multi etiam in Duna, et Kirena fluminibus, et paludibus, ac lacubus mersi. Dux Luneburgi, Landersonius, Generalis exercitus Caroli, et alij non pauci Capitanei, ac viri nobiles interierunt. Viui in potestatem venerunt quadringenti, vexilla capta 60. tormenta 11. denique tam insignis victoria viribus nostris adscribi non potest, sed virtus et dextra Dei occidebat Pharaonem. Ex Serenissimi Regis copijs non omnino centum perierunt. Grauis equorum nostrorum strages est edita. Multi vulnerati; sed si hostium numerum, et frequentem bombardarum, tormentorumque displosionem spectes, pauci mortui. Ita benignissimum Numen hostium spiritus, arrogantiamque compressit. vt meo iudicio non tam cito videantur vires instaurare posse. Rigæ 29. Septemb. Anni 1605.

EX ALIIS LITERIS MAGNIFICI D. VOINA, AD D. FRATREM SVVM, ET PATRIS ICROLONSKI, EX SACRA BERNARDINORUM FAMILIA, AD SUUM VILNENSEM GUARDIANUM.

Initus est conflictus, ipso S. Stanislai die, quo ipso in arce habebatur 40. horarum oratio in eiusdem S. Stanislai templo. Scribebatur quod Carolus Sudermanniæ Dux pecuniam exercitui alendo acceperat a Bori Moscouiæ tyranno. dicitur mortuus comes Mansfeldius, qui cum Carolo erat. Castra hostilia militum prædæ sunt concessa. Dux Curlandiæ media ante conflictum hora appulit. Is ad flumen Duna cum peruenisset, et nostros in aciem disponi videret, cum equo in profluentem se coniecit, saluusque cum suis omnibus ad nostros accessit. Illustrissimus noster Generalis in templo nostro Rigensi *Deo pro victoria gratias egit.*

CONTINVATIO SVPERIORIS MOSCOVITICAE HISTORIAE.

Vbi fauore diuino, et auxilio Polonorum Demetrius paternum solium et sceptrum recuperauit, subiugatis, et pace firmatis imperij Moscouitici Prouincijs, illud primum satagit, vt illis gratus esset, a quibus maxima beneficia acceperat, Legatione igitur ad Serenissimum Regem Poloniæ Sigismundum Tertium misit Athanasium Ioannis Rossilowitz, ærarij sui Præfectum, qui a Polonis cum vniuerso comitatu, quingentorum circiter hominum, Cracouiam 10. Nouemb. honorificè deductus est. Decima quarta deinde eiusdem mensis ad colloquium Regis admissus publicè, vbi salutem Demetrij nomine nunciasset; expositis Dei fauore, et Serenissimi Regis, Procerumque regni Poloniæ officijs, quibus in recuperando Parentis imperio vsus, adiutusque fuisset, quod in pace iam teneret, grates egit Deo, Serenissimo Regi Sigismundo, Regniquæ Proceribus. Tum hæc capita addidit.

Inprimis Demetrium Principem suum vehementer Christianis cladibus ingemiscere, quibus grauiter, et prioribus, et nunc præsentibus annis à Turcis afflicti essent, lacessito Inuictissimo Christianorum Imperatore Rudolpho, et regno Vngariæ vexato. quanquam hæc illius iniuria, in propriam Turcarum Imperatoris infamiam, et longe grauiora damna reciderit. Maximè vero illud dedere, incunabula Christi, et terras quas ille vestigijs pressisset et natiuitate, vita, sermonibus, miraculis illustrasset, morte denique consecrasset, iniquissime a tam barbaro hoste possideri sine honore, sine cultu. Id consilij statuisse, vt ope inprimis Dei Diuorumque, amicitia deinde et societate cum regno Poloniæ, Principibusque Christianis, eadem sacra loca ex Mahometanis faucibus eriperet. Deinde vt se meritorum quæ a Poloniæ Regno accepisset, memorem, gratumque declararet, fœderibus etiam arctioribus cum eodem regno obstringeret, sociam vitæ fortunarumque iudidem petere a Rege, cuius voluntate, liceret sibi filiam Georgij Miusek Palatini Sendomiriensis, et Equitis Poloni connubio iungere. Quam ideò præcipuè adamasset, quod eius Parentis opera non modo adiutus in Polonia, sed in Moscouia etiam iterata sæpius cum hostibus pugna defensus, et in paterna sede collocatus fuisset.

Ad hæc capita ita à Serenissimo Rege Sigismundo responsum. Placere sibi Demetrij legationem argumentum amoris, et memoris beneficiorum animi. Salutem eo animo ab ipso accipere, vt illi persimilem remittat cum omnium rerum secundo euentu coniunctam. Gaudere se deinde ostendit, eique gratulari recuperatum parentis regnum, et pace tam inopina consensu omnium confirmatum. Et quidem dolorem Demetrij de Christianorum cladibus iustissimum esse. quod autem se in fœdus et societatem contra Turcam inuitet, gratissimum quidem sibi Demetrij consilium esse, eò quod Zelum Christianæ religionis tuendæ et propagandæ arguat, rem tamen ita grauem sine Procerum Regni Poloniæ consilio et consensu ad se nequaquam pertinere. Vxorem quam peteret, sua etiam voluntate haberet: cumque ea feliciter in multos annos viueret, ad Dei gloriam, vicinarum prouinciarum societatem firmam et constantem, subditorum denique pacem et tranquillitatem. hanc summam esse votorum suorum in matrimonio Demetrij.

Soluto colloquio Legatus Demetrij nomine Ducis sui matrimonium cum Palatini Sendomiriensis filia Maria Anna celebrauit, tradente sponsam in manus Pronubi Illustrissimo ac Reuerendissimo Cardinale Cracouiensi. acta sunt hæc 22. Nouemb. secutæ deinde nuptiales epulæ, quibus Rex ipse Poloniæ cum magna Procerum Regni parte, externorumque Principum Oratoribus, Regis etiam Persarum Legato, interfuit. Oblata post hæc Sponsæ et Parenti ipsius munera a Demetrio missa quorum pretium vltra 200000. flor. excurrit. Et quia eodem propemodum tempore aduentabat Serenissima Sponsa Serenissimi Regis Poloniae. Constantia Austria Serenissimi Caroli augustæ memoriæ Archiducis Austriæ, et Annæ Mariæ filia, comitantibus illam Serenissima eadem Matre, Serenissima Sorore Maria Christierna, et Serenissimo fratre Ernesto Maximiliano, missus est ab eodem Demetrio alius Legatus cum ingentibus donis, addidit etiam literas quibus ei coniugium gratulatur, significatque datas a se ad Carolum rebellem in Suecia literas, quibus nisi Regnum legitimo Domino restituat, bellum ei denunciat. quarum hoc est exemplar.

NOS SERENISSIMVS ET INVICTISSIMVS MONARCHA DEMETRIUS IOANNIS, DEI GRATIA IMPERATOR, ET MAGNUS DUX TOTIUS RUSCIAE, AC VNIUERSORUM TARTARIAE REGNORUM, ALIORUMQUE PLURIMORUM DOMINORUM MONARCHIAE MOSCOUITICAE SUBIECTORUM DOMINUS ET REX.

Significauimus ex more veteri fere omnibus vicinis Regibus de felici coronatione nostra, et summa Dei omnipotentis, cum erga nos clementia, tum contra hostem nostrum seueritate. Sciebamus enim veris Principibus talia Dei iudicia magnam voluptatem allatura fuisse. Tibi verò, qui te hostem Maiestatis Principum iam pridem ostendisti, hoc potius significandum putauimus. Cum Serenissimo Poloniæ et Sueciæ Rege fratre nostro, domino autem tuo, cum ob eam necessitudinem, quæ omnibus legitimis Regibus inter ipsos est; tum verò ob paternum Maiestatis suæ erga nos amorem, quem in causa nostra nuper experti sumus; intimam nobis coniunctionem et amicitiam intercedere, quem quia tu violatis omnium gentium, naturæ, et diuinis legibus, contrà fidem etiam et iusiurandum, quo te Maiestati ipsius obligaueras, non modo Regno hæreditario nefarie exuisti, verum etiam impia arma contra Serenitatem suam sumpsisti; atque adhuc in hac rebellione permanens, nullo iure Sueciæ Regnum retines, et tibi vsurpas: monemus te pro iure societatis nostræ, vt ad officium et sanitatem redeas, veniam à Serenissimo Rege, et Domino tuo supplex pètas, atque auitum Regnum ipsius Serenitati, quod omnia humana et diuina iura exigunt, restituas. Quod nisi feceris, nos tam infamem iniuriam fratri, amico, et vicino Principi a te illatam diutius ferre non poterimus, sed cunctis viribus nostris ad repetendum et recuperandum Sueciae Regnum Serenitatem ipsius adiuuare decreuimus, neque dubitamus Deum ipsum conatibus nostris adfuturum, et in tam

iusta caussa pro nobis esse pugnaturum. Hæc igitur, si quid in te pietatis et religionis, diligenter considera, et recenti atque miserabili perduellis nostri excidio disce, Deum pro Regibus suis et Principibus assiduè vigilare, et in quosuis hostes et parricidas eorum tam seuerè animaduertere, vt nullam cuiusquam contra eos perfidiam inultam esse velit. Datæ Moscouiæ 22 Octob. 1605.

DEMETRIUS CZAR.

EPISTOLA REGIS BIGVBAE IN GVINEA AFRICANA ANNO 1606.

AD DN. PHILIPPUM REGEM HISPANIAE MAGNUM REGEM ALBORUM. SIC ENIM MAURI ILLI EUROPAEOS VOCANT: TRANSLATA EX LUSITANA, IN LATINAM LINGUAM.

Ego Enchabolæus, Rex Bigubæ, Dominus Regum Biafræ et Ancasulæ, Epistolam potentissimi Regis Alborum, et simul ea, quæ per Patrem Societatis mihi nunciauit, ea lætitia accepi, qua terra sicca solet pluuiam sibi a Deo cœlitus demissam.

Memini Arium, Regem huius regni, mihi adhuc puero prædixisse, post multos alios successores suos, me tandem sibi in hoc regno successurum, et in diebus regni mei, res magnas euenturas. id modo impletum video, dum Rex tam potens, vt regna mea cum illius comparata, sint instar guttæ aquæ respectu totius maris, mei meminisse dignatur, et mittit ad me, qui ea, quæ Dei sunt, me edoceat et Christianum faciat. cuius consilia nisi sequerer, eius similis euaderem, qui per abrupta et præcipitia inambulans, claudit tamen oculos, neque solis luce se iuuat, vt ea illæsus pertranseat. Quare affirmo, me omnino Christianum esse velle, subditis meis omnibus potestatem facio, vt et ipsi si velint, Christiani fiant. ad quod faciendum primum mouet me, quod ex Patre didici, non posse me, nisi Christianum, cælestis vitæ compotem esse. Deinde gratiosa voluntas, qua Rex tam potens suum mihi offert auxilium, quo imprimis egeo ad hoc, ne Bichagui totum meum regnum absumant et destruant, prout iam fecissent, nisi Capitaneus Sebastianus Fernandez Cassæo ad hunc portum inhabitandum venisset. Post cuius aduentum, ego et mei respirare cæpimus, vt qui ex vndis maris emersus, cælesti aura frui incipit. Ad defendendum me ab alijs Regibus vicinis, non egeo: tantum illud desidero, vt ab isto hoste et destructore et desolatore omnium regnorum huius tractus maritimi me liberum videam. Quandiu enim ille præualuerit, verè me Regem Bigubensem profiteri nequeo. Et nisi Albi, sub quorum præsidio viuo, mihi adessent, iam illud relinquere, et ad aliud magis mediterraneum me retrahere cogerer. Expecto vt Maiestas V. scribat Patri, quem

huc misit, me vt Christianum faciat, et simul vt robur aliquod exercitus, quo abundat, huc transmittat, quo hostem hunc nostrum destruat et vires eius conterat, quibus tanta nobis damna infert. In quam rem etiam ego quamuis vires meæ exiguæ sint, meos mittam, vt si non amplius, saltem Albis seruiant. Deus cœli conseruet et prouehat vitam potentissimi Regis Alborum, vt et nos viuamus.

VERA RELATIO MODI, QVO CONVERSUS EST DOMINUS PIKKERING WOTTON, BARO ANGLUS, AB ILLO IPSO PAULO ANTÈ QUAM MORERETUR DICTATA, ET PROPRIÂ MANU SUBSCRIPTA.

Cum die 3. Octob. anni 1605. (erat is dies lunæ) in morbum incidissem, vocatum ad me Dn. Persall Cubicularium meum tantisper vrsi, dum promitteret, obligaretque se per eam, quæ nobilem decet, fidem, se nullum è Patribus Societatis IESV ad me euocaturum; nec de mea infirmitate certiores eos redditurum. statueram enim omninò Protestans viuere, et mori; et penitus abhorrebam ab omni vlteriori conferentia de rebus fidei, et religionis, cum quoquam suscipienda. satis enim mihi iam olim de ea cum diuersis contulisse videbar in Italia, Hispania, alijsque in locis.

Die autem Sabbati, qui 13. erat dies, ex quo ægrotare ceperam, Pater quidam è Societæte IESV, natione Anglus, cum me infirmum esse fortè fortuitò inaudijsset, visitandi gratia ad me adijt, et causam ex me petijt, cur hanc meam ægritudinem clam se habuissem. Cui ego, me veritum fuisse, ne per hanc morbi occasionem, nouam aliquam de religione disputationem mecum institueret, cuius disceptationis, ne vel mentionem faceret, eum magnopere rogabam.

Ille nihilominus sæpe, multisque orationibus me vrgebat, vt catholicus fierem. ego ipsum contra obtestabar per illum ipsum mihi satis perspectum, quo me prosequebatur, amorem, ne quem amplius ea de re sermonem faceret; me enim iam firmissimè statuisse protestantem et viuere, et mori, certumque esse Deum mea mihi peccata condonaturum, meque in ea religione saluaturum esse.

Porrò Pater ille prædictus, iam à me discessurus, rogauit, num æquo animo laturus essem, si me denuò inuiseret. æquissimo, respondi, si me pro amicitia modo inuiseret. at si quid de materia religionis tractare vellet, obsecrabam ne ad me vlla prorsus ratione reuerteretur. Ergò discedens id vnum me monuit, vt benè expenderem; me protestantesque cæteros non diffiteri, catholicos in suæ fide saluari posse, cùm catholici contrà ad vnum omnes quotquot vel modo sunt, vel fuère vnquam, vt fidei articulum certissimè teneant, nec protestantes, nec vllos alios hæreticos extra Catholicam Ecclesiam saluari posse. Quare si catholicus fierem, viam me ingressurum esse, vtriusque partis consensu tutam. Verum ea consideratio nil admodum me tunc permouit.

Secundo rogauit me, ne vsque adeo contumaciter, et obstinatè excluderem media omnia, quibus Deus ad meam salutem procurandam vteretur; cauerenque ne sanctis ipsius inspirationibus resisterem, quas ipse mihi liberalis-

simè esset communicaturus: quin potius me totum sine vlla hæsitatione illius manibus permitterem, eique cum omni differentia, ex animo supplicarem, vt me veram salutis, cultusque sui viam instrueret, si forte illam necdum insisterem.

Simul istis addebat Pater, vt si quod me desiderium caperet de vllo religionis capite conferendi, ipsum confestim euocarem, se mox affuturum, quantumuis intempesta nocte vocaretur. et benè mihi precatus discessit. Postrema hæc abeuntis verba altius in animum meum descenderunt, adeoque visa sunt consentanea rationi, vt non possem, quin illius sequerer consilium. Paulò igitur post in genua me, quam potui optimè, erexi, supinisque in cælum manibus attentissimè, non sine multis lachrymis, de profundo cordis mei Deum omnipotentem obtestatus sum, vt me creaturam suam, tanquam creator, oculis misericordiæ suæ aspiceret, dignareturque me sanctam suam docere voluntatem, et si fortè à via salutis aberrarem, ad eam dirigeret. Dum preces istas efficacissimè effunderem derepente ob oculos meos conspicio, et quidem clarissimè, lumen quoddam in formam crucis. et statim tantus mihi oblatus est rationum, argumentorumque cumulus, quibus fides catholica ostendebatur vnica esse salutis via, Protestantium contra religio absurdissima, et abominabilis, vt euidentissimè conuincerer sine vllo vel leuissimo dubio. Atque hæ rationes quæ tunc se mihi offerebant, pleræque tales erant, vt non recordarer me illas per omnem vitam vnquam audiuisse. Hinc tantam mei in memetipso sensi mutationem, tantumque gaudium et incredibilem consolationem, quantam verbis non possum exprimere. cor ipsum gaudio exiliebat. Patrem ipso momento reuocaui, Deum interim, quam potui efficacissimè, obtestans, vt hunc suum sanctum Spiritum in me conseruaret. Simulatque Pater ad me venit, rogaui vt confessionem meam exciperet, eique rem omnem ex ordine, vt gesta erat, exposui. Ille, vbi me de singulis catholicæ religionis capitibus examinasset, quæ ego firmissimè et integerrimè credebam, et credo, confessionem meam audiuit. Inde ego continuam in animo meo consolationem et piam æternæ salutis fiduciam experior. Illaque animo penitus sedit sententia (si modo Deus vitam prorogaret) nihil omittere quibus fidem catholicam promouere potero. sin diuinæ ipsius Maiestati visum fuerit, me nunc de hoc sæculo euocare, moriar, et libentissimè quidem; meque totum in ipsius manus resignabo: curiam totam cælestem obtestatus, vt meritas illi meo nomine gratias agant, suamque mihi opem præstent, ne ei ingratus sim, qui vsque adeo misericorditer mecum egit, et tam singulari vocatione me membrum effecit Catholicæ, et Romanæ Ecclesiæ, in qua, opitulante sancta ipsius gratia, et assistentia, viuam et moriar. In cuius rei fidem, et certissimum testimonium, epistolam hanc propria manu subscripsi. Die 17. Octob. 1605. coram infrascriptis Dominis.

PICKERINGVS WOTTON.

RICARDO WALPOL.

FRANCISCO IVVENE.

IOANNE PERSAL.